

ЦЕНТР КОНСЕРВАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ЛЕВИАФАН

Материалы семинаров
по проблемам геополитики и многополярности

ВЫПУСК 2

Евразийское Движение
Москва
2011

ББК 66.4

Л 36

*Печатается по решению кафедры
Социологии международных отношений
социологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Главный редактор

Профессор социологического факультета МГУ, д. пол. н. А. Г. Дугин

Редактор-составитель

В. Алтухов

Научно-редакционная коллегия

Д. ист. н. В. Э. Багдасарян, Альберто Буэла (Аргентина),
Флавио Гонсалес (Португалия), Тиберио Грациани (Италия),
д. филос. н. И. П. Добаев, С. А. Жигалкин, к. ю. н. В. И. Карпец,
д. соц. н. А. К. Мамедов, к. филос. н. Н. В. Мелентьева,
Матеуш Пискорски (Польша), д. филос. н. Э. А. Попов,
Пшемислав Серадзан (Польша), к. филос. н. В. В. Черноус

Л 36 **Левиафан** : Материалы семинаров по проблемам геополитики и
многополярности (вып. 2) / [Под. ред. А. Г. Дугина; Ред.-сост. В. Алту-
хов]. — М.: Евразийское Движение, 2011. — 206 с., ил.

ISBN 978-5-903459-06-3

Сборник «Левиафан» представляет собой экспериментальную научную площадку для обсуждения наиболее авангардных тенденций в геополитике. В этом формате российские и зарубежные эксперты в этой области соотносят классические модели геополитики с фундаментальными изменениями в базовой структуре международных отношений и развивающимися процессами в глобальной политике. Концептуально и методологически он является продолжением и развитием тех направлений в геополитической науке, которые впервые были намечены в конце 80-х годов — на первых этапах создания российской (евразийской) геополитической школы.

ББК 66.4

Для оформления обложки использована работа Уильяма Блейка
«Бегемот и Левиафан».

© «Евразийское Движение», оформление, 2011

ISBN 978-5-903459-06-3

© Авторы, тексты докладов и статей, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От семинаров к регулярному журналу (вступительное слово) (Дугин А. Г.)	5
---	---

МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА «ЛЕВИАФАН» (ВЕСЕННИЙ СЕМЕСТР 2011 ГОДА)

Семинар № 1

Геополитика многополярного мира

Алтухов В. В. Обзор семинара	9
Дугин А. Г. Геополитика многополярного мира: теория геополитического полицентризма (тезисы)	21
Бовдунов А. Л. Идеи многополярности в Восточной Европе	27
Савин Л. В. Геокультура, коммуникации и сакральная география	39

Семинар № 2

Геополитика постсоветского пространства

Алтухов В. В. Обзор семинара	45
Дугин А. Г. Геополитика постсоветского пространства (тезисы)	63
Савин Л. В. Ритм-анализ структуры СНГ	69
Раку Октавиан Республика Молдова — форпост или мост?	75
Максимов И. А. Геополитика Грузии: история и современность	81
Сидоренко А. В. «Сообщественная гегемония» — альтернативный путь евразийской интеграции	87

Семинар № 3

Геополитика ислама

Алтухов В. В. Обзор семинара	95
Дугин А. Г. Геополитика ислама (тезисы)	115
Савин Л. В. Атаки против гражданских объектов в Ливии	121
Мансур-Мачей Яхимчик Геополитика Аль-Каиды	127
Муравьев А. В. Христианские корни ислама	135
Сотниченко А. А. Геополитика Турции	141
Гулевич В. А. Геополитическое прочтение наследия И. Гаспринского	149

Семинар № 4

Баланс американской гегемонии

Алтухов В. В. Обзор семинара	157
Дугин А. Г. Понять американскую Империю (тезисы)	175
Бовдунов А. Л. Концепция постоянного конфликта Р. Петерса	183
Савин Л. В. Война и smart power в геополитике США	191
Гулевич В. А. Англосфера и Русский мир: филология и война	201

ОТ СЕМИНАРОВ К РЕГУЛЯРНОМУ ЖУРНАЛУ (вступительное слово)

Второй выпуск сборника семинаров Центра Консервативных Исследований «Левиафан» состоит из 4 разделов, соответствующих конференциям, посвященным изучению заявленных тем. Концептуально и методологически он является продолжением и развитием тех направлений в геополитической науке, которые впервые были намечены в конце 80-х годов — на первых этапах создания российской (евразийской) геополитической школы. С первых публикаций («Континент Россия» в 1989 г., «Подсознание Евразии» в 1990 г., «Великая война континентов» в 1991 г. и т. д.) эта школа очертила как общие контуры классической геополитической науки, так и специфику положения русских геополитиков, представителей континентально-евразийской ориентации, объективно стоящих на позициях Heartland'a и субъективно защищающих его интересы.

В начале 90-х годов был составлен первый в России полноценный учебник по этой дисциплине «Основы геополитики», содержащий развернутое введение в данную науку и базовую хрестоматию основополагающих классических геополитических текстов (Х. Макиндер, К. Хаусхофер, К. Шмитт, П. Савицкий, Й. Лохаузен, Ж. Тириар, Ж. Парвулеско и т. д.). Учебник выдержал несколько изданий в России, впоследствии был переведен на многие иностранные языки (грузинский, арабский, турецкий, сербский, румынский и т. д.). В 2007 году вышла монография «Геополитика постмодерна», а в 2011 новый учебник «Геополитика», подытоживающий более чем 20-летние исследования русской геополитической школы и рассматривающий новейшие тенденции в этой науке за рубежом. Кроме того, в 2011 году вышел сборник с конспектами лекций по «Социологии геополитических процессов России», где впервые закладываются основы систематического изучения «геополитики России» в исторической перспективе. На основе этого курса в 2012 году планируется изда-

ние нового учебного пособия «Геополитика России». С осени 2010 года стал выходить ежемесячный журнал «Геополитика» (гл. ред. Л. В. Савин), выпускаемый кафедрой Социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, где содержится геополитический мониторинг основных процессов, разворачивающихся в международной сфере. Еще более оперативный ежедневный анализ публикуется на сайте www.geopolitika.ru.

Сборник «Левиафан» в этом контексте представляет собой экспериментальную научную площадку для обсуждения наиболее авангардных тенденций в геополитике. В этом формате российские и зарубежные эксперты в этой области соотносят классические модели геополитики с фундаментальными изменениями в базовой структуре международных отношений и развивающимися процессами в глобальной политике.

Второй выпуск сборника «Левиафан» посвящен четырем основным темам:

1. Геополитика многополярного мира.
2. Геополитика постсоветского пространства.
3. Геополитика ислама.
4. Баланс американской гегемонии.

Сборник планируется выпускать в дальнейшем на регулярной основе, развивая и рассматривая с разных сторон уже обозначенные темы (особенно геополитику многополярности, анализ американской гегемонии и т. д.) и открывая новые направления (сетевые войны, разработка геополитической доктрины России и т. д.).

Редакция приглашает всех заинтересованных этими направлениями лиц к активному сотрудничеству.

А. Г. Дугин

*доктор политических наук,
профессор социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
руководитель Центра Консервативных Исследований*

**МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА «ЛЕВИАФАН»
(ВЕСЕННИЙ СЕМЕСТР 2011 ГОДА)**

Семинар № 1

Геополитика многополярного мира

ГЕОПОЛИТИКА МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ТЕОРИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО
ПОЛИЦЕНТРИЗМА

ИДЕИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

ГЕОКУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИИ И САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ

ОБЗОР

Кафедра социологии международных отношений и Центр Консервативных Исследований в рамках еженедельных интеллектуальных семинаров социологического факультета МГУ 16 февраля 2011 г. провела заседание на тему «Геополитика многополярного мира». Сложившийся регламент, в ходе которого были заслушаны один основной и несколько вспомогательных докладов, был слегка нарушен презентацией нового учебника по геополитике под авторством профессора А.Г. Дугина. Третья глава книги под названием «К теории многополярности, мировоззренческие основы» как нельзя лучше коррелирует с названием семинара. Перейдя непосредственно к самому семинару, стоит отметить, что тема многополярности в предыдущем семестре уже поднималась неоднократно, но в контексте изучения существующих постгеополитических теорий и концептов. На этот раз была предпринята попытка философского обоснования теории полицентричности, изучены идеи многополярности в Восточной Европе, рассмотрен вопрос: одна геокультура сложилась в мире или геокультур несколько. И в завершении семинара особой критике подверглось явление, именуемое антиглобализмом.

Теперь обо всем немного поподробнее.

Профессор А. Г. Дугин, выступил с основным докладом на тему «Геополитика многополярного мира: теория геополитического по-

Профессор А. Г. Дугин

лицентризма», который состоял из трех частей. В первой части, обозначив проблему отсутствия философии многополярности, он выделил арбитрный список истоков для ее формирования, во второй части доклада были рассмотрены существующие теории международных отношений, а в третьей — речь шла о ква-

дриполярном (четырёхполюсном) проекте многополярного мироустройства.

В первой части своего доклада Александр Гельевич акцентировал внимание на том факте, что какой бы мир не создавался сейчас на наших глазах, в основе его лежит не многополярная, а универсалистская философия, которая рассматривает всё с точки зрения нормативных моделей развития общества. Но для обоснования построения полицентричного мироустройства необходима новая философия, политическая, социальная, историческая, исходящая из фундаментальных принципов отказа от универсалистских, индивидуалистских, этноцентричных принципов, базирующаяся на антропологическом плюрализме. Это должно повести к отказу от нормативизма, в котором за основу берутся концепты западной цивилизации такие как «права человека», «эгалитаризм» и т. д. За основу профессор Дугин предлагает взять антииндивидуалистские методологии Дюмона, считавшего полноценной и последовательной социологией лишь холизм.

Немаловажными, по мнению докладчика, являются и работы Самнер Уильяма Грэма, который, основываясь на большом этнографическом материале, выводит такие понятия как мы-группа/они-группа (отношения в мы-группе — сплоченность; между мы-группой и они-группой — враждебность) и этноцентризм (в основе лежит склонность человека оценивать окружающий мир через призму культурных представлений своей мы-группы).

Данная методология позволит отказаться от концепта «абстрактного общества» как всеобщего эквивалента, базовой модели, так как общество всегда конкретно. Исходя из этого сравнение конкретного общества с другим конкретным обществом допустимо и необходимо, а вот сравнение конкретного общества с «абстрактным обществом» не соответствует научной строгости.

Приписывание нормативности именно западному обществу, а также утверждения строгой последовательности фаз развития, обязательных для любого общества, как впрочем, и утверждение о существовании цивилизации в единственном числе (противопоставление цивилизация/варварство) есть не что иное, как проявление этноцентризма, навязываемого западной мы-группой остальным обществам.

Необходимо ввести принципы этносоциологии, культурной, социальной структурной антропологии, подробнее о которых можно узнать из выходящей на днях в печать монографии профессора Дугина. Релевантными являются работы таких ученых как Боас, Турнвальд, Эванс-Причард, Леви-Стросс, тут же стоит упомянуть важность монадиальности Лейбница (общество как конкретная монада второго уровня) и феноменологии Гуссерля, на основании которой можно выстроить этно-феноменологию.

Также профессор Дугин напомнил, что в прошлом семестре проходили семинары посвященные неаристотелевской логике, и в связи с этим в очередной раз рекомендовал обратить внимание, прежде всего, на Китаро Нишиду, Brentano, китайскую философию Инь-ян.

Подводя итог первой части доклада, А. Г. Дугин обратил внимание на то, что нельзя строить многополярный мир в условиях однополярной философии. Эта философия должна быть создана теми, кто стремится к построению полицентризма.

Во второй части доклада профессор Дугин говорил о том, что в рамках современных подходов международных отношений многополярность как теория не только отсутствует, напротив, для нее нет места и это необходимо исправить. Профессор Дугин напомнил, что в центре теории многополярности находятся радикально новые субъекты миропорядка — цивилизации (концепция Полюса), и это кардинально отличает ее от существующих теорий международных отношений оперирующих такими понятиями как государство, гражданское общество, экономические формации (труд/капитал), индивидуумы.

Так же важным в этой части доклада является краткая характеристика существующих теорий международных отношений, коих на сегодняшний день всего четыре, и сравнение их особенностей и различий с многополярной теорией.

Реализм. Эта теория исходит из того, что в пост-Вестфальском мире акторами международных отношений являются государства, понятые как автономный индивидуум, который взаимодействует с другими государствами, абсолютно жёстко исходя из своих эгоистичных интересов. Но в отличие от Гоббса, предлагавшего такую антропологию на уровне внутривнутриполитической ситуации, теория реа-

лизма в международных отношениях отказывается от наличия «Левиафана», того кто был бы над национальными государствами. Международные отношения ничем и никогда не регулируются, кроме конкретного баланса жизненных интересов отдельных государств. Это основная базовая модель американской и англосаксонской геополитики.

Понятие цивилизации должно быть взято как самостоятельный концепт, и именно цивилизации должны выступать как конкретные полюса многополярного мира, в этом и состоит смысл теории многополярности. Это не старая Вестфальская система, где полюсом выступает национальное государство; в нынешних условиях ни одно национальное государство, кроме США, не может претендовать на роль полюса. И между этими полюсами не должно быть никакой наднациональной модели, цивилизации отстаивают свои интересы естественным образом, как это делают государства в теории реализма.

Идеализм или либерализм. Данная теория международных отношений не столько гоббсовская, сколько локковская, смысл которой заключается в том, что демократические общества, основанные на парламентской модели правления, на свободном рынке, на признании прав человека меньше склонны конкурировать военным образом с другими демократиями. Поэтому на передний план выйдут экономические отношения, взаимосвязи и культурный обмен вместо противостояния интересов. В основе либеральной теории международных отношений лежит распространение западных социально-политических моделей на весь мир, и это значит не отказ от агрессии, но проведение агрессии в гуманитарных целях (пример: Ирак, Афганистан, где для торжества демократии принесены в жертву сотни тысяч жизней).

В отличие от либерализма теория многополярности не признает либерал-капиталистической системы, как универсальной базы интеграции. Но при этом, соглашаясь с идеалистической теорией, допускает интеграционные процессы на основе сходства конкретных цивилизационных ценностей, но в локальном масштабе границ этой цивилизации.

Неомарксистская теория. Акторами международных отношений являются не государства, не политические демократии, объединяющиеся в единое гражданское общество, а экономические факторы, т.е. международные отношения мыслятся глобально в мир-системе Валерстайна, где мир поделен на две зоны: Зону капитала (богатый Север) и Зону глобального пролетариата (бедный Юг). При этом нивелируются все национальные, цивилизационные, политические особенности, имеющие второстепенное значение. Эта модель международных отношений, основанная на прогрессизме, утверждает, что лишь когда весь мир превратится в единое глобальное государство с мировой капиталистической элитой и мировым пролетариатом, только тогда сложатся условия для мировой революции.

Теория многополярности, соглашаясь с неомарксистами, признает несправедливость существующей однополярной мир-системы, отвергает ее правомочность и призывает бороться с ней. Но при этом не принимает экономический детерминизм и убежденность в том, что разделение труда и противоречия между Трудом и Капиталом являются основой мир-системы и политэкономической географии глобального мира. Вместо этого теория многополярности предлагает рассмотреть цивилизацию как экономического актора, внутри которого разделение на бедных и богатых не будет вносить столь радикальную оппозицию. Так же можно перенести политтехнологии третьего пути, применявшиеся в 30-е годы в национальных государствах Европы на цивилизационный уровень. Взятый за основу лозунг «ни пролетарий, ни буржуа — все мы соратники» позволил снять внутреннее напряжение и экстраполировать его, что дало небывалый экономический подъем в Европе. Теория многополярности предлагает рассматривать внутри цивилизации богатые и бедные слои общества не как врагов, а как единомышленников внутри мы-группы по отношению к они-группе.

Конструктивистская или постмодернистская теория. Еще одно название — социологическая. Данная теория делает ставку не на классических акторов международных отношений, а предлагает рассматривать полифонию акторов, в том числе и подгосударственных, утверждая важность участия в политике НПО, фондов, гуманитарных инициатив, управляемых гражданским обществом. Что можно

обозначить как немного усовершенствованную версию либеральной теории международных отношений, но только с критикой западно-центристских установок. Теория релятивизирует дискурс трех базовых теорий МО, интересна в своей критической фазе, но не может быть взята за основу многополярного мира, тем более что речь о многополярном мире вообще не идет, а говорится, скорее всего, о бесполярном мире, о том, что У. Бек назвал обществом риска.

Теория многополярности отвергает перенос центра внимания международных отношений к субгосударственным акторам и гражданскому обществу, гипериндивидуализацию и космополитизм, а также миксофилическую Obsession (в общем, все то, что принято называть ультраглобализмом или альтерглобализмом), но соглашается с критикой постмодернистских теорий по отношению к существующим международным отношениям, основанных на принципах Модерна.

В третьей части доклада Александр Гельевич заявил, что на практике многополярная теория международных отношений может быть представлена как квадриполярный проект.

Квадриполяризм (четыреполюсный мир) представляет собой районирование земного шара на четыре зоны: Американскую, Евро-Африканскую, Евразийскую и Тихоокеанскую. Эти четыре зоны призваны к меридиональной интеграции, являясь при этом четырьмя главными полюсами, между которыми следует установить относительный политико-экономический и военно-стратегический баланс.

Каждая зона квадриполярного проекта делится на виды или субзоны, которые более строго соответствуют понятию конкретная цивилизация. Они-то и есть главные акторы международных отношений.

В каждой зоне (полюсе квадриполяризма) можно выделить несколько цивилизаций:

Американская метацивилизация. Включает в себя Североамериканскую (плюс Австралия), и Латиноамериканскую. Иногда в отдельное «большое пространство» помещают Центральную Америку, которая примыкает к Южной Америке и является частью Латиноамериканской цивилизации.

Евро-Африканская метацивилизация. Включает в себя интегрированную Европу, Арабию (арабский мир) и Транссахарскую Африку.

Евразийская метацивилизация. Включает в себя Россию + страны СНГ (Евразийский союз), страны континентального Ислама (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан), Индию.

Тихоокеанская метацивилизация. Включает в себя Китай, Японию и зону других Дальневосточных и тихоокеанских государств, так или иначе испытывающих влияние Китайско-японского кондоминиума.

Границы между метацивилизациями и цивилизациями многополярного мира должны быть гибкими и допускать зоны смешанного влияния. От концепта границы-линии (Модерн и международные отношения Модерна) переходим к границе-полосе (Премодерн/Постмодерн).

В заключение своего доклада профессор А. Г. Дугин заявил, что только описанный выше многополярный мир является альтернативой существующему миру.

Александр Бовдунов в своем докладе «Многополярность и Восточная Европа» говорит о том, что после распада Советского Союза восточноевропейские страны взяли строгий курс на вступление в НАТО и ЕС, однако на пути к интеграции, при столкновении с Западным миром, произошли также противоположные тенденции, связанные с пробуждением традиционалистски настроенных масс. Авторы сборника ИНИОН РАН «Национализм и популизм в Восточной Европе» отмечают, что в случае румынского, словацкого, польского, венгерского всплесков популизма и национализма лежат не только межэтнические проблемы, но проблемы социальные, а также несоответствие «европейских ценностей» традиционным и неспособность самой Западной Европы принять в себя восточноевропейцев».

Далее автор переходит к рассмотрению политических сил, выступающих за многополярное мировое устройство по Странам.

Словакия. После вхождения в парламентскую коалицию сил, представляющих национал-популистский тренд, правительство Роберта Фицо начало развивать дружественные отношения с Россией,

Словакия вышла из войны в Ираке, а так же поддержала нашу страну в августовском конфликте 2008 года.

Болгария. Болгарская националистическая партия «Атака» выступает против либеральных реформ и того положения, в котором в их результате оказалась страна. Выступает за выход Болгарии из НАТО и с 2004 года показывает весьма стабильные результаты на общенациональных выборах 9—10%. При этом партия имеет русофильскую направленность.

Румыния. После преодоления 5% барьера на выборах в парламент в 2009 г. партией «Великая Румыния», призывавшей к многополярности в международных отношениях, в парламенте страны наиболее популярной является национал-либеральная партия Румынии, со стороны которой постоянно слышится критика МВФ и отказ от участия Румынии в войне в Ираке. При этом не только национал-либеральная партия, но и социал-демократическая партия выступают за улучшение отношений с Россией.

Польша. Среди политических сил Польши можно выделить противостояние двух геополитических проектов: filo-русского, наследующего национал-демократические традиции Р. Дмовского и анти-русского, наследующего государственно-демократические традиции Ю. Пилсудского. Также стоит отметить Марека Гвогошовского и его критику глобализма, Ярослава Томашевича, автора работы «Этно-плюралистический манифест», в котором он выдвигает в качестве норматива идею сохранения культурного и этнического многообразия обществ.

Венгрия. До 2000-го года единственной партией придерживающейся идеи многополярного мира была Венгерская партия Справедливости и Жизни — MIEP, выступавшая против вхождения Венгрии в НАТО, глобализма, американского империализма. Партия осудила бомбардировки Югославии силами НАТО в 1999 году и вторжение США и их союзников в Ирак в 2003. Начиная с 2000-х и по сей день самой мощной партией, выступающей за многополярный мир является национал-популистская Партия за лучшую Венгрию — Йоббик. Партия ориентирована на традиционные ценности и сохранение национальной идентичности, критикует США и их стремление к единоличному правлению миром, призывает более активно сотруд-

ничать с основными центрами сопротивления новому мировому порядку — Китаем, Россией, Ираном.

Сербия. Среди большинства политических партий, поддерживающих идеи многополярного мира, пожалуй, единственная Сербская радикальная партия Войслава Шешеля выступает с позиций евро-скептицизма. Сербским интеллектуалам, выступающим с позиций многополярного мира, присущи: ориентация на Россию, сербский национализм, антизападничество.

Хорватия. В Хорватии отсутствуют серьезные политические силы, которые выступали бы за проект многополярного мира (влияние США довольно сильно). И все же интеллектуальная оппозиция однополярному миру в Хорватии существует, более того, выдвигаемые немногочисленными хорватскими авторами проекты оригинальны и интересны.

Наиболее известным хорватским автором является Томислав Сунич, член Европейского движения «Новых правых». Сунич оппонирует идеям «глобальной» демократии, как противостоящей правам народов на собственное уникальное развитие. Объединение в искусственные конструкции во имя демократии, блага, всеобщего братства, считает Сунич неминуемо ведет к стравливанию народов, что хорошо показывает пример бывшей Югославии.

Другой представитель хорватских новых правых, член «европейских синергий» Юре Вуич, геополитик, поддерживает основные линии европейской имперской геополитики, идею евразийского континентального блока, противостоящего англосаксонским талассократиям, симпатизируя евразийству во всех его видах, считает его подходящим для формирования альтернативной современному миропорядку геополитической концепции многополярного мира. При этом Вуич жестко выступает против попыток объединения Европы исключительно на рациональных началах, в частности против идеи Хабермаса, против современной, бюрократической структуры ЕС и противопоставляет проект Европы как союза, объединяющего различные народы Европы, выстраивая культурное многообразие на органической, а не искусственной основе.

Также стоит упомянуть популярного правого католического публициста Марко Франчисковича, считающего, что политический союз с США и Великобританией ставит под угрозу хорватские на-

циональные интересы, независимость государства и католические ценности, которые подрываются глобализмом, американским протестантизмом и пр. Марко предлагает Хорватии ориентироваться во внешней политике на Россию, для которой может открыть выход в Адриатическое море, и Германию, предоставив немцам выход в Адриатику и дунайскую речную систему.

В завершение своего доклада Александр Бовдунов высказал мысль о необходимости наладить диалог с этой частью восточноевропейских обществ для обсуждения геополитических проектов альтернативных однополярному миру.

Содержание доклада «Геокультура, коммуникации и сакральная география», который представил Леонид Савин, коррелирует с предыдущими двумя. Основная мысль доклада заключается в том, что попытка построения однополярного мира и установление нового мирового порядка, объявленного Дж. Бушем-старшим во время операции «Буря в пустыне», привела к тому, что международные акторы стали разрабатывать свои подходы и модели многополярного устройства мира.

В качестве примера докладчик привел следующие доводы:

Во-первых, процессы глобализации породили такое явление как этноглобализм, смысл которого заключается в том, что он не является мультикультурализмом (провалившимся в Европе), культурным релятивизмом, процессом транскультурации, а так же не является ассимиляцией, впрочем, как и не является и этноконвергенцией. Он имеет поликультурный контекст и отрицает любую мимикрию локальных этнических, культурных, религиозных практик.

Во-вторых, установление глобалистской культуры, такой как культура США (о которой З. Бжезинский высказался, что это некий симбиоз, некая суррогатность культур, тем не менее привлекательная и интересная для некоторых народов), для современных процессов глобализации является пунктом один во внешней политике США. Как один из примеров такой суррогатной культуры докладчик привел спорт, в котором популярным и востребованным является футбол. Футбольные ассоциации представляют собой координационный центр, большое количество футбольных клубов, имеющих свою символику, и в пределах этноцентрума четко себя различаю-

щих среди других спортивных групп. Спорт имеет многополюсную структуру.

Докладчик также обратил внимание на то, что культуры бывают не только суррогатными, но и религиозными. Если проанализировать религиозную культуру, можно заметить, что в Америке (за исключением нескольких сект) нет религиозного центра. Все религиозные центры находятся на территории Африки, Европы и Азии, являясь при этом еще международными акторами.

Подытоживая свой доклад, Леонид Савин заметил, что во многих явлениях прослеживаются процессы, направленные на многополярный мировой уклад.

Свой доклад «Критика антиглобализма» Юлия Фирсова начала с замечания, что после крушения СССР в мире стала складываться однополюсная система, в оппозицию к которой выстраиваются различные организации антиглобалистской направленности. У каждой организации есть свои плюсы и минусы, но они представляют собой разрозненную систему без какой бы то ни было общей идеологической направленности. Не совсем ясно за счет чего существуют эти организации и кем они финансируются. Есть предположение, что одним из источников является правительство США, которое преследует цель дестабилизации Евразии. Характерным признаком для организаций подобного рода является развитость медиаресурсов, которые широко освещают их деятельность.

В завершение докладчик резюмировала, что лик империализма буржуазия пытается прикрыть безликим словечком «глобализация», но при этом «антиглобализм» не является эквивалентом антиимпериализма.

Подводя итоги семинара, профессор Дугин обозначил важность тезиса: антиглобализм не является инструментом борьбы с глобализацией, наоборот антиглобализм является инструментом глобализации. Разрозненное движение, базирующееся исключительно на PR-технологиях, своими провокациями маргинализирует идею антиглобализма, способствуя установлению нового мирового порядка, которому придается престижный характер. Совершенно очевидно, что антиглобализм не является антитезой однополярному миру, что реальной альтернативой глобализации и однополярному миру является только многополярное мироустройство.

А. Г. Дугин

Д. п. н., директор Центра Консервативных Исследований
при социологическом факультете, зав. кафедрой Социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

ГЕОПОЛИТИКА МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ТЕОРИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛИЦЕНТРИЗМА (ТЕЗИСЫ)

Часть 1

Философия многополярности

Для построения многополярного мира нужна новая философия. Политическая, социальная, историческая.

Эта философия должна исходить из следующих фундаментальных принципов:

- социологический максимализм (холизм, Л. Дюмон), отказ от методологического индивидуализма;

- антропологический плюрализм (сколько обществ и культур, столько и определений человека), отказ от нормативизма (в частности, от концепта «прав человека», «естественных прав», «эгалитаризма»);

Профессор А. Г. Дугин

- плюриверсальность (С. Латуш, А. де Бенуа), отказ от универсализма;
- общество может быть только конкретным (мы-группа / они-группа, мога Самнера), отказ от концепта «абстрактного общества» как всеобщего эквивалента, образца, базовой модели;
- этносоциологизм/культурная, социальная, структурная антропология (Боас, Турнвальд, Эванс-Причард, Леви-Стросс) вместо убежденности в строгой последовательности фаз развития, обязательных для любого общества;
- реверсивность исторического процесса против идеи прогресса;
- не-аристотелева логика (Китаро Нишида, Инь-ян, Brentano) против аристотелевской логики;
- цивилизационная феноменология (Гуссерль), против «цивилизации» в единственном числе и пары цивилизация/варварство;
- монадиальность (Лейбниц); общество как конкретная монада, против общей социологии, приписывающей свойство нормативности западноевропейским обществам;
- конкретная компаративистика против евроцентризма (как частного случая этноцентризма и имплицитного расизма).

Эта философия должна быть в общих чертах создана и обрисована всеми, кто стремится к построению многополярного мира. Без неё многополярного мира не будет. У новой многополярности пока нет плана, нет идейной базы. Она должна быть.

Часть 2

Теория многополярности в контексте существующих теорий МО

1. Многополярность как теория отсутствует в современных МО. В рамках нынешних подходов у нее нет места.

2. Основные теории МО: реализм, либерализм (идеализм), неомарксизм, а также постмодернистская критика. Реализм не подходит для теории многополярности, так как оперирует с базовой категорией национальных государств. Либерализм — поскольку берет за

основу сближения стран западноевропейскую либерально-капиталистическую модель гражданского общества. Неомарксизм — потому что рассматривает мир-систему (Валлерстайн) как глобальный капитал (богатый Запад) и глобальный труд (бедный Юг), игнорируя важнейшую для нас зону полупериферии (см. первый семинар в сборнике 4ПТ №1). Постмодернизм критикует реализм и либерализм в рамках общей критики Модерна (и этим он интересен), но позитивного сценария не предлагает, утверждая вместо «мирового порядка» (последнее слово Модерна) «мировой беспорядок» (общество риска — У. Бека, например — см. семинар по постгеополитике в сборнике Левиафан №1).

3. Теория многополярности, по сути, должна стать новой теорией МО наряду с существующими.

4. В центре теории многополярности стоит концепция полюса. Этим полюсом является, в отличие от других теорий МО, не государство, не гражданское общество, не экономические категории (труд/капитал), не индивидуумы, но цивилизации, как радикально новые субъекты миропорядка. Цивилизации трансгосударственны. Их количество качественно меньше количества государств, но больше, чем 2 или даже 3. Таксономия цивилизаций может быть выстроена на двух уровнях: глобально-пространственном и локально-пространственном. Глобально-пространственный уровень можно уподобить роду. А локально-пространственный — виду. Об этом чуть подробнее в 3 части (о квадриполярности).

5. Особенности и отличия многополярной теории в сравнении с другими версиями МО таковы:

- в отличие от реалистов, она оперирует не с национальными государствами, а с цивилизациями, которые признаются в качестве главных акторов МО;
- но в согласии с реалистами, теория многополярности признает хаотическую природу МО в сфере между акторами-цивилизациями, то есть придает акторам-цивилизациям признак суверенности;
- в отличие от либерализма, теория многополярности не признает либерал-капиталистической системы, как универсальной базы интеграции;

- но, в согласии с идеалистами (лучше называть их так, а не либералами), допускает интеграционные процессы на основе схождения конкретных цивилизационных ценностей, однако в локальном масштабе границ этих цивилизаций (то есть в границах конкретной цивилизации могут быть и не хаотические, но рационализированные процессы интеграции);

- у неомарксистов теория многополярности отбрасывает экономический детерминизм, убежденность в том, что разделение труда и противоречия между Трудом и Капиталом являются основой мир-системы и политэкономической географии глобального мира (вместе с имплицитной убежденностью в победе интернационализма на обоих полюсах — капиталистическом (богатый Север) и пролетарском (бедный Юг), вместо этого утверждая обратимость экономико-географических процессов (см. первый семинар в сборнике 4ПТ №1);

- но, в согласии с неомарксистами, признает несправедливость существующей однополярной мир-системы (с полюсом в «богатом Севере»), отвергает ее правомочность и призывает бороться с ней;

- в отличие от постмодернистов, в МО теория многополярности отвергает перенос центра внимания к субгосударственным акторам и гражданскому обществу, гипериндивидуализацию и космополитизм, а также миксофилическую Obsession (одним словом, ультраглобализм или альтерглобализм);

- но, в согласии с постмодернистами, теория многополярности критикует существующие МО, основанные на принципах Модерна, метафоре государство=индивидуум.

Часть 3

Квадриполяризм и большие пространства

1. На практике многополярная теория может быть представлена через квадриполярный проект.

2. Квадриполяризм (четыреполюсный мир) представляет собой районирование земного шара на 4 зоны: Американскую, Евро-Африканскую, Евразийскую и Тихоокеанскую. Эти 4 зоны призваны к

меридиональной интеграции. Они и есть 4 главных полюса, между которыми следует установить относительный политико-экономический и военно-стратегический баланс. Это 4 рода цивилизаций. 4 мета-цивилизации-геноса.

3. Каждая зона делится на виды или субзоны. Они соответствуют более строго понятию «цивилизация» или «конкретная цивилизация». Это главные акторы многополярной теории. Выстраивание баланса между ними должно идти параллельно выстраиванию баланса между зонами-родами. Это цивилизации-виды, цивилизации-эйдосы. Им соответствует концепт К. Шмитта «большое пространство». В данном случае «большое пространство» следует рассматривать как конкретный «пре-концепт» основы теории многополярности (см. в сборнике Левиафан №1)

4. В каждой зоне (полюсе квадриполяризма) можно выделить несколько цивилизаций-эйдосов.

В Американской метацивилизации-геносе: Североамериканскую (включая Австралию) и Латиноамериканскую (иногда в отдельное «большое пространство» помещают Центральную Америку, в целом примыкающей к Южной Америке и Латиноамериканской цивилизации).

В Евро-Африканской цивилизации-эйдосе: Европу (уже интегрированная), арабский мир (Арабиستان) и Транссахарскую Африку.

В Евразии: Россию + страны СНГ (Евразийский Союз), страны континентального Ислама (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан), Индию.

В Тихоокеанском регионе: Китай, Японию и зону других Дальневосточных и Тихоокеанских государств, так или иначе испытывающих влияние Китайско-японского кондоминиума.

5. Границы между метацивилизациями и цивилизациями, родами (геносами) и видами (эйдосами) многополярного мира должны быть гибкими и допускать зоны смешанного влияния. От концепта границы-линии (Модерн и МО Модерна) переходим к границе-полосе (Премодерн/Постмодерн).

Заключение

Альтернативой существующему миру является только многополярный мир, описанный выше!

А. Л. Бовдунов

Аспирант кафедры социологии международных отношений
социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

ИДЕИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (ДОКЛАД)

Мы привыкли рассматривать страны Восточной Европы в качестве зоны непосредственного влияния США. Влияние России в них после распада Советского Союза резко уменьшилось, обиды недавней истории, претензии, выдвигаемые к России со стороны лидеров этих государств, не содействовали дальнейшему улучшению отношений. Элиты восточноевропейских стран, за исключением Сербии, которая в 2000-х присоединилась к этому тренду, взяли строгий курс на вхождение в НАТО и ЕС.

Однако по мере интеграции в европейские и евроатлантические структуры, столкновение с Западным миром вызвало и противоположную тенденцию. Миры восточноевропейских стран и мир Запада оказались слишком разными, та социокультурная система, куда восточноевропейцам приходится интегрироваться, для многих является просто неприемлемой, раздражающей

А. Л. Бовдунов

часть традиционалистски настроенных масс. Роль этих стран подчинение интересам США и западноевропейским странам, подобный удел не может удовлетворять как часть элит, так и мощные контрэлиты.

В последнее время в Восточной Европе, как отмечают отечественные и западные аналитики, происходит рост настроений евроскептицизма и разочарования в либерально-демократической системе, в тех ценностях, которые открыто проповедают США и их союзники. Образ Европы, как замечают сами западные исследователи, теряет свою привлекательность для восточноевропейцев¹. Движущей силой роста влияния популистских движений и лидеров, к которым относят даже и таких атлантистов, как братья Качиньские или Траян Басеску, становится усталость от либерализма, стремление к другим ценностям. Таким настроениям общества в Восточной Европе соответствует серьезный «традиционалистский стержень», обращение к традиционным ценностям². Авторы сборника ИНИОН РАН «Национализм и популизм в Восточной Европе» отмечают, что в основе румынского, словацкого, польского, венгерского всплесков популизма и национализма лежат не только межэтнические, но и социальные проблемы, а также несоответствие «европейских ценностей» традиционным, неспособность самой Западной Европы принять в себя восточноевропейцев³. На этом фоне становится понятным и появление серьезных политических сил в этих странах, заявляющих о курсе на многополярность во внешней политике, и наличие серьезных философов и геополитиков, предлагающих свои образы многополярного мирового устройства, несмотря на очевидный «атлантизм» этих стран.

Многополярность по странам:

Во всех странах восточной Европы можно четко выделить те политические силы, которые выступают за многополярное мировое устройство. Степень их радикализма может быть разной, но все они являются представителями того «национал-популистского тренда»,

¹ Поллак Д. Национализм и евроскептицизм в посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы / Восточная Европа: национальные культуры в контексте глобализации и интеграции. М., 2005. С. 10.

² Национализм и популизм в Восточной Европе. М.:2007. С. 8.

³ Там же.

о котором речь шла выше. Большая часть их сейчас находится в оппозиции, хотя и располагает серьезной поддержкой населения.

Словакия

Примером того, насколько может поменяться внешняя политика при приходе таких сил к власти, даже в качестве младшего партнера по парламентской коалиции является пример Словакии, которая при правительстве Роберта Фицо (в него вошли левые популисты, партия Фицо Smer, партия бывшего лидера Словакии В. Мечьяра, обвиняемого Западом в авторитарных замашках, и старейшая в стране националистическая Словацкая национальная партия Яна Слота) начала развивать дружественные отношения с нашей страной, вышла из войны в Ираке и поддержала Россию в августовском конфликте 2008 года¹. Сейчас, хотя Smer и обладает крупнейшей фракцией в словацком парламенте, она находится в оппозиции правоцентристскому правительству.

В. Путин и Р. Фицо

Болгария

О своей русофильской направленности заявляла и болгарская националистическая партия «Атака», феномен которой, как отмечают болгарские политологи и социологи, вызван во многом протестом против либеральных реформ и того положения, в котором в их результате оказалась страна². «Атака» и ее лидер Волен Сидеров, помимо всего прочего, выступает за выход Болгарии из НАТО и с 2004 года показывает весьма стабильные результаты на общенациональных выборах (9-10%), что не всегда характерно для националистических и популистских движений Восточной Европы,

¹ Трухачев В. Словакия — главный друг и партнер России в центра Европы. Международное обозрение Восток+Запад <http://www.eastwest-review.com/rus/article/slovakiya-glavnyi-drug-i-partner-rossii-v-tsentre-evropy>

² Светлорусова Л. М. Проблема национализма в Болгарии в XXI веке / Национализм и популизм в Восточной Европе. М.:2007.С. 41-43.

многие из которых быстро теряют доверие избирателей и уступают место другим.

Среди 20 пунктов программы партии можно выделить несколько, касающихся международной политики:

- Немедленный вывод болгарских войск из Ирака.
- Выход из НАТО. Неучастие в военных блоках. Полный нейтралитет. Никаких иностранных военных баз на территории Болгарии.
- Референдум по всем важным вопросам, которые касаются образа жизни больше чем 10 % нации.
- Болгарские сельскохозяйственные территории не продаются иностранцам ни в коем случае.
- Пересмотр закрытых глав в договорах по присоединению к Европейскому союзу и изменение невыгодных для Болгарии условий. Отмена договора по закрытию АЭС «Козлодуй».
- Прекращение зависимости Болгарии от Международного Валютного Фонда и Мирового Банка¹.

Румыния

Социал-демократическая партия Румынии, для которой также характерно обращение к популизму, и Национал-либеральная партия этой страны в ходе президентских выборов 2009 года активно выступали за улучшение отношений с Россией. Общий кандидат партий во втором туре выборов социал-демократ Мирча Джоанэ собрал половину всех голосов избирателей, уступив менее одного процента действующему президенту Траяну Бэеску.

В настоящее время, после заката партии «Великая Румыния» на выборах 2008 года не преодолевшей пятипроцентный барьер, из крупных парламентских партий, выступающих за многополярность в международных отношениях, наиболее сильной является одна из трех наиболее популярных партий страны — Национал-либеральная партия Румынии. С ее стороны звучит как критика МВФ (с такой критикой выступили бывший премьер-министр и

¹ 20 точки на партия АТАКА http://www.ataka.bg/index.php?option=com_content&task=view&id=13&Itemid=29

лидер либералов Кэлин Попеску-Тэрычану¹, и бывший министр финансов в либеральном правительстве Варужан Возганиян²), так и участия Румынии в продиктованных иностранными интересами предприятиях, в частности участия румынских войск в войне в Ираке³.

Польша

В Польше движение «Самооборона», бывшее одним из главных элементов коалиции, приведшей к власти братьев Качиньских, и ее лидер Анджей Леппер активно выступали против либералов, интеграции в ЕС и за выход из НАТО, негативно оценивали интервенцию НАТО в Косово, занимая антиатлантистскую позицию⁴.

Польские националисты (то есть наследники межвоенной эндеции), как ни странно, ориентируются на союз с Россией, которая с их точки зрения может противостоять Германии как главному врагу «польскости» и славянства. Навязывание США своего покровительства их также не устраивает, поскольку в этом видится угроза их идентичности. В этом они следуют за одним из важнейших представителей польского национализма межвоенного периода Романом Дмовским, который противопоставил антироссийскому проекту Пилсудского свой проект, направленный на союз с Россией. Влияние идей и того и другого ощущается и по сей день, так что можно говорить о противостоянии в Польше двух геополитических проектов фило-русского, наследующего национал-демократической традиции Р. Дмовского и антирусского, наследующего государственно-демократической традиции Ю. Пилсудского⁵.

¹ <http://www.mdn.md/index.php?view=viewarticle&articleid=6468>

² <http://www.ziare.com/varujan-vosganian/stiri-varujan-vosganian/vosganian-nu-inteleg-atitudinea-fmi-care-protejeaza-guvernul-991481>

³ CSAT respinge propunerea de retragere a trupelor din Irak http://www.bbc.co.uk/romanian/news/story/2006/06/printable/060630_csat_respingere.shtml

⁴ Лыкошина Л. С. Нереальное решение реальных проблем. К вопросу о популизме и национализме в Польше / Национализм и популизм в Восточной Европе С. 62-70.

⁵ Там же С.70-73.

Из интересных польских авторов, выступающих против многополярного мира можно отметить Марека Гвогошовский, критикующего глобализм с позиций, близких к взглядам Адама Шамира и Ноама Хомского¹, а также Ярослав Томашевич, доктор политических наук, редактор журнала «ЗакоженЕне», автор работы «Этноплюралистический манифест²», в котором качестве норматива выдвигается идея сохранения культурного и этнического многообразия обществ, этноплюрализма.

Венгрия

ИС начала 2000 и по сей день наиболее мощной партией, выступающей за многополярный мир, является национал-популистская Партия за лучшую Венгрию — Йоббик. Как заявлено на ее официальном сайте «Партия «За лучшую Венгрию» открыта для сотрудничества с любыми партиями и движениями, отстаивающими традиционные ценности и выступающими против диктата ЕС и нового мирового порядка глобализации»³.

Лидер партии Габор Вона, в своих статья и выступлениях, посвященных международной проблематике, критикует прежнее левое правительство Гюрчания и нынешнее правое правительство Орбана за их не соответствующий венгерским интересам подход к внешней политике. Критикуются США и их стремление в одиночку управлять миром, Вона призывает более активно сотрудничать с основными центрами сопротивления новому мировому порядку — Китаем, Россией, Ираном⁴.

Своеобразные идеи венгерского восточничества можно найти в выступлениях Мартиан Дьёндёша, отвечающего за вопросы

¹ Лыкошина Л. С. Нереальное решение реальных проблем. К вопросу о популизме и национализме в Польше / Национализм и популизм в Восточной Европе С. 62-70.

² <http://www.freespeechproject.com/477.html>

³ <http://www.jobbik.com/russian.html>

⁴ Vona Gábor: A háborúról, az ellenségről és a haditervről <http://kuruc.info/r/7/18197/>

внешней политики в партии. Так, выступая на международном форуме в Китае, он отметил, что азиатский вектор, с его точки зрения, должен стать основным в будущей внешней политике Венгрии. В этой связи он подчеркнул, что Венгрия является единственной страной в Европе с азиатскими корнями¹. В другой раз, в посольстве Ирана Дьендьеш снова заявил, что, будучи географически европейской страной, Венгрия обладает восточными душой и духом. Часть венгерского народа, да и он сам, являются потомками разбитых в XIII веке монголами ираноязычных алан, часть которых ушла с половцами в Венгрию. Не только исторические, культурные, но, конечно, более сильные экономические и политические связи должны быть установлены с Востоком. Другой причиной ориентации на Иран, с точки зрения венгерских политиков является его независимое поведение на внешнеполитической арене, народный и консервативный характер революции 1979 года, стремление к самобытности, свободе, суверенитету, возврат к собственным традициям, — тот путь, по которому с точки зрения Йоббика должна пойти и Венгрия.²

Ориентированная на традиционные ценности и сохранение национальной идентичности часть восточноевропейских обществ уже сейчас выдвигает геополитические проекты альтернативной организации этого пространства, которые выглядят благоприятными для России.

Сербия

В Сербии идеи многополярного мира поддерживаются большинством политических объединений в силу исторических причин и прямого военного столкновения с однополярным миром в лице США, НАТО в 90-х. Хотя имеются и откровенно

¹ Márton Gyöngyösi attended an international conference in Changchun, China <http://www.hungarianambiance.com/2010/09/marton-gyongyosi-attended-international.html>

² Marton Gyongyosi's speech at the Iranian Embassy <http://www.jobbik.com/hungary/3195.html>

прозападные партии типа Демократической партии Тадича, или выросшей из проамериканского НПО либеральной партии Г17+ и Либерально-демократической партии Сербии, остальные крупные политические организации выступают за многополярность.

Наиболее принципиально за многополярное мировое устройство выступает Сербская радикальная партия Войслава Шешеля, занимающая в отличие от остальных, позицию евроскептицизма.

Поправел и Войслав Коштуница отказываются от вступление в ЕС из-за позиции по Косово.

Среди интеллектуалов, которые развивали и развивают идеи многополярности в Сербии можно отметить ныне покойного Драгоша Калаича, главного редактора газеты «Геополитика» Слободана Ерича, доктора Смиля Аврамову, члена Сената Республики Сербской, редактора журнала «Национальная стратегия» Милоша Кнежевича, американо-сербского геополитика профессора, доктора Срдья Трифковича, сотрудничающего с палеоконсервативным американским изданием *Chronicles*, философа и публициста Марко Марковича, генерала Радована Радиновича и многих других. Главным отличием сербских авторов, выступающих с позиций многополярного мира, является ориентация на Россию, сербский национализм, антизападничество. В основном затрагиваются проблемы, которые касаются непосредственно Сербии и Балкан, взаимоотношений России и Сербии, НАТОвской агрессии против Сербии, распада Югославии.

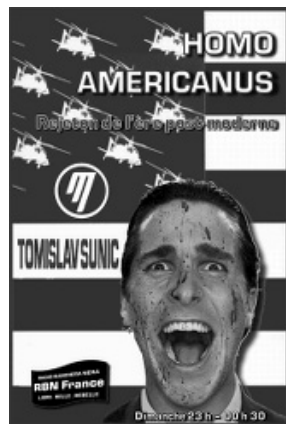
Хорватия

В Хорватии отсутствуют серьезные политические силы, которые выступали бы за проект многополярного мира (влияние США довольно сильное). Восприятие себя в качестве части европейской цивилизации, обострившееся благодаря гражданской войне на территории бывшей Югославии (в Хорватии — официально «Война за независимость»), вызвало и ориентацию на ЕС и НАТО в 90-х. И все же интеллектуальная оппозиция однополярному миру в

Хорватии существует, более того, выдвигаемые немногочисленными хорватскими авторами проекты оригинальны и интересны.

Наиболее известным хорватским автором, поддерживающим проект многополярного мира, является бывший хорватский дипломат, ныне советник министра иностранных дел Хорватии, доктор Томислав Сунич, член Европейского движения «Новых правых». Сунич долгое время работал в Америке и до сих пор ведет передачу на интернет-радио англоязычных новых правых “Voice of reason”. Одна из последних его книг «Homo Americanus: Child of the Postmodern Age» посвящена соотношению традиционного американского мессианизма и современной глобальной модели, которую навязывают США. Стоит отметить, что Сунич не враг консервативной Америки, более того, сторонник евроамериканской идентичности, *Child of the Postmodern Age* однако, как и американские консерваторы, он полагает, что либеральная идеология прогресса, мультикультурализм, стремление к мировому господству и насаждению абстрактных ценностей по всему миру, угрожает как самой Америке, так и всем народам, которые с ней сталкиваются.

Сунич придерживается консервативных взглядов, критикует либерализм за его «тоталитаризм¹», отвергает политику мультикультурализма, как заведомо утопичную и разрушающую культурные основания европейской цивилизации². Сунич оппонирует идеям «глобальной» демократии, как противостоящей правам народов на собственное уникальное развитие. Объединение в искусственные конструкции во имя демократии, блага, всеобщего братства, считает Сунич, неминуемо ведет к стравливанию народов, что хорошо показывает пример бывшей Югославии³.

¹ Historical Dynamics of Liberalism: From Total Market to Total State. <http://www.tomsunic.info/essays/historicaldynamicsof liberalism.pdf>

² Sunic T. Can Europe Learn the Lessons of Yugoslavia? Or will it continue to build societies destined to explode? <http://www.amren.com/ar/2001/09/>

³ <http://www.tomsunic.info/essays/aglobalvillageorthetherightsofthepeoples.pdf>

Не менее интересен другой представитель хорватских новых правых, член «европейских синергий» Юре Вуич, также сотрудник хорватского министерства иностранных дел, геополитик. Его работы посвящены как общегеополитическим вопросам (в частности, изменению традиционной геополитики в эпоху Постмодерна), так и проблемам роли Европы в новом мироустройстве. В статье «Империя и мы» Вуич выдвигает идеал европейской империи, которая является в первую очередь духовной сущностью, знаменуя собой обращение к аристократическим ценностям. Империя объединяет различные народы в одном сосуде. Народы различные; и эти различия, и выраженную в них свободу народов сохраняет именно империя, которая восстает против современного денежного варварства и смиряет «святое варварство наших предков». В этой статье Вуич поддерживает идею евразийского континентального блока, противостоящего англосаксонским талассократиям, и основные линии европейской имперской геополитики — к Северному морю, Балтике, Средиземноморью и Индийскому Океану¹. Вуич с симпатией относится к евразийству во всех его видах, считая, что геополитическая концепция многополярного мира лучшая альтернатива современному миропорядку². В этом году в свет должна выйти первая книга о евразийстве на хорватском языке, труд Вуича «Евразийство против атлантизма».

Вуич жестко выступает против попыток объединения Европы исключительно на рациональных началах, в частности против идеи Хабермаса о постепенном движении в сторону европейского национального государства, построенного на принципах Модерна, как противовеса «вульгарной сверхдержаве» США. Конституционный патриотизм стерилен, утверждает Вуич, современная бюрократическая, рационалистическая, подавляющая этнический Эрос структура ЕС не подходит для Европы как возможного полюса в глобальной системе. Глобальному или европейскому демосу может быть противопоставлен проект Европы

¹ L'Empire et nous — Jure G. Vujic <http://www.juregeorgesvujic.com/2011/jure-vujic-lempire-et-nous/>

² Euroazijanizam kao postmoderna 'sintagma paradoksa' http://www.dugirat.com/index.php?option=com_content&view=article&id=11154&catid=100:obrazovanje&Itemid=469

как союза, объединяющего различные демой (мн. число от демос), причем политическое разделение на демой должно соответствовать культурному многообразию Европы, ее регионов, выстраивая европейский проект на органической, а не искусственной основе¹. С точки зрения Вуича в Европе необходим переход от либеральной постдемократии и невыполнимой идеи единой европейской демократии (что требует наличия единого европейского демоса) к демой-кратии, что означает переход от общей идентичности к разделяемым или плюральным идентичностям, от общности идентичности к общности геополитических проектов больших континентальных пространств и, наконец, от многоуровневого управления к многоцентричному или многополярному управлению².

Кроме этих довольно высокоинтеллектуальных геополитиков защитником идеи многополярного мира может быть назван популярный правый католический публицист, бывший участник войны в бывшей Югославии Марко Франчискович. С его точки зрения, политика союза с США и Великобританией ставит под угрозу хорватские национальные интересы, независимость государства и католические ценности, которые подрываются глобализмом, американским протестантизмом и пр. Хорватия могла бы выиграть, если бы переориентировалась в своей внешней политике на Россию, для которой предоставила бы выход в Адриатическое море, и Германию, открыв немцам выход в Адриатику и через дунайскую речную систему. Таким образом, Хорватия бы упрочила свои позиции, став наиболее желанным и важным стратегическим партнером двух континентальных государств на Балканах, являясь своеобразной «скрепкой» между ними³.

Ориентированная на традиционные ценности и сохранение национальной идентичности часть восточноевропейских обществ уже сейчас выдвигает геополитические проекты альтернативной организации этого пространства, которые выглядят благоприятными для России.

¹ Vujic J. Global demos: Critical Analysis of Global Democracies // Ab Aeterno. 2010. Issue 3. Pp 54-55

² Vujic J. Global demos: Critical Analysis of Global Democracies // Ab Aeterno. 2010. Issue 3. Pp 57

³ Franciscovic M. Geopolitička spajalica http://hrsvijet.net/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=50&Itemid=331

Со стороны России было бы глупо не попытаться наладить диалог с этой частью восточноевропейских обществ, осмыслить их геополитические проекты.

Л. В. Савин

Главный редактор портала «Геополитика.ру» и журнала «Геополитика»

ГЕОКУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИИ И САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ (ДОКЛАД)

Во-первых, нужно коснуться результатов того, что породили процессы глобализации, а они породили такое явление как этноглобализм, смысл которого заключается в том, что он не является мультикультурализмом (провалившимся в Европе), не является культурным релятивизмом, не является процессом транскulturации, а так же не является ассимиляцией, впрочем, как не является этноконвергенцией. Он имеет поликультурный контекст и отрицает любую мимикрию локальных этнических, культурных, религиозных практик. Этноглобализм является стратегией, которая направлена на большую социальную сложность и комплексность, продвигая дифференциацию и интеграцию, а также лояльность к аутсайдерам, хотя и не идеализирует другие культуры¹.

Л. В. Савин

¹ Klein, Phil. Ethnocentrism and Ethnogloballism, Strategies for Culture Orientation. Jun. 27, 2009. <http://livinginmartinique.wordpress.com/2009/06/27/ethnocentrism-and-ethnogloballism-strategies-for-culture-orientation/>

Это привело к критике модели однополярной глобализации, которая является продуктом либеральной идеологии с индивидуальными правами и свободами и осмыслению необходимости придерживаться стратегической культуры, которая настаивает на принадлежности к общности, а не индивиду. Кроме того, в основе стратегической культуры заложена многосторонность и устойчивость, что немаловажно в международных отношениях, направленных на многополярность.

Существуют разные определения стратегической культуры, но все они так или иначе связаны с народом и пространством. Колин Грей называет ее «обращением к способам мышления и действия при решении вопросов применения силы, уходящее корнями в национальный исторический опыт, отражающий модели поведения в критических ситуациях, при этом учитывается развитие гражданской культуры общества и его образ жизни»¹. Лучиан Пай предложил рассматривать стратегическую культуру в качестве динамической структуры, которая закрепляет и оживляет коллективные воспоминания путем обращения к традиции. В таком случае стратегическая культура является генератором, который возобновляет в сознании людей их предпочтения, определенные традициями, а также выступает как средство увековечивания и закрепления ценностей². Видный исследователь стратегической культуры Алистер Джонстон дал следующее ее определение — это интегрированный набор символов (аргументационных структур, языков, аналогий, метафор и т. д.), который действует на установление распространяющихся и длительных стратегических предпочтений, формулируя концепции роли и эффективности силы в межгосударственных политических делах, и придавая этим концепциям такую ауру фактажа, что стратегическое предпочтение кажется уникально реалистичным и эффективным³.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что попытки США навязать свою стратегическую культуру другим странам и народам

¹ Gray, Colin. "National Style in Strategy: The American Example," *International Security* 6, no. 2 (Fall 1981): pp. 35-37.

² Pye, Lucian W. *Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Authority*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1985, pp. 20-22.

³ Gray, Colin. "National Style in Strategy: The American Example," *International Security* 6, no. 2 (Fall 1981): pp. 35-37.

привели к провалу. Хотя такие деятели как Збигнев Бжезинский и Ральф Петерс и настаивают на привлекательности американской культуры из-за ее пошлости и суррогатности, в плане глобального доминирования она не может перейти как через физические границы, так и через границы виртуальные¹. Для примера можно привести другие виды суррогатной культуры, например, спорт и наиболее его глобалистскую версию — футбол. Однако футбольные ассоциации представляют собой координационный центр, в УЕФА состоит 655 клубов, имеющих свою символику и традиции и, если говорить с точки зрения этноцентрума, эти клубы четко различают себя среди других спортивных групп. Аналогично и в музыкальной культуре с местами проведения фестивалей и конкурсов. Третьим столпом подобной культуры можно назвать кинематограф. Хотя многие настаивают на всемогуществе Голливуда, при ближайшем рассмотрении их претензии на монополию являются ошибочными. Не затрагивая престижные международные кинофестивали, можно лишь отметить экономическую сторону — индийская кинокомпания Болливуд приносит больший доход, чем Голливуд, хотя ее фильмы в основном имеют региональное распространение (в год на студиях Болливуда снимается около 800 фильмов, в основном на хинди и других языках Индии).

Но культуры бывают не только суррогатными, но и религиозными. Никто не станет отрицать, что религия — это особый культурный феномен, серьезно влияющий на политику и международные отношения (в самой системе международных отношений существует ряд школ, противоречащих друг другу, что указывает на то, что не может быть единого глобального унифицированного подхода к этому вопросу).

Если же проанализировать религиозную культуру, то с точки зрения сакральной географии, т.е. различных мест паломничества или культа, можно заметить, что в США, за исключением нескольких сект, нет ни одного центра, претендующего на мировое значение. Все важнейшие религиозные центры находятся на территории Африки, Европы и Азии, являясь при этом еще международными акторами. В любом случае, американские католики вынуждены считать-

¹ Johnston, Alastair Iain. *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*. Princeton: Princeton University Press, 1995.

ся с центром в Ватикане, евреи — с Израилем и соответствующими святынями в других местах (брацлавские хасиды совершают паломничество в Умань к могиле цадика Нахмана), мусульмане смотрят на Мекку, последователи Будды — в различные сакральные центры Азии и т. д. Кроме того, религиозные центры обладают не только духовным, но и финансовым капиталом, что немаловажно для оказания влияния на политику.

К сказанному необходимо добавить повышение роли коммуникационных технологий, что позволяет формировать свои социальные сообщества, которые часто являются транснациональными, но с четкой идеологической идентификацией. Таким образом, ризоматическое общество (Ж. Делез, М. Кастельс) распространяется и в географической плоскости, и границы не являются более сдерживающим фактором. Анализ подобных сообществ показывает, что они развиваются по принципу многополярности, их развитие по аналогу теории глобального сообщества видится нереальным, о чем свидетельствует постоянное появление новых альтернативных сетевых сообществ со своими алгоритмами и интерфейсами. И если Дж. Розенау отметил, что после биполярной системы в мире все действующие лица стали делиться по принципу государствоцентричности и мультицентричности, то при выборе любого из подходов с учетом лавинообразного роста акторов, мультиполярность остается единственной стратегией международных отношений будущего.

Семинар № 2

ГЕОПОЛИТИКА ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ГЕОПОЛИТИКА ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

РИТМАНАЛИЗ СТРУКТУРЫ СНГ

РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА — ФОРПОСТ ИЛИ МОСТ?

ГЕОПОЛИТИКА ГРУЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

«СООБЩЕСТВЕННАЯ ГЕГЕМОНИЯ» — АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПУТЬ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

ОБЗОР

Центр Консервативных Исследований и Кафедра социологии международных отношений, в рамках еженедельных интеллектуальных семинаров, 23 марта 2011 года провели заседание на тему «Геополитика постсоветского пространства». Вниманию участников семинара были представлены основной доклад профессора А. Г. Дугина и ряд содокладов, к обзору которых предлагается перейти.

Ректор кафедры Социологии международных отношений, социологического факультета МГУ профессор А. Г. Дугин высказал пожелание несколько сократить по времени свой доклад «Геополитика постсоветского пространства» с тем, чтобы обсудить быстроизменяющиеся актуальные события, которые разворачиваются в международных отношениях.

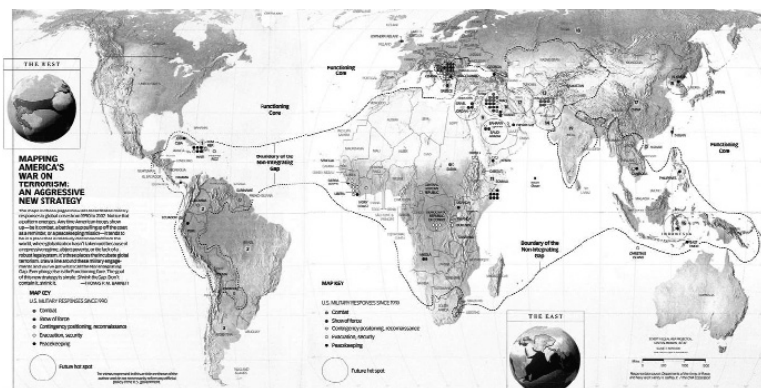
В начале своего доклада А. Дугин воссоздал контекст, в котором предложил рассматривать ситуацию на постсоветском пространстве в конкретной привязке к тем процессам, которые происходят в мире. Существуют три парадигмы, три модели рассмотрения ситуации в отношении постсоветского пространства их следует разделять во избежание путаницы. Итак:

Первая парадигма — однополярная. Предполагает, что после распада Советского Союза мир стал однополярным, в это понимание нужно вкладывать не только *unipolarity*, но и *multilateralism*. Профессор Дугин обратил внимание, что в современном тезаурусе есть два схожих по звучанию термина, которые не стоит путать, так как они противоположны по смыслу: *multilateralism* и *multipolarity* (многополярность), к обсуждению последнего было предложено перейти позже. *Unipolarity* — идея, предполагающая, что американская гегемония — единственный полюс мира, классическая идея в издании Уильяма Кристола, т. е. США правят миром как империя, а все остальные — их периферия. Этой идее, причем в американском контексте, противопоставляется *multilateralism*, т. е. США должны править миром не в одиночку, а вместе с проамериканскими режимами в других странах, к примеру,

проатлантистская Европа (страны НАТО), Япония, Турция и т. д. В однополярной парадигме идет спор о том, только ли США принимают решения или они будут спрашивать мнение своих союзников. Споры эти бесконечны, но в сути мир-системы это не меняет ничего, так как не принципиально важно только лишь США входят в Ядро (Core) или же туда помещают Запад (West).

Стоит напомнить, что речь идет о концепции Томаса Барнетта, в основу которой легла теория мир-системы И. Валлерстайна. Разделение на Ядро (Core) и Провал (Gap) основано на факторе Подключённости (Connectedness) страны к основным глобальным процессам (экономическим, информационным, демографическим, политическим и др.).

Исходя из данной концепции и происходит рассмотрение цивилизационного пространства мира, т. е. в ходе процесса подключения (Connectedness) всех остальных (The Rest) к Ядру (Core) создаются идентичные ценности, схожие социальные модели, экономические институты, политические системы, идеология и т. д.

Зона провала (GAP) в концепции Томаса Барнетта

Применительно к теме семинара профессор А. Г. Дугин обозначил, что в данной парадигме страны СНГ мыслятся как более или менее подключенные. Самыми подключенными докладчик назвал страны Балтии и Грузию, не плохая степень подключенности у Украины и Молдовы. Остальные страны постсоветского пространства недоподключенные или плохо подключенные, и с ними ведется

работа. Наихудшая подключенность не у Туркменистана, вопреки расхожему мнению, а у России, так как считается, что такую большую территорию в принципе нельзя подключить, поэтому ее стоит фрагментировать для подключения по частям. Эта парадигма доминирует в западном понимании и, что самое прискорбное, и в элитных кругах России, включая руководство МГИМО, которое готовит специалистов-международников. Основная идея unipolarity, в общем-то, проста — каждый должен быть подключен, и в этом парадигмальном ключе написаны все анализы постсоветского пространства, в которых субъективная оценка того что есть дается через то, как должно быть.

Вторая парадигма представляет собой Вестфальскую систему. Профессор А. Дугин предлагает рассмотреть постсоветское пространство с точки зрения кондовых конвенций международного права, сложившихся в Европе начиная с XVII века, исходя из которых, субъектом политики является суверенное государство. И по сегодняшний день это составляет правовую модель международных отношений. Это означает, что любое государство взаимодействует с другим так, как посчитает нужным, тем самым в международных отношениях конституируется хаос, т.е. отношения между государствами не регулируются никакими правовыми актами, которые были бы для них общими. ООН не отрицает наличия хаоса в межгосударственных взаимоотношениях и не пытается снять его, а лишь ставит перед собой задачу гармонизации хаоса. Докладчик акцентировал внимание на том, что до последнего момента (вторжения в Ливию) ООН никогда не брала на себя функции по ограничению суверенитета входящих в организацию стран. Такие ограничения означали бы одно — конец Вестфальской системы де-юре, хотя многие аналитики уже не раз заявляли о конце Вестфальской системы де-факто. Голосование, которое состоялось в Совете Безопасности ООН по Ливии, говорит об одном — Вестфальской системе конец.

Тем не менее, постсоветские страны можно рассмотреть, заявил профессор, как сообщество национальных суверенных государств исходя из логики реалистических, классических моделей международных отношений. Тем более что к этой парадигме апеллируют сами страны СНГ, получившие свой суверенитет

после распада Советского Союза. Но для того, чтобы состояться как самостоятельное национальное государство, не имеющее над собой никакой высшей юридической инстанции в международных отношениях, по отношению к другим национальным государствам, как это было в Европе, особо обратил внимание А. Дугин, необходимо лет двести бурного национализма (обязательно с войнами и с миллионами жертв). А как по-другому можно выяснить, кто состоялся как суверенное государство, а кто failed states несостоявшееся государство. Другими словами, если мы хотим протестировать Вестфальскую систему на постсоветском пространстве, нам необходимо подождать минимум сто лет и посмотреть, как будут разворачиваться взаимоотношения, к примеру, между Казахстаном и Киргизией, между Узбекистаном и Таджикистаном воюя за водные ресурсы, исключительно так и создавались государства в Европе. Передел собственности между Францией и Испанией, между Францией и Германией, напомнил Александр Гельевич, лежит в основе тех границ, которые существуют между этими государствами на сегодняшний день. И совершенно не известно, какова будет судьба Украины в таких условиях, или Белоруссии, или Молдовы и т. д.

Однако идеологи первой парадигмы, комментирует докладчик, настаивают на несуразности такого подхода и, говоря, что нужно отказаться от этого, заявляют, что этот путь Запад уже прошел, в том числе и за страны СНГ, и предлагают сразу вписываться в мировое сообщество. Для безболезненного подключения обещают прислать НПО, которые инсталлируют на данное пространство либеральную демократию, рыночную экономику, права человека и прочие общечеловеческие ценности, взамен требуя отказаться от своих архаических и традиционных ценностей.

Тем не менее вторая парадигма вестфальского суверенизма есть, более того наши политические ведомства, наши ведомства международных отношений постсоветского пространства мыслят именно так. Но, накладываясь на первую парадигму, получаем взаимоисключающие вещи. Одни говорят: «побольше бы национализма», а другие им отвечают: «ну-ка быстро сложили свои суверенные полномочия, отказывайтесь от репрессий своей

оппозиции, а не то мы вам покажем».

Грегори Бейтсон, британский, затем американский философ, антрополог и психолог, методолог биологии и человекознания, утверждал, что шизофрения в детском возрасте часто возникает и развивается из-за речевых сбоев у паталогически косноязычных родителей, которые говорят взаимоисключающие вещи. Осмыслять одновременно в двух парадигмах постсоветское пространство, когда предлагается усилить свое государство и тут же поступиться своим суверенитетом, это, скажем так, для молодых институтов международных отношений стран СНГ наилучший способ заработать шизофрению, подытожил профессор.

Третья парадигма, в которой можно осмыслять постсоветское пространство, абсолютно исключая первую парадигму, с большим трудом сочетающуюся со второй парадигмой, заключается в гипотезе полицентрического мира. Это евразийская идеологическая модель, которая теоретически возможна с точки зрения исторических прецедентов, с точки зрения цивилизационных пределекций, с точки зрения имплементации культурных кодов, структур наших обществ. Она эфемерна, теоретична, но эта модель есть, заверил профессор А. Г. Дугин, хоть и работает как фантомные боли исторического единства. Но для того чтоб оно мыслилось как нечто единое, как нечто подлежащее интеграции, а такие проекты есть и они институализированы (ЕврАзЭС, ОДКБ, Таможенный Союз, Евразийский Союз Н. Назарбаева), необходимо фундаментально реформатировать архитектуру международных отношений, т. е. нужностроительство многополярного, полицентричного мира. Мира предполагающего районирование планеты Земля исходя из более менее равных, уравнивающих друг друга геополитических блоков. Это будет альтернатива однополярному миру, включая и unipolarity, и multilateralism, и миру, состоящему из национальных государств Вестфальской системы.

Все три парадигмы применяются к анализу не только постсоветского пространства, но и к остальному миру, подвел итог докладчик. Находясь в этой полисемии, разделяя эти парадигмы, мы становимся геополитическими трилингвами.

Воссоздав контекст, А. Дугин заявил о том, что недавние события в арабском мире, оказывают непосредственное влияние на

постсоветское пространство. Эти события можно охарактеризовать как изменение первой парадигмы, вместо постепенного подключения слоя за слоем, пункта за пунктом, мы обнаруживаем идеи Стивена Манна, который в 1992 году в журнале *Parameters* предложил интегрировать постмодернистские технологии в военные проекты, в частности речь шла о теории хаоса и стратегическом мышлении. За последние 20 лет эти модели были апробированы, обкатаны, и, по всей видимости, достроены, предположил докладчик, высказав опасение, что в ближайшее время мы увидим их в действии в России. Напомнив всем присутствующим о докладе Леонида Савина о Поле Вирильо, сделанном в прошлом семестре; Александр Гельевич в двух словах сообщил основной смысл дромократии: это выход за пределы пространства и времени через горизонт осуществления ультраскоростных действий.

Т. е., возвращаясь к Стивену Манну, демократия перестает быть системой, которую нужно методично строить в обществе, она становится саморазвивающимся вирусом. Напомним о взгляде С. Манна на систему международных отношений, предложившего рассматривать государства как компьютеры, где сама по себе страна является «железом», а политический строй «софтом», операционной системой. Запуская в операционную систему вирус в виде демократии, американский военный стратег говорит о том, что в одних обществах демократия приживется, изменив общество, а в других случаях просто его уничтожит. Раз так, утверждает Стивен Манн, демократия есть наше миметическое оружие (*Mimetic Warfare*), которое должно применяться не только и не столько в странах, где строительство демократии возможно, но и в странах, где строительство демократии невозможно в силу исторических предпосылок конкретного общества.

Это говорит о том, что если бы американцы хотели распространить демократию, подключая постепенно шаг за шагом страны и интегрируя их в Ядро: Афганистан, Ирак и т. д., строя демократические общества, то они ни в коем случае не стали бы снимать Мубарака и Бен Али, т. к. более проамериканского либерально-демократического режима в Египте и Тунисе и представить себе невозможно. Иными словами, подытожил профессор Дугин, мы видим запущенный вирус Поля Вирильо — дромократию, что может означать только одно:

американцы, в связи с тем, что у них дела идут очень плохо, решились на управление скоростью, что в данный момент означает «быстрее, чем». Мы видим, высказал гипотезу докладчик, что принимая модель Вирильо и, запуская демонов хаоса в мир, американцы хотят разрушить все быстрее, чем рухнут сами. Американская стратегия по методическому расширению зоны Ядра (The Core) сменилась на стратегию «быстрее, чем», нацеленную на демонтаж различных систем. Это говорит о том, что у них нет никакого сценария для Египта, Туниса, Бахрейна, Йемена, Алжира, Марокко да и для Ливии тоже нет, единственный сценарий — развалить все быстрее, чем они развалятся сами. Есть ли у американцев шанс, задался вопросом профессор, и тут же ответил на него — да, есть.

Заканчивая свой доклад, профессор Александр Гельевич Дугин, упомянул об одной из сетевых технологий — *socket puppet revolution*, пояснив, что смысл ее в том, что сотрудники спецслужб, зарегистрировав большое количество никнэймов в соц. сетях, устраивают оживленные дискуссии, к которым подключаются обычные юзеры, в результате общения возникают договоренности о проведении флэш-мобов. Т. е. агенты создают медиаимпульсы, которые перерастают в конкретные акции. Так же А. Дугин, обратил внимание присутствующих на то, что смартфоны продаются с уже предустановленными коммуникативными сервисами, а так же с инструкциями, как собраться на флэш-моб, как обойти ограждения полиции, как действовать, когда отключат интернет, в устройствах уже содержится программа революционных действий. Вот где настоящая скорость.

Я думаю, сказал профессор Дугин, что мы стоим на пороге хаоса.

По завершении основного доклада состоялись прения:

Алена Лиманова, Художник-концептуалист: Александр Гельевич, как Вы считаете, китайцы знакомы с концепциями П. Вирильо? Как мне кажется, у них есть специалисты по противостоянию хаосу.

Александр Дугин: Очень интересный вопрос. Для начала нужно сказать, что китайцы открыли для себя западный образ мышления в начале прошлого столетия, как и японцы (Китаро Нишида), уже

к середине века и те и другие поняли, что речь идет совершенно о другом семантическом поле. На вычленение западной парадигмы как таковой, и понимание того, что она несопоставима с их родными философскими моделями, ушло порядка 50 лет интенсивных философских занятий. Мы, русские, начали заниматься тем же самым раньше их лет на 20-30, уже в Серебряном веке стали выявлять парадигму отличия западной культуры от русской, и должны были закончить этот парадигмальный процесс примерно к 30-40-м гг. Но революция откинула нас в этом вопросе, и мы опять впали в смешение парадигм. Что касается современных китайцев, я с ними общаюсь, и мне кажется, что они уже сами плохо понимают, что писали их авторы в середине XX века. Марксизм и там сыграл функцию археомодерна, несмотря на то, что они по-китайски о своем китайском соображают хорошо, но модуль взаимодействия с западным миром очень сильно страдает. Рецепции Вирильо в Китае мне представляются маловероятными. Так же как нельзя говорить о Постмодерне в Турции. Турки очень толковые люди, но их интеллектуальная деятельность не выходит за рамки Модерна. Для того, что бы понять Вирильо, необходимо понять всю западноевропейскую философию: Гераклит, Платон, средневековую философию, спор схоластиков об универсалиях, Декарт, то, что принято называть классической западноевропейской, немецкой философией, что сказал Ницше и на чем поставил точку Хайдеггер. Если всего этого мы не знаем и не понимаем, то о каком Вирильо можно говорить?

Алтухов Вячеслав: Александр Гельевич, как Вы считаете, в условиях Постмодерна: теория хаоса, Поль Верильо, возможно ли построение многополярного мира, и каким образом?

Александр Дугин: Это интересная тема, многополярный мир может случиться, но только если американцам не удастся то, что они задумали, при этом с ними невозможно договориться, просто потому, что они живут на одно мгновение быстрее, «быстрее, чем». И всё. Например, если раньше для того, чтобы заработать деньги, нужно было построить фабрику, продать товар и т. д., то сейчас: купил акции на бирже, через секунду продал, через две все потерял, а через три стал миллионером. Это дромократия, «быстрее, чем», неважно быстрее, чем ЧТО, главное быстрее, и это философский термин,

это термин миметического оружия. Если русские, евразийские, поймут по настоящему, с чем они имеют дело, то начнут работать на контрфазе, не выстраивая каких-то долгих проектов, просто мешая американцам делать то, что они хотят. Дромократический процесс, запущенный в виде оружия, можно саботировать, но делать это сознательно. Нужно понять, что это игра, и в нее нужно включиться. Во-первых, ломать не строить, а во-вторых, и это самое основное, на хаос можно ответить только хаосом. Для этого нужно запустить свой хаос, действуя в этом еще быстрее, чем они, и не дать реализоваться их хаосу, саботируя его где только возможно. У русских богатое воображение, которое прекрасно справляется с тем, как обойти возникающие преграды. Например, переманить противника на свою сторону, отступить куда-то, сжечь собственную столицу. Это очень грамотная стратегия.

Алтухов Вячеслав: Кто, на Ваш взгляд, выступит в роли актора многополярного строительства?

Александр Дугин: Необходимо понять, что субъектом работы с хаосом не могут быть традиционные структуры: ни спецслужбы, ни политические деятели, ни научная общественность, никто не будет делать, но вместе с тем всё как-то само, русское начало, русская вещь может принять вызов хаоса. Это не чужая для нас стихия, наоборот родная, но только у них это от большого ума, а у нас от полного отсутствия этого ума.

Израэль Шамир,
российско-израильский
публицист: Как всегда
интересный доклад, но мне
кажется, в конце выступления
Александр Гельевич себя
сдержал, и вместо того
чтобы сказать, что хотел,
видимо решил попридержаться
коней. Когда, Александр, Вы
говорите, что хаос это наша
стихия, я хотел услышать:
раз так, то давайте в этот
хаос сыграем по полной

Израэль Шамир

программе. Как-то Вы не пошли по тому пути, который сами наметили. Мне со своей стороны хотелось бы подтолкнуть Вас продолжать идти по этому пути, т. е. хаос? Даешь хаос! И выйти по ту сторону хаоса в нужных для нас условиях. Иными словами, нужно отказаться от идеи постоянного охранительства, потому что, на самом деле, никуда это охранительство не ведет. Безусловно, всем было бы хорошо, если б в России или другой стране какие-то традиционные структуры охраняли и куда-то вели.

Возьмем, к примеру, Ливию. Мои знакомые, из местных, которые все прекрасно понимают, говорят, что последние 5-6 лет уже не то, что было раньше, все раскрадывается, все приватизируется, при том, что лозунги остаются. В таких условиях уже нет желания говорить об охранительстве. «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем», а там уже, Господи, благослови, и посмотрим, что получится. На мой взгляд, нужно отказаться от охранительства, как от идеи. Это первое.

Второе. Идея однополярного мира, как ее видят американские республиканцы, пробуксовывает, она не тянет, она немножко не едет. Можно заметить тенденцию, что в начале правления ДЖ. Буша-младшего было мнение, что это концепция работает, но сейчас мы видим, что эта концепция не работает, отсюда эти апелляции к мифическому мировому правительству, что раньше являлось уделом конспирологов. Америка одна не справляется, и то, что мы видим в Ливии, это серьезное влияние Франции, которая очень много вкладывала в свои отношения с Магрибом. Германию Магриб не интересует, ей ближе Прибалтика, Америке так же Магриб не интересен, хотя бомбить они умеют. Мы видим как меняется однополярный мир: в нем появляются новые центры силы, новые полюса, не без помощи России, которая всегда отстаивала эту идею.

Третье. Теперь, что касается скорости: если они нам хаос, то и мы можем им хаос, и кто раньше распадётся — большой вопрос и это реально. Надо действительно над этим работать это вещь выполняемая, нужно помочь им немножко с хаосом, тем более если мы его не боимся, если это наша стихия.

Алексей Беляев-Гинтовт, художник: Очень интересное сообщение «быстрее, чем». Можно было заметить, как американский кинематограф в начале нулевых породил целый веер кинолент, где

невозможно остановить транспорт, и вся интрига построена на том, что его остановить нельзя и нужно постоянно ускоряться. Это и автобус, и поезд метро, и железнодорожный состав, и автомобиль.... Как правило, некий маньяк отслеживает эту ситуацию и не дает остановиться. Происхождение этого мифа сугубо американское и мне был интересен именно культурологический феномен этого явления, а это оказывается наложение военных технологий.

Александр Дугин: Mimetic Warfare и Soccet Pappet Revolution — это очень фундаментальная метафизическая вещь. Очень хорошо, что Вы обратили внимание на развитие этих сюжетов в кинематографе — мы имеем дело с военной доктриной. Мы видим слияние военной доктрины с современным искусством, с художественными произведениями, с кино. Я более пяти лет потратил на то, чтобы убедить Генеральный штаб и Совет Безопасности начать заниматься сетевыми войнами (Network Warfare). Сначала они просто у виска крутили, но я им предоставил материалы, которые американцы рассекретили в 90-е годы, представляете, сколько они этим занимались, если в 98-м они просто это выложили в интернет. То, с чем мы сейчас имеем дело, это не сетевые войны, это уже на нескольких этапах более высокие вещи, в частности дромократия, военная доктрина, в основе которой лежит понятие скорости. Какими бы не были те силы, что стояли за взрывом двух башен торгового центра в Нью-Йорке, они поняли специфику устройства современного мира, они поняли, что этот мир уязвим. Если мы это осознаем, если мы поймем, что раньше для завоеваний нужны были материальные ресурсы, а сейчас достаточно ума, и можем сами запустить в этот процесс небольшой вирус, тогда тот хаос, летящий на дикой скорости в нашу сторону, в какой-то момент изменит свою траекторию. Это очень тонкие вещи. Интеллектуализм является сейчас самым главным оружием. В этом отношении я думаю, что для нашей военной доктрины это чистая утопия, боюсь, что люди в погонах и «Поль Вирильо» выговорить не могут. Мне кажется, что нам тоже нужно использовать искусство в военных целях.

Израэль Шамир: Сетевые войны, разработаны в Пентагоне, этот проект курировал американский специалист по социальной психологии и математическому анализу Владимир Лефевр, эмигрировавший в 70-е годы из СССР в США. Вам известен этот

факт?

Александр Дугин: У них все мозги заимствованы, все дело в том, что американцы ничего не утилизируют, они все новые идеи оптимизируют и включают в военное дело. На это еще Карл Шмитт обратил внимание, что китайцы изобрели порох и тысячелетиями использовали его для великолепных фейерверков, только этот порох попался в руки европейцам, они тут же зарядили его в ружье и перестреляли всех китайцев на своем пути. А у нас таких гениев полно, они не то, что порох, они еще и не такое могут придумать. Но как только они попадают в руки американцам, из этого тут же получается какое-то страшное оружие.

Начиная свое выступление, главный редактор портала Геополитика.ру Леонид Савин предложил Ген. Штабу ознакомиться, наряду с дромократией, сетевыми войнами, еще и с концепцией француза Анри Лефевра по ритм-анализу, которую тот предложил для осмысления урбанистической культуры городов. Поскольку город это, в первую очередь, полис, докладчик предложил рассматривать концепцию Лефевра с точки зрения политики пространства, точнее с позиций хронополитики, оперирующей так же и с временем. По мнению Л. Савина это концепция относится к высшей форме современной геополитики, Лефевр преодолевает противопоставление времени и пространства. Ритм он относит к повторению каких-то восприятий с определенной частотой и индицирует два таких ритма: циклические, включающие в себя простые интервалы повторения и чередующиеся или линейные ритмы. Пример циклического ритма это смена дня и ночи, а линейного — поток информации, идущий из телевизора. Кроме того, ритмы могут быть вложены один в другой. Например, передача местных новостей в течение дня и в течение недели. Лефевр утверждал, что ритмы существуют на пересечении места и времени и сопровождаются при этом выбросом энергии. Он так же называл ритм «локализованным временем» и «темпорированным местом». Все это имеет непосредственное отношение к геополитике, высказал свое мнение Л. Савин, так как каждое государство имеет определенные исторические этапы, а также экономические, социальные и политические программы, которые отражаются в каком-то определенном отрезке времени. Лефевр выделяет 4 типа

ритмов:

- Аритмия, или конфликтный диссонанс среди двух и более ритмов.
- Полиритмия, или существование двух и более ритмов без конфликтного диссонанса.
- Эвритмия, или конструктивное взаимодействие между двумя и более ритмами.
- Изоритмия, наиболее редкая ассоциация между ритмами, подразумевающая эквивалентность повторения меры и частоты.

Стоит добавить еще один аспект: ритм — это не только то, что мы видим, обоняем, ощущаем, но и нечто другое, что представляет себя, не будучи присутствующим.

После вводной части главный редактор ежемесячного журнала «Геополитика» Л. Савин рассмотрел структуры СНГ с точки зрения ритм-анализа, приводя примеры взаимодействия между странами. В заключении заявив, что просчет и анализ ритмов других государственных акторов, подстраивание их под свой или установление диссонанса, — все это будет способствовать манипулированию определенными политическими процессами. Стоит при этом так же учитывать скорость и темпоральную точность принятия решений. Последователи Лефевра привносят еще такой термин как олигоптикон (Oligopticon), который можно перевести как ограниченный выбор. Это ограниченный обзор, просмотр лишь с наиболее выгодных точек зрения. Мне кажется, резюмировал докладчик, у нашей политической элиты сложилось мнение с невыгодных для нее точек зрения, с навязанных ей позиций. Как говорил один мой знакомый, необходимо иногда включать экологию зрения, не наблюдать некоторые нелицеприятные процессы. Нашему МИДу можно так же порекомендовать пройти курсы по экодипломатии и наблюдать все международные процессы с наиболее выгодных, государственно ориентированных точек зрения.

Грузия — страна со сложной и интересной историей, — начал свой доклад аспирант кафедры социологии международных отношений социологического факультета Илья Максимов, и продолжил, — практически как у всех Евразийских стран. Грузия за время своего существования не раз подвергалась нападениям и агрессии со

стороны различных внешних сил, среди которых были легионеры Римской Империи, монгольские завоеватели, воины Тамерлана, северокавказские племена, а также турецкие и персидские войска. Это, несомненно, повлияло на процесс этногенеза грузинского народа, вокруг которого по сей день ведутся жаркие споры.

Далее докладчик подверг геополитическому анализу историю Грузии. С самого начала становления религиозной и этнической идентичности Грузия избрала путь Евразийских государств, сделав своим ориентиром полюс суши. Во время правления царицы Тамары, Грузия стала самым сильным христианским государством в регионе, одним из полюсов геополитической силы, обладая при этом имперскими амбициями, возможно уже тогда встав на путь построения государства-нации.

Последовавшие за этим периодом войны (сначала вторжение монголов, затем восемь набегов Тамерлана, а потом и войны с Персией и Османской империей) привели к прошению Георгия XII о принятии Грузии в состав Российской Империи. Стоит напомнить, что в это время страны Запада проводили активную колониционную политику в Африке и Америках, уничтожая целые народы, угоняя их в рабство и лишая всего, чего они добились за века развития — в том числе веры, систем ценностей и т. д.

На протяжении многих веков Грузия совместно с Россией принимала участие в формировании Евразийского пространства, что полностью отвечало ее геополитическим интересам. В результате гражданской войны образовалась Грузинская ССР. Илья напомнил о грузинских карательных отрядах, которые подавили желание Южной Осетии присоединиться к большевистской России, что имело продолжение вначале 90-х гг. когда агрессивные националистические настроения грузин вкупе с желанием осетин к самоопределению переросли в войну. Кровавопролитие было остановлено при активном участии России и ООН. Непродуманное создание национального государства на территории Грузинской ССР в 1991 г. явилось причиной эскалации ряда тяжелых этнических конфликтов. Выбранная в качестве приоритета интеграция в различные западные структуры: МВФ, ОБСЕ, ВТО, МБРР и т. д.

говорит о смене геополитической ориентации на полюс моря.

На момент прихода к власти “революционного” лидера М. Саакашвили в Грузии имелось 4 региона, население которых не было солидарно с центральной властью: Абхазия, Самцхе-Джавахети и Южная Осетия. Вследствие выбранного курса в августе 2008 г. началась война, поставившая под угрозу всю мировую стабильность в целом, результатом которой стал выход Южной Осетии и Абхазии из состава Грузии. Общественность Грузии приходит к мысли, что сотрудничество с США не приведет их страну ни к чему хорошему. Однако остальные геополитические проекты (например, сотрудничество с Россией и продолжение строительства Евразийского пространства) также неясны до конца, заключил Илья Максимов.

Студент 5 курса исторического факультета МГУ Алексей Сидоренко начал свой доклад с того, что подставил под сомнение релевантность интеграционной терминологии, отметив, что мы мыслим единое евразийское пространство, как постсоветское. Т. е. в своем сознании мы работаем с образом единого пространства разделенного границами суверенных государств. Раз такой образ жив, — сделал вывод докладчик, — значит, реинтеграция возможна. Дав анализ интеграционным проектам, докладчик выделил два доминирующих мнения: ностальгия по прошлому и негативное отношение к действительности. Отметив, что это фундаментально неправильный ход мысли, т.к. подобная рефлексия, рессентимент исчерпывает лимит этого образа в нашем сознании как единого территориально образованного пространства. На мой взгляд, мыслить об интеграции нужно только в областях тактики или технологий, т. е. мыслить фактически, необходимо существующую фантомную боль столкнуть с реальностью, — акцентировал А. Сидоренко, — и вновь объединить в рамках единого полюса евразийское геополитическое пространство, вырабатывая при этом международную субъектность в рамках многополярного мира.

Докладчик проанализировал американских политологов, и высказал мысль, что мы оперируем ошибочно сложившимся мнением о том, что становление демократии по американскому сценарию это: предъявление ультиматума актору международных отношений, последующее согласие этого актора на демократизацию

и размещение военных баз, а в случае отказа — ковровые бомбардировки и насильственное размещение военных баз. На самом деле, обратил внимание присутствующих А. Сидоренко, это совершенно ошибочный образ. Волнам демократизации предшествовали более тонкие операции. Мобилизационные и популистские режимы, в терминах американских авторов, окружали блокадой государства, которые уже попали под американское влияние, начинали производиться инвазии американских идей в сознание элит. Мобилизационные, идеализированные элиты, даже оказывая сопротивление, начинали соотносить свое бытие с социально-экономическим уровнем, постепенно превращаясь в бюрократическо-авторитарный режим, который использует идеологию для обоснования своих материальных привилегий по отношению к остальной массе населения. После этого начинается этап вторжения экономических моделей западного происхождения на территории суверенных государств. С помощью воздействия на элиты страна начинает контактировать с Международным валютным фондом и Банком реконструкции и развития, основным условием получения денег в которых является отказ от ведения социальной политики. В результате массы лишаются материальной поддержки, наблюдают за тем, как элиты предают прежние идеалы, что способствует лавинообразной потере легитимности властью и назреванию революционной ситуации. Когда же революция (не без поддержки со стороны США и их технологий) все-таки происходит, в стране устанавливается модель «общественной демократии», суть которой заключается в установке акцента не на суверенитет и самостоятельность страны, а на интересы отдельных групп. В противовес модели «общественной демократии» Алексей Сидоренко предложил рассмотреть то, что он в рабочем порядке назвал «общественной гегемонией». Смысл его предложения заключается в том, что необходимо делать ставку на национальные государства, на такие группы интересов, которые готовы рассматривать интеграцию не в рамках единого государства, а в рамках геополитического пространства. Единственной угрозой для этих элит становится американский план построения однополярного мира. Мы говорим «да» социально-экономическим и «статусным» интересам национальных государств и их руководству, никаких реальных препятствий для интеграции на постсоветском

пространстве не остается.

Существующие «административно-территориальные» формы интеграции, а так же те, которые еще предстоит создать, как нельзя лучше подходят для активизации реального, а не «внешнего», «формального» процесса интеграции постсоветского пространства. Нужно начинать работу, — призвал Алексей.

Завершил заседание семинара гость из Кабардино-Балкарии Руслан Кучмезов, Координатор Международного Евразийского Движения в СКФО:

Мы, в рамках евразийства, провели исследования всего кавказского региона на предмет реального влияния и пришли к выводу, что в регионе нет политики, нет никаких политических партий; офисы партий существуют, но в реальной жизни их нет. Основное влияние на население оказывает информация и религия. Объединив эти два

Руслан Кучмезов

явления, информацию и религию, мы стали выпускать журналы, газеты, запустили интернет-проекты, методично и спокойно обсуждаем все с евразийских позиций. Другой идеологии на сегодняшний день на Кавказе нет, поэтому Евразийство уверено приживается на Северном Кавказе. Что касается информации, появившейся в прессе о возможном отделении Кавказа, то, заверил всех присутствующих Р. Кучмезов, весь этот депрессив идёт из Москвы, — я очень хорошо знаю Северный Кавказ, и, не считая небольшой кучки отщепенцев, сидящих в Грузии и Азербайджане, таких мыслей ни у кого нет. Так же докладчик отметил восстановление традиционного экономического уклада, оживление народных промыслов, высокогорного хозяйства. Мы на своей территории отсекаем ваххабизм банальным способом: сначала беседуем, а если не помогает, используем другие рычаги убеждения. Не понятно, почему Москва, имея такие ресурсы и такое влияние, не использует евразийскую идеологию, ведь никакой

другой нет, — сказал в завершении докладчик.

Подводя итог, профессор Дугин заметил, что стоит сделать отдельный семинар на тему слияния искусства и военно-политических стратегий, рассмотреть арктократию (политическую власть “искусства”) Вагнера. Не просто так до сих пор остается секретом, чем Лора Андерсон, которая умеет только петь и устраивать перформансы, занималась в Пентагоне два года. Налицо явное сращивание эстетики и оборонно-промышленного комплекса. Это чрезвычайно конструктивная вещь, американцы этим виртуозно и весьма активно пользуются. Это авангардно, но мне кажется, и нам пора переходить на авангардные предложения, цитируя наших американских коллег, — сказал, завершая семинар, профессор А. Дугин.

А. Г. Дугин

Д. п. н., Директор Центра Консервативных Исследований
при социологическом факультете, зав. кафедрой Социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

ГЕОПОЛИТИКА ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА (ТЕЗИСЫ)

Часть 1 Концепт «евразийское поле»

Необходима парадигма осмысления постсоветского пространства. Есть следующие позиции:

1. Укрепляющиеся суверенные государства (запоздалая периферия Вестфальской системы)
2. Поле потенциальной глобализации (зона включения в американо-европейскую геополитическую систему)
3. Потенциальное поле евразийского «большого пространства».

Все три модели имеют «актуальное» и «потенциальное», представлены акторами,

Профессор А. Г. Дугин

институтами, структурами, футуро-трендами. Все они альтернативны, но эта альтернативность неодинакова.

Назовем постсоветское пространство «евразийским полем». В этом поле есть три возможные конфигурации, которые находятся в «жидком» состоянии, еще не фиксировавшись полностью. Это поле живое и в нем разворачивается геополитическая драма.

Парадигма осмысления постсоветского пространства должна быть «полевой», то есть учитывать сразу несколько версий структурирования доминантных процессов. Все они открыты. Более того, они разворачиваются параллельно в противоположных направлениях. Концепт «глокализации» Роланда Робертсона может быть взят за образец рассмотрения системы, меняющейся одновременно в двух прямо противоположных направлениях. «Евразийское поле» есть пространство для разворачивания нескольких преконцептов, в стадии становления.

Часть 2

Три преконцепта

СНГ есть набор государств. Но большинство из них failed states. Они могут состояться, но вряд ли (учитывая общий тренд на десуверинизацию). Значит, это виртуальная государственность. Значит, мы имеем дело с преконцептом Государства. Политологическая механика анализа: классическая политология относится к Модерну, в то время как и Премодерн и Постмодерн предполагают ослабление национальных государств, их релятивизацию и десуверинизацию.

СНГ есть зона потенциальной глобализации, модернизации и вестернизации. Этот преконцепт предполагает постепенную интеграцию «евразийского поля» в архитектуру униполярного или многостороннего мира (США как империя или как Запад как мировое правительство). Это Постмодерн. Его промоутеры — НПО, гражданское общество, олигархия, прозападная элита, шоу-бизнес. Ему противостоят Премодерн и Модерн (архаика и государственность).

СНГ есть основа будущей империи, Евразийского Союза, воссоздаваемой на основе прежней империи от скифов и голубой орды

до гунов, монголов, Российской Империи и СССР. Это Премодерн, «большое пространство», сцепленное по цивилизационному признаку. Цивилизация (Хантингтон) есть признак традиционного общества. Это возможно только в многополярном (не однополярном и не многостороннем) мире.

Три преконцепта взаимоисключают друг друга, но действуют одновременно. Пространство СНГ может рассматриваться в одной из парадигм, но корректнее его рассматривать сразу в трех. Только суперпозиция парадигм даст конкретную среду релевантного анализа.

Итак, мы должны получить трехуровневый обобщающий концепт, состоящий из трех преконцептов.

Часть 3 Russia and all the Rest

Говоря об СНГ, мы подразумеваем «соседи России». Это этноцентрическая черта. Мы изымаем Россию из СНГ, считаем ее чем-то другим. Мы мыслим Россия *и* страны СНГ. Мы подразумеваем: Россия — нечто большее, чем страны СНГ. Страны СНГ это *все остальные*. Психологически это понятно. Чему-то явно соответствует. Но формально противоречиво.

Россия асимметрична остальным странам СНГ по многим причинам (объем, мощь, ядерное оружие, экономика, уровень социальной европеизации, ресурсы, историческое ядро Евразии в последние 500 лет — с XVI века). Но на уровне трех преконцептов ее партикулярность еще более выпукла.

В преконцепте «большого пространства», как Евразийского Союза, Россия — ядро многополярной интеграции, то есть парадигма расширения, интеграционный модуль. В каком-то смысле Евразийский Союз мыслится как Большая Россия. Как «глобальный мир» мыслится как «глобальный Запад» или как «Соединенные Штаты Мира».

В преконцепте «запоздалой Вестфалии» Россия — превосходящий конкурент, старший партнер, большой брат, дамоклов меч. Оп-

ра и преграда. Асимметрия России — препятствие для укрепления национальных государств. Сильная Россия здесь автоматически означает слабость остальных стран (релятивную). Отсюда рессентиментный и имплицитно или эксплицитно русофобский характер постсоветской государственности остальных стран СНГ.

В преконцепте «зона глобализации» акцент ставится на недопущении евразийской интеграции и возврата к Большой России. Евразийская Модель предполагает многополярность, глобализация — однополярность или многосторонность. Отсюда предилекция к антироссийским структурам на постсоветском пространстве. Последовательная и систематическая профилактика против самой возможности возобновления «российского империализма». России тоже предлагается включиться в глобализацию, но позже других стран СНГ (Грузии Украины, Молдовы) и желательно по частям. Россия должна быть слабее. Всегда слабее. То есть этот тренд стремится к ослаблению России. До каких пор? До любых.

Сегодня все три преконцепта имеют свои актуальные выражения: есть государства, сквозь которые изнутри и извне как в поле движутся властные лучи в двух противоположных направлениях. Это свойство как других стран СНГ, так и самой России. Каждый преконцепт представлен институционально, политически, лоббистски, сетевым образом. У каждого есть свой властный, экономический, финансовый и силовой диспозитив.

Часть 4

Релевантность СНГ для геополитики XXI века

Вся структура процессов на постсоветском пространстве есть голограмма глобальных процессов. Она может быть рассмотрена как квинтэссенция мировой политики. Все фундаментальные факторы задействованы: статус государства в условиях государства, однополярный (многосторонний) проект против многополярного, связь многомерных диспозитивов в локальном контексте (сети, политика, экономика, технология, лоббизм, безопасность, интересы, конкуренция) с глобальными трендами.

Построение корректной геополитической многоуровневой карты

СНГ есть фундаментальная задача международных отношений, а также социологии международных отношений.

При этом мы получаем надежный алгоритм для деконструкции любого дискурса (в том числе научного или псевдонаучного) относительно анализа постсоветского пространства. Это важный методологический момент.

Л. В. Савин

Главный редактор портала «Геополитика.ру» и журнала «Геополитика»

РИТМАНАЛИЗ СТРУКТУРЫ СНГ (ДОКЛАД)

Когда мы говорим о геополитике, мы всегда подразумеваем пространственную протяженность, однако в международных отношениях также существует такой термин как хронополитика, указывающий на актуальность времени (их промежутков, быстроты действия) в политике.

В данном докладе я хотел бы коснуться концепции, разработанной Анри Лефевром, который предложил преодолеть противопоставление времени и пространства, предложив ритманизм — способ описания и понимания ритмов городской жизни. Книга с одноименным названием вышла через год после смерти автора в 1992 году, а на английский была впервые переведена только в 2004-м¹. Для Лефевра ритманизм, как и большая часть его творчества, неразрывно связан с городской средой и городским пространством.

Но мы можем расширить его до пространства государства, так как город в первую очередь является полисом, то

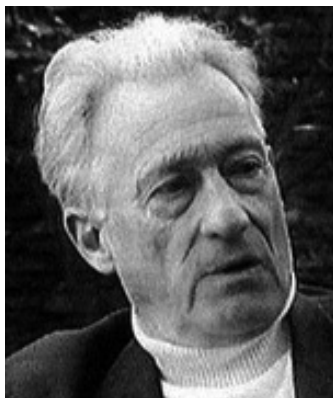

Л. В. Савин

¹ Lefebvre H. Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life / Trans. S. Elden, G. Moore. Intro. S. Elden. London and New York: Continuum, 2004.

есть политической формацией, и лишь потом урбанистической средой.

Исследователи творчества Лефевра, используя концепты каждодневного и социального пространства, развивают его мысль и делают акцент на соучредительность метрополии и колонии, а также феноменологическое (субъективное) и структурное (объективное), что позволяет нам удостовериться в адекватности такого подхода¹.

Анри Лефевр

Понятие Лефевра о ритме относится к повторениям каких-то мероприятий с определенной частотой. Он идентифицирует два вида ритмов: циклический ритм, который включает в себя простые интервалы повторения, и чередующийся (или линейный) ритм. Примером циклического ритма является день, переходящий в ночь, и наоборот; линейный ритм мог бы быть потоком информации из телевизора. Дополнительно, ритмы могут быть вложены один в один; например, передача местных новостей с интервалами в течение дня и в течение недели, является примером вложенного ритма. Лефевр утверждает, что ритмы существуют при пересечении места, времени и выбросом энергии.

Сам ритм — это “локализованное время” и “темпорированное место”, что может вполне соотноситься с историческими этапами государств, экономическими, социальными и политическими программами.

По Лефевру существует 4 вида ритма:

- Аритмия, конфликт или диссонанс *между* или *среди* двумя или более ритмами, тех, которые могли бы произойти (биологически) в больном человеке;
- Полиритмия сосуществование двух или больше ритмов без конфликта или диссонанса, которые предполагают аритмию;
- Эвритмия — конструктивное взаимодействие *между* или

¹ Hooper B., Kramsch O. Re-colonising Europe: the Geopolitics of Globalisation, Empire and Borders: Here and There.// Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie — 2007, Vol. 98, No.4, pp. 526-534.

среди двух или более ритмов, тех, которые происходят в здоровых существах;

- Изоритмия — наиболее редкая ассоциация между ритмами, подразумевает эквивалентность повторения, меры и частоты.

При этом Лефевр отмечает, что ритмы — это не только то, что мы видим, обоняем и ощущаем, но и другое, то, что “представляет себя, не будучи присутствующим”.

Лефевр указывает, что “город и все городское не может быть составлено из знаков города”. Аналогично, и политика в пространстве не включает в себя исключительно политическое — в ней присутствуют этносы, культура, традиции, религии и, собственно, природа.

Мы можем наблюдать ритмы цикличные — это заседания парламентов и комитетов, встречи глав государств, международные саммиты, переговоры, выборы, реформы, военные маневры, начало и конец политического сезона, на который накладываются и многочисленные социальные циклы (например, графики учебы и работы, праздники).

Есть и линейные ритмы в политико-экономической жизни и международных отношениях — это транзит и поставка товаров и услуг, включая энергоресурсы; миграционные потоки, дипломатическое, культурное и экономическое взаимодействие, подрывная деятельность (спецслужбы, ОПГ, наркотрафик).

Кроме того, происходит наложение и давление одних ритмов на другие. Цветные революции, разрыв дипотношений, экономические санкции, меры превентивного воздействия с применением вооруженной силы можно отнести к подобным процессам.

Территорию также можно разделить по частоте и насыщенности ритмов. Северный Кавказ в отличие от уральского региона, имеет более интенсивные ритмы, и с точки зрения исходящих импульсов больше претендует на роль Хартленда в классическом понимании¹, в то время как Западная Сибирь и Приуралье, особенно полярные регионы, превращаются в Хинтерланд из-за своей удаленности.

¹ Авторы этой концепции указывали на импульсы народов из Хартленда, сотрясающие другие регионы Европы и Азии.

Для СНГ в целом можно проследить особые ритмы для каждой конкретной ситуации. В военном блоке ОДКБ существует свой ритм, связанный с заседаниями и военными маневрами. Туркмения в связи с тем, что имеет двойной нейтралитет, находится в более спокойном режиме, установив процесс добычи и перекачки газа. Переход к формату таможенного союза Беларусь-Россия-Казахстан увеличит грузопотоки в едином пространстве, которое увеличило свою протяженность от Мазурских озер до хребта Тянь Шань.

На наш взгляд для адекватной оценки геополитической ситуации в региональном и даже континентальном или мировом масштабе необходим просчет и анализ ритмов других государственных акторов, и в случае необходимости подстраивание под свой ритм или установление диссонанса. При этом немаловажную роль будет играть скорость или темпоральная точность принятия решений.

Необходимо отметить, что Лефевр также предложил применять «ритм-анализ» на «спектральном» расстоянии¹. Если рефлексирующий странник прочитывает город с некоторой поэтической чувствительностью, то в «спектральном анализе» ритмы города рассматриваются с более отстраненной точки зрения. По Лефевру, например, открытое или закрытое окно открывает нечто большее, чем визуальные картины. Перспективы мысленно продлеваются так, что смысл этого вида несет также и его объяснение... Смутность и горизонты, препятствия и перспективы мысленно угадываются, поскольку они усложняются, накладываются друг на друга до тех пор, пока сквозь них не проступит, не станет угадываться Неизвестное — огромный город. Для нас соответственно, это многомерное геополитическое поле со всеми действующими лицами.

В этом контексте Лефевр ввел такой термин как *Oligopticon*. Он может быть переведен как «ограниченный обзор», просмотр лишь с наиболее выгодных точек. В нашем случае «олигоптиконом» вполне можно назвать позицию дипломатических чиновников и представителей власти Российской Федерации, которые не критически подходят к международным отношениям и геополитическим процессам, зачастую ставя себя исключительно в позицию выгоды, а не объективной реальности и позволяя себе навязывание чужих позиций и

¹ Highmore, Ben. *Cityscapes: Cultural Readings in the Material and Symbolic City*. Houndmills and London : Palgrave Macmillan, 2005.

мнений. В отношении последнего им можно порекомендовать чаще практиковать экодипломатию, закрывая глаза на позиции других международных игроков, если она не выгодна России.

ОКТАВИАН РАКУ

Главный редактор общественно-политического журнала АХА (г. Кишинев)

РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА — ФОРПОСТ ИЛИ МОСТ? (ДОКЛАД)

Геополитическую значимость Республики Молдовы мы должны рассматривать в контексте взаимодействия России с Западом и с Балканским регионом. В восточнороманском пространстве, как зона интерференции цивилизации Запада и Востока, Пруто-Днестровский регион представляет собой «приграничную зону».

В древние времена, здесь пересекались фракийские и скифские племена, а позже румынские и славянские общины. Интересную роль играли в IX-XII веке в этой зоне тиверцы. В древней летописи 907 года, эти племя представлены как “толковины”, то есть «переводчики», что говорит нам о существовании румыно-славянского двуязычия и взаимного влияния. Например, слово «кум» — «крестный отец» в русском языке — имеет восточнороманское происхождение, что говорит о существовании очень близких связей между румынским и славянским населением.

Использование славянского языка в канцелярии и цер-

Октавиан Раку

ковном служении в румынских средневековых государствах способствовало укреплению связей между румынами и славянами. Благодаря своей близости к восточнославянству, именно Молдова стала прототипом румынской современной идентичности.

Начиная с XVIII века, статус Молдовы зависит во многом от отношений Российской Империи с Османской Портой, а так же с западноевропейскими странами. Дальнейшее развитие исторических событий четко определяют две модели внешней политики Царской России, которые определили последующий статус Молдовы:

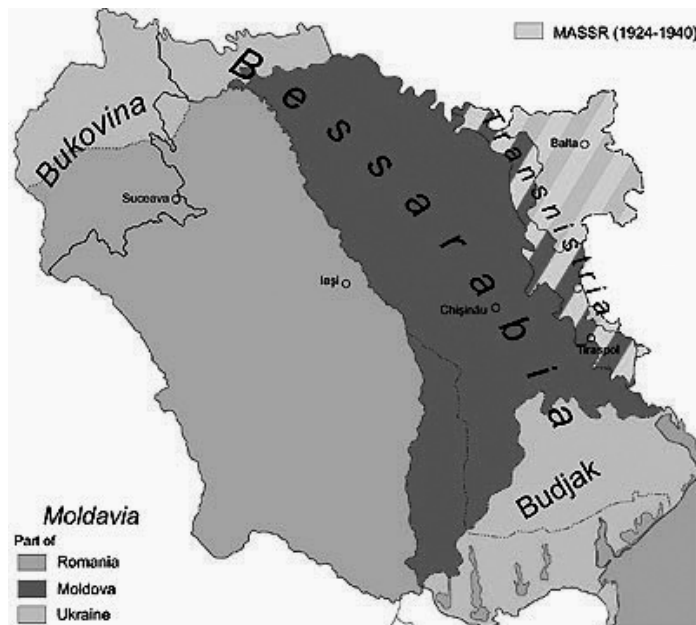
наступательная стратегия — когда периферийные государства служат «мостом» для максимального расширения сфер влияния. При этом Россия заинтересована в укреплении суверенитета периферийных государств.

И оборонительная стратегия — превращающая периферийные государства в «форпосты», обороняющие от внешней экспансии, прежде всего, Западной. При этом суверенитет периферийных образований сводится к нулю.

Для реализации своих интересов Россия нужен был мост в Балканский регион, это подразумевало изменения статуса территорий между румынскими государствами и русским миром. Так в 1812 году восточная часть Молдовы входит в состав Царской Империи под именем «Бессарабия» и получает статус автономии, соблюдая интересы и обычаи местной аристократии. После поражения в Крымской войне и объединения румынских государств под Западным протекторатом, автономия Бессарабии сокращается. В 1873 году Бессарабия лишается автономии и переходит в статус губернии.

В 1918 году, после присоединения Бессарабии к Румынии, Москва нуждалась в создании новой зоны, которая послужила бы мостом между румынским и славянским пространствами. С этой целью в 1924 году на левом берегу создаётся Автономная Молдавская Советская Социалистическая Республика в составе Украинской ССР. Следует заметить, что при этом советские власти способствовали румынизации населения путем введения латинской графики и развития обучения на румынском языке в приднестровских школах.

После вхождения в состав СССР в 1940 году, Бессарабия продолжает играть важную роль в советско-румынских отношениях. Это свидетельствует тот факт, что большая часть переговоров между Бу-

Бывшие границы Молдавского Княжества + МАССР

харестом и Москвой переводилась при непосредственном участии выходцев из Молдавской ССР.

Если рассматривать распад СССР как переход Москвы от *оборонительной стратегии* (которая нуждалась в огромных ресурсах) к *наступательной стратегии* (расширение экономических интересов), то логика формирования независимой Республики Молдова и вхождения её в СНГ становится понятной. В качестве периферийного формирования, из форпоста, Молдова превращается в мост.

Через такой же процесс прошла колониальная система в 60-х гг. XX века, когда прямой контроль стал слишком неэффективным и дорогостоящим. В некотором смысле, сегодня мы можем сравнить СНГ, например, с британским Commonwealth-ом.

Появление сепаратистского по отношению к Республике Молдова, «независимого» Приднестровья на левом берегу Днестра, в этом контексте нужно рассматривать как полный анахронизм, как попытку затормозить запущенный процесс расширения российских сфер влияния. Тирасполь пытается играть роль форпоста, в котором

Российская Федерация не нуждается. Зато эта ситуация играет на руку различным криминальным структурам, которые пытаются любой ценой сохранить сегодняшний статус ПМР путем лоббирования своих интересов в Москве. Следует заметить, что существование непризнанного Приднестровья на территории Республики Молдова создает проблемы прежде всего именно российским интересам. Этим и объясняется нежелание Москвы признавать независимость левобережья, несмотря на все попытки Тирасполя стать полноценным государством. Для России Молдова ценнее Приднестровья, а в будущем, объединившись в своих исторических границах, Румыния может стать партнером ценнее нынешней Республики Молдова, включая Приднестровскую автономию.

Балканский проект

Румынское пространство представляет собой точку соприкосновения культур: восточной, юго-восточной, центральной и западной Европы, представляя при этом удивительную духовную и культурную основу для единения пяти регионов Европы, создавая в регионе равновесие и стабильность. Вот почему очень важно сохранение румынской идентичности в «нейтральной полосе», вне зоны влияния Запада. Для этого Румыния должна стать региональным лидером и начать процесс интеграции Балканского полуострова, проект инициирован во второй половине XIX века социалистами балканских стран, но так и не удался из-за неблагоприятных контекстов.

По мере углубления финансового кризиса, формирование Балканского Союза, как альтернативы Евросоюзу, может стать спасительным кругом для стран региона: Республики Молдова, Румынии, Сербии, Болгарии, Македонии и Черногория. Эти страны объединяет общая история, Православие, менталитет, культура и экономические интересы. Балканский проект может стать одним из самых важных моментов в последние два столетия Балканского полуострова.

Одновременно мы не должны забывать о Республике Молдова. Одно из самых важных звеньев, которые связывают Россию и Молдову это газопровод, проходящий через южную часть страны. Эксперты утверждают, что в будущем открытия газопровода «Южный

Границы современных государства на Балканах

поток» может серьёзно усложнить экономическую ситуацию Молдовы из-за сокращения поставок природного газа. Эксперты отмечают, что последние три года транзит газа через Молдову сократился примерно от 22 млрд. кубометров до 17-18 млрд. кубометров. Для страны, которая выживает лишь благодаря импорту и перепродаже товаров, а также денег, пересылаемых на родину молдаванами работающими на Западе, снижение экспорта товаров в России больше не играет значительной роли, потому что «ниже уже некуда». Единственное, что связывает Молдову с Россией, это газопровод, а понижение поставок газа в будущем может послужить фактором продвижения Молдовы в сторону балканского региона, оставаясь одновременно мостом для России на Балканы.

В этом контексте СНГ становится анахроничной структурой, нуждающейся в радикальном пересмотре своей конструкции и формировании новых региональных структур в контексте развития многополярности не только в мировой системе, но и на континентальном уровне.

И. А. МАКСИМОВ

Аспирант кафедры социологии международных отношений
социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

ГЕОПОЛИТИКА ГРУЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ДОКЛАД)

Грузия — государство со сложной и интересной историей. Как и практически все Евразийские страны, Грузия за время своего существования не раз подвергалась нападениям и агрессии со стороны различных внешних сил, среди которых были легионеры Римской Империи, монгольские завоеватели, воины Тамерлана, северокавказские племена, а также турецкие и персидские войска. Это, несомненно, повлияло на процесс этногенеза грузинского народа, вокруг которого по сей день ведутся жаркие споры.

Уже в первом тысячелетии до нашей эры на территории Грузии начали формироваться племенные союзы: Дияохи, Картли, Саспенсы. Таким образом, уже на ранней стадии развития грузинские этносы вступили в историю, начав формирование грузинского народа. Одним из важнейших шагов на пути его формирования было создание первых государственных об-

И. А. Максимов

разований — Колхидского и Иберийского царств. Через несколько веков после создания Колхидское царство было завоевано Римской Империей, а Иберийское (или Картлийское) царство продолжило свое развитие. Племена, проживавшие на этой территории, стали консолидироваться под началом месхов. В IV веке в Иберии было принято православие, что также является важнейшей вехой в истории становления грузинского лаоса. Таким образом, уже в начале нашей эры этносы, населявшие значительную часть территории современной Грузии, имели религию и государственность, а значит, перешли в состояние народа. В последующие века территория Грузии находилась сначала под контролем Персии, а затем арабского халифата.

Как мы можем заметить, уже на ранней стадии формирования религиозной и этнической идентичности Грузия избрала путь Евразийских государств, сделав своим ориентиром полюс суши. При этом последовавшие за принятием православия века “арабского ига” только укрепили этот выбор.

Ослабление влияния арабов привело к формированию множества феодальных государств, однако уже в 1001 году первым правителем объединенной Грузии становится абхазский царь Баграт III. Последовавшие за этим событием многочисленные нападения турок-сельджуков не сумели сломить государственность, и со временем прекратились. Во времена царя Давида IV Строителя территория Грузии расширялась, а в период правления его правнучки, царицы Тамары, установившей протекторат над Трапезундской империей и частью персидских территорий, Грузия на короткий период времени стала самым сильным христианским государством в регионе, одним из полюсов геополитической силы. Титул Тамары звучал как «Царица абхазов, картвелов, ранов, кахов и армян, шахиня Ширвана и шахиншахиня, суверен Востока и Запада». Итак, как мы можем видеть, уже в начале второго тысячелетия нашей эры Грузия являлась серьезной региональной силой и обладала имперскими амбициями, возможно уже тогда встав на путь построения государства-нации.

Последовавшие за этим периодом войны (сначала вторжение монгол, затем восемь набегов Тамерлана, а потом и войны с Персией и Османской империей) год за годом подтачивали грузинскую государственность, что в конце XVIII века привело к прошению Георгия

ХII о принятии Грузии, неспособной более противостоять превосходящим силам своих врагов, в состав Российской Империи. Прошение было удовлетворено, в скором времени персидские войска, потерпев поражение, отказались от своих захватнических планов. Так началось долгое и плодотворное сотрудничество двух соседствующих государств.

Таким образом, на протяжении многих веков Грузия совместно с Россией принимала участие в формировании Евразийского пространства, что в общем и целом полностью отвечало ее геополитическим интересам. При этом за время мирного сосуществования народы России и Грузии смогли установить истинно добрососедские отношения, две близкие по духу культуры не поглощали друг друга, а дополняли. Стоит ли напоминать, что тем временем страны Запада проводили активную колониционную политику в Африке и Америке, уничтожая целые народы, угоняя их в рабство и лишая всего, чего они добились за века развития — в том числе веры, систем ценностей и т. д.

Можно утверждать, что подобное положение вещей сохранялось до начала XX века. Революционный 1917 год, события которого привели к развалу Российской Империи, подарил Грузии независимость — была образована Грузинская Демократическая Республика. Однако вскоре до границ новообразованного государства докатилась гражданская война, в результате которой часть территорий республики была передана Турции, а сама республика превратилась в Грузинскую ССР.

Обретенная после августовского путча 1991 г. независимость привела к началу ожесточенного противостояния между различными политическими и этническими силами внутри страны. Первые несколько лет грузинской самостоятельности — это войны и кровь невинных людей: сначала военный переворот, в результате которого первый президент Гамсахурдиа был вынужден оставить свой пост, затем боевые действия в Южной Осетии и Абхазии и, наконец, гражданская война в 1993 году. Очевидно, что подобная цепочка конфликтов крайне негативно сказалась на развитии грузинского народа и государства. Молниеносное создание национального государства, не имевшего четкого исторического прообраза, усугубило этнические конфликты. Это явилось следствием того, что помимо титуль-

ной грузинской нации, составляющей его ядро и рассмотренной с точки зрения этногенеза выше, на данной территории также проживают представители других народов, имеющих не менее богатую историю: абхазы, аджарцы, армяне, осетины и некоторые другие.

Как и для всех бывших советских республик, одним из основных приоритетов для Грузии в начале 1990-х гг. стала интеграция в самые различные западные структуры: МВФ, ОБСЕ, ВТО, МБРР и т. д. Такое положение вещей целиком и полностью отвечало интересам Западных сил в регионе и делало невозможным формирование единого евразийского пространства. Очевидно, что это противоречило сложившейся исторически сухопутной ориентации, о которой говорилось выше. Результат не заставил себя ждать — в государстве появились целые регионы, не разделявшие подобной политики.

На момент прихода к власти «революционного» лидера М. Саакашвили в Грузии имелось 4 региона, население которых не было солидарно с центральной властью: Аджария, Абхазия, Самце-Джавахети и Южная Осетия.

Ситуация с Аджарией была решена достаточно просто: в апреле 2004 г. в регионе было введено прямое президентское правление, глава региона Аслан Абашидзе был вынужден покинуть свой пост и выехать за пределы страны.

Недовольство армян, проживающих в Самце-Джавахети, сохраняется и по сей день. Этот регион и раньше нельзя было назвать островком политической стабильности на политической карте Грузии. В последние годы ситуация усугубилась: «В период после «розовой революции» 2003 года и прихода к власти нового правительства во главе с Михаилом Саакашвили в Джавахети участились также инциденты и факты дискриминации армян по национальному признаку со стороны представителей властных

М. Саакашвили

структур Грузии». То есть вместо того, чтобы пойти навстречу жителям одного из регионов страны, «розовое» правительство усугубляет ситуацию, еще больше урезая свободы и права этой части общества — то есть выступает скорее за эскалацию конфликта, чем за его решение, а это очень сомнительный путь решения проблем для демократического государства.

Усилившаяся этническая напряженность вылилась в события августа 2008 г. Речь, конечно же, идет о войне в Южной Осетии.

Население региона никогда не отличалось преданностью правительству Грузии. В 1920 г., в общей неразберихе, творившейся на бывших просторах Российской Империи, в Южной Осетии был провозглашен курс на присоединение к большевистской России. Однако для независимого Грузинского правительства такое положение вещей было невыгодно, в результате чего были сформированы карательные отряды, расправившиеся с югоосетинскими большевиками.

История этого этнического конфликта продолжилась в начале 1990-х гг., когда агрессивные националистические настроения грузин вкупе с желанием осетин к самоопределению переросли в войну. Кровавопротитие было остановлено при активном участии России и ООН, а в зоне конфликта разместились миротворцы (по одному батальону от каждого участника конфликта в Южной Осетии) и международные наблюдатели.

Все изменилось в 2004 г., когда новый президент М. Саакашвили объявил курс на восстановление территориальной целостности страны, вновь начались обстрелы осетинских и грузинских населенных пунктов. С каждым следующим годом напряжение нарастало, политическая власть Грузии отказывалась идти навстречу региональной власти. Вследствие этого в августе 2008 г. началась война, поставившая под угрозу всю мировую стабильность в целом. Не углубляясь в рассмотрение того, как протекал военный конфликт, отметим, что окончился он фактическим выходом Южной Осетии и Абхазии из состава Грузии.

Таким образом, непродуманное создание национального государства на территории Грузинской ССР в 1991 г. явилось причиной эскалации ряда тяжелых этнических конфликтов и привело к выходу нескольких регионов из состава упомянутого государства, что существенно сократило его геополитические возможности и перспекти-

вы. На сегодняшний день многие здравомыслящие граждане Грузии понимают, что сотрудничество с США не приведет их страну ни к чему хорошему. Однако остальные геополитические проекты (такие как, например, сотрудничество с Россией и продолжение строительства Евразийского пространства) также неясны до конца:

- нет конкретного понимания того, каким образом будет осуществляться взаимодействие с Россией и к чему оно приведет Грузию;
- на сегодняшний день сформировался целый ряд факторов, пагубно влияющих на отношения между двумя государствами: независимость Абхазии и Южной Осетии, война 2008 г. и т. д.;
- На сегодняшний день не существует конкретной схемы взаимодействия народов, что также делает невозможным формирование геополитического союза (например, в рамках СССР народы были изначально объединены идеей построения общего коммунистического будущего, сегодня такой общей идеи нет).

А. В. СИДОРЕНКО

Студент 5 курса исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

«СООБЩЕСТВЕННАЯ ГЕГЕМОНИЯ» АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПУТЬ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (ДОКЛАД)

Говоря о постсоветском пространстве, мы часто сами не задумываемся о том, что в самом термине, в самом объекте нашего внимания заложена возможность его реинтеграции. В своем сознании мы постулируем в качестве «постсоветского» — целостное пространство, ограниченное пределами ранее существовавшего геополитического полюса, рассеченного сегодня теми или иными границами национальных государств. То есть мы по-прежнему мыслим евразийскую, «постсоветскую» территорию в качестве единого органичного территориального образования, подсознательно пренебрегая фактом наличия границ суверенных национальных государств, (естественно, если бы мы были солидарны с «вестфальским диктатом», такого образа никогда бы не сложилась). Пока эта преконцептуальная установка жива в нашем сознании, жива возможность реинтеграции евразийского простран-

А. В. Сидоренко

ства (естественно, в новых формах, в новой конфигурации), а значит, пораженческие настроения пока еще преждевременны для своей манифестации.

Другой фактор. Говоря о постсоветском пространстве, мы часто уходим в ностальгию по прошлому или в критику настоящего. Это фундаментально неверная ориентация мысли: именно таким образом мы исчерпываем терпение и лимит существования в нашем сознании образа целостного постсоветского пространства. Мыслить нужно только о методах и тактике реинтеграции, постоянно сталкивать фантомные боли по рухнувшему геополитическому полюсу с реальными условиями, в которых мы можем проложить те или иные маршруты реинтеграции. К сожалению, именно таких практичных, трезвых, не «ностальгических» и не экстравагантно-фантазмагорических алгоритмов действий нам сегодня серьезно не хватает. В этом смысле хорошим примером для нас являются теоретики и исследователи процессов демократизации в мировом масштабе, такие как Алмонд, Пауэлл, Лейпхарт и Даль.

Когда мы читаем работы западной школы политологии, мы невольно сталкиваемся с тем, что изложенные в ней концепции демократизации мира сопровождаются флёром безусловной научной объективности, соответствия этих построений «незримым и безотказным» законам развития человечества. И перед этим ощущением мы начинаем осознавать себя как дерзких маргиналов, чьи претензии на альтернативные пути лишены академических оснований и каких-либо реальных перспектив. Мы начинаем фундаментально сомневаться в себе. Почему так происходит, почему создается такой эффект от прочтения работ мастеров западной политологии?

Дело, скорее всего в том, что область идеологических, моральных, рациональных или иных обоснований демократической формы правления в этих текстах радикально вынесена за границы рефлексии авторов. Они оперируют только с методами, фактами, цифрами, в общем, со стратегией экспансии демократических институтов и демократических политических систем. Более того, есть подозрения, что аксиологический уровень в этих работах совершенно чист: разговоры о ценности демократии аналогичным образом вынесены за скобки. В них содержится эвиденция в чистом виде: откровенная очевидность истинности демократического выбора, о котором

совершенно не имеет смысла вести дискуссию: нужно лишь выполнять практические действия, приближаясь к идеалу демократического устройства — США. «Кипяток — горячий», «мяч — круглый», «демократия — лучшая форма правления» — вот доказательный базис американской политологии.

Нам очень не хватает такой же убежденности и «непробиваемости» хотя бы в тех текстах, которые мы сами создаем в качестве пропагандистских или тем или иным образом ориентированных на внешнюю аудиторию. Вместо этого мы с упорством достойным лучшего применения продолжаем даже в них рефлексировать на тему своих собственных оснований, подспудно транслируя флер ощущения неуверенности в самих себе.

Кроме этого замечания школа западной политологии важна для нас еще и потому, что в ее рамках была разработана теория «Сообщественной демократии». В общем и целом этот корпус идей посвящен тому, как можно с наименьшими потерями сообразовать демократическое общество в рамках государств, чьи режимы и формы правления были до этого заведомо недемократическими (монархии, мобилизационные режимы, популистские режимы). В нашем сознании существует предубеждение по поводу того, что американцы устанавливали демократические режимы по принципу «ультиматум суверенной стране — ее согласие — НАТОвские базы и протестантские храмы», «ультиматум суверенной стране — ее отказ — ковровые бомбежки — НАТОвские базы и протестантские храмы». Но ведь реальность совершенно не соответствует той логической цепочке, которая существует в нашем сознании.

Становлению волн демократизации в мире предшествовала тонкая и напряженная работа на уровне тонких операций. Сначала мобилизационные и популистские режимы окружались странами, так или иначе, несшими на себе след американского влияния. После реализации этой блокады начинались инвазии в элиты, вторжение гедонистских идеологов в их сознание, и постепенно эти элиты стали соотносить свое бытие с социально-экономическим уровнем жизни. В итоге идеология стала для элит не руководством, а инструментальным обоснованием их статуса и дохода. После этого начинается этап вторжения экономических моделей западного происхождения на территории суверенных государств. С помощью воздействия на эли-

ты страна начинает контактировать с Международным валютным фондом и Банком реконструкции и развития, основным условием получения денег в которых является отказ от ведения социальной политики. В результате массы лишаются материальной поддержки, наблюдают за тем, как элиты предают прежние идеалы, что способствует лавинообразной потере легитимности властью и назреванию революционной ситуации. Когда же революция (не без поддержки со стороны США и их технологий) все-таки происходит, в стране устанавливается модель общественной демократии, суть которой заключается в установке акцента не на суверенитет и самостоятельность страны, а на интересы отдельных групп интересов, существующих в ее рамках. Американцы говорят «да» частным, материальным, социальным интересам групп, принимая геополитическую и внешнеполитическую субъектность государства на себя.

Этот акцент, сделанный на теории общественной демократии, был сознательно сделан мной, так как исходя из него можно выстроить альтернативную модель геополитической интеграции постсоветского пространства, которую я в рабочем порядке назвал «общественной гегемонией». Если мы снова обратим внимание на то, как размещает себя образ постсоветского пространства в нашем сознании, то мы увидим, что наше сознание стремится к ликвидации национальных границ на карте этого пространства и созданию единого территориально-административного имперского поля. В случае если мы самоустранимся из этой модели и выйдем на уровне геополитического мышления, то станет ясно, что существование национальных государств на территории евразийского пространства— это и есть ключ к его реальной интеграции. Преамбула того, что мы «когда-нибудь все-таки ликвидируем государственные границы на территории постсоветского пространства, избавимся от них», — это то, что в первую очередь мешает его интеграции. Те «интересы групп», на которые американцы делали ставку, лишая субъектности суверенные государства, мы можем перенести и на нашу карту. В этом случае мы будем работать не в рамках единого государства, а в рамках геополитического пространства. И роль этих групп совпадет с ролью национальных государств на территории постсоветского пространства. Интересы правящих элит в этих государствах, состоящие, на самом деле, не в том, чтобы сохранить суверенитет как таковой, а

чтобы с помощью него получать дивиденды, прибыль с «вверенных территорий», с точки зрения «сообщественной гегемонии» не должны быть затронуты. Как не были затронуты, а, наоборот, поощрялись, «интересы групп» в теории общественной демократии. Если мы говорим «да» социально-экономическим и «статусным» интересам национальных государств и их руководства, то никаких реальных препятствий для интеграции на постсоветском пространстве не остается. Единственной угрозой для этих элит становится американский план построения однополярного мира. Что же касается других, не «административно-территориальных» форм интеграции, то с этой точки зрения они могут быть полностью реализованы. Евразэс, евразийский банк (в экономике), ОДКБ (в оборонной сфере) и ряд других форматов, которые уже существуют и которые еще предстоит создать, как нельзя лучше подходят для активизации реального, а не «внешнего», «формального» процесса интеграции постсоветского пространства. Нужно начинать работу.

Семинар № 3
Геополитика ислама

ГЕОПОЛИТИКА ИСЛАМА

ГЕОПОЛИТИКА АЛЬ-КАИДЫ

ХРИСТИАНСКИЕ КОРНИ ИСЛАМА

ГЕОПОЛИТИКА ТУРЦИИ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ НАСЛЕДИЯ
ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО

ОБЗОР

Центр Консервативных Исследований и Кафедра социологии международных отношений в рамках еженедельных интеллектуальных семинаров социологического факультета МГУ под руководством профессора А.Г. Дугина 20 апреля 2011 года провели заседание на тему «Геополитика ислама».

Традиционно основным докладом открыл заседание профессор Дугин. Свое выступление, тема которого совпадала с названием семинара, он разделил на 4 части:

1. Геополитико-цивилизационный анализ ислама.
2. Классические дихотомии евразийского отношения к исламу.
3. Геополитика шиизма/геополитика суннизма.
4. Ислам и этнос.

Геополитико-цивилизационный анализ ислама

С сожалением резюмировав до сих пор не сложившуюся школу исламской геополитики, Александр Гельевич посетовал, что, не смотря на то, что его учебник был переведен на арабский язык и издан в Ливане и в Турции, где, кстати говоря, он пережил 5 переизданий и пользуется большой популярностью среди высших чинов турецкого военного командования, такого явления как исламская геополитика так и не возникло. Это выглядит странно, так как цивилизация, претендующая на субъектность участия в мировом контексте, должна была обязательно воспользоваться методологией, которая принята в геополитической дисциплине, начав с теоретического построения своих геополитических представлений. Не дожидаясь появления серьезных исламских геополитических центров, профессор Дугин предложил провести геополитико-цивилизационный анализ исламской традиции самостоятельно.

При этом докладчик обратил внимание на тот факт, что такой анализ однозначно указывает нам, что территории ислама занимают в геополитическом районировании планеты промежуточную зону

Rimland (Береговая зона), простираясь от Магриба до Тихоокеанского региона. Этот дуализм исламского цивилизационного пояса предполагает возможность выбора геополитической идентичности: смешанную Rimland as Rimland, Rimland как зона контроля Seepower и Rimland как зона контроля Landpower. Исходя из этого, геополитические центры будут формироваться в дуальном ключе: исламо-атлантисты и исламо-евразийцы. Пока ясных и ярких представителей таких школ нет, заявил профессор Дугин, но стоит ожидать, что с их появлением режимы, движения, цивилизационные тренды в рамках ислама, всегда будут указывать на принципиальную геополитическую двойственность.

Профессор А. Г. Дугин

Продолжая нюансированный анализ цивилизационного исламского пространства, Александр Гельевич указал на то, что евразийскими в исламе являются следующие черты:

Пустынное кочевничество древних бедуинов, которые являются классическими «разбойниками Суши» по Макинтеру.

Тюркизм или тюркский ислам, который в значительной степени отличен от других форм ислама. Исключительно сухопутная цивилизация, в основе которой лежит тюркское наследие степного евразийского прошлого.

Специфическое явление внутри исламской цивилизации — иранизм. Можно конечно утверждать, что Иран, являясь rimland'ом, может склоняться в ту или иную сторону. На это можно возразить, что, основанная ариями, выходцами из степных кочевых зон, Персия как древняя сухопутная империя, всегда являлась теллуροкратическим образованием.

С точки зрения стиля цивилизационного уклада евразийским в исламе так же являются кланово-боевые структуры Афганистана (афганизм), Пакистана (полиэтнический пакистанизм) и Бангладэша.

Геополитическую идентичность тихоокеанского и дальневосточного ислама докладчик предложил не рассматривать из-за их удаленного расположения от основного театра геополитических игр.

Рассмотрев комплекс разнопорядковых, разноплановых, сочетающихся, а иногда и расходящихся между собой цивилизационных свойств, в рамках исламской цивилизации, и проиндексировав их по евразийским геополитическим критериям, профессор Дугин перешел к анализу того, что в исламе является атлантистским.

Цивилизационно атлантистскими являются в исламе следующие черты:

- Финикизм (карфагенизм). Финикийская цивилизация, проявляя талассократические черты, является классической матрицей Seepower. Для нас ислам это не только «воины», но и «торгаши».
- Заложенная в исламе симпатия к третьему сословию с ориентацией на торговый строй.
- Наивный буквализм при толковании теологических постулатов.
- Исламский модернизм или евроислам по сути чистый атлантизм.

Разобрав ислам как дуальную зону, в которой действуют два геополитических вектора, профессор Дугин подытожил первую часть доклада напоминанием, что в истории XX века на зону исламского Rimland'a от Магриба до Тихого океана, постоянно воздействовали два вектора: исламский социализм (просоветские тенденции), в котором мы обнаруживаем теллурократический вектор притяжения и арабский национализм, подогреваемый английскими спецслужбами, ориентированный на талассократию.

Классические дихотомии евразийского отношения к исламу

Напомнив присутствующим, что в недавно вышедшей книге «Понять Империю» один из самых интересных и пассионарных интеллектуалов Франции Ален Сораль вводит теологические аргументы в практическую политику (мысли которого о религии заняты, но весьма упрощены), профессор Дугин, тем не менее, позволил себе воспроизвести традиционную для неоевразийства типологию геополитических отношений к исламу.

литики и форм ислама. После чего перешел к рассмотрению модели районирования культурных, теологических, религиозных и правовых феноменов в рамках ислама с евразийских позиций, обозначив при этом необходимость более нюансированной дифференциации различных тенденций богословско-теологического или мазхабовского толка, с точки зрения юридических школ внутри ислама.

В религиозном стиле ислама есть ряд, безусловно, теллурократических черт. Это шиизм и суфизм. Эти два явления представляют собой полицентрическую систему толкования исламской доктрины, соответствующую многополярности евразийской философии. Особенно интересны крайние шииты — исмаилиты (федаины). К атлантистским профессор Дугин отнес такие течения как салафизм, ваххабизм и «чистый ислам», а также другие формы исламского фундаментализма. В их идеологии напрямую ничего талассократического нет, только за счет того, что они служили американцам инструментом антисоветской борьбы (этого достаточно для того, чтобы считаться антителлурократическим) при двухполярном мире, а ранее англичанам для антиосманской консолидации арабов.

Это определенная константа, уловленная в данном дуализме, — этой проблематике было посвящено много публикаций, но Александр Гельевич предложил провести краткий reality check, для того, чтобы посмотреть так ли это сейчас. Проведя анализ, докладчик обратил внимание присутствующих на то, что значительная часть представителей радикального салафитского ислама оставаясь антишиитской, антисуфистской, в общем, той, что была отнесена к евразийским чертам в исламе, тем не менее, воюет против атлантистов. Антиамериканизм среди фундаменталистов, включая ваххабитов, очень силен. Абсурдно держаться с нашей стороны догм и сближений, если они опровергаются реальностью, резюмировал профессор Дугин, отметив при этом, что мы стоим на грани того, чтобы пересмотреть наше отношение к радикальному суннитскому исламу в положительном ключе. В России эти тренды отстаивают с разных позиций Максим Шевченко, Гейдар Джемаль.

Геополитика шиизма/геополитика суннизма

В последнее время в исламском мире, на Ближнем Востоке и Северной Африке, произошел ряд событий, который четко очертил границы шиизма. И эту географию Александр Гельевич предложил

осмыслить геополитически. Прежде всего, профессор Дугин рекомендовал обратить внимание на то, что многократно усилилось влияние не только проиранских сил, но и прошиитских, Хоменийская модель распространилась на значительную часть Ирака, на Сирию, на Бахрейн, на Ливан, на Палестину, оппонируя, прежде всего, Саудовской Аравии, Йемену, Иордании, ориентированным на США. Теперь совершенно очевидно, что тот антиизраильский пафос Ахмадинежада, который совсем недавно был не понятен, прагматически оправдан за счет стремления Ирана, как оплота шиитского движения, найти силы, которые ориентировались бы на этот полюс, а не на Саудовскую Аравию, для реализации конкретных практических вопросов. Так же докладчик обратил внимание на заявления Тегерана, которые носили проливийский, просирийский и антитуниский, антиегипетский характер. Подытоживая, профессор Дугин заявил, что в том переделе исламского пространства, который происходит в северной Африке и южной части Ближнего Востока, Иран в центре шиитского мира является вторым полюсом, ориентированным крайне антиатлантически, то есть Иран — полюс евразийской сухопутной геополитики.

Докладчик отметил, что совершенно отдельная от этого позиция у Турции, нынешнее политическое устройство которой представляет собой специфическую модель. Профессор Дугин указал на ошибочность мнения, что турецкий суннизм имеет единое континуальное поле с арабским или пакистанским суннизмом. Аргументировав это тем, что турецкий ислам, основанный на определенной форме турецкого суфизма, отличается совершенно специфической культурой, вообще не имеет общего ни с каким другим исламом и в других исламских зонах не имеет никакого влияния или авторитета. Поэтому говоря о рамках суннитско-шиитского взаимодействия, нужно строго отделять Турцию как самостоятельного актора, который на пространстве от Туниса и Марроко до Ближнего Востока, является третьей силой.

Так же Александр Гельевич отметил особенность пакистанского ислама: это индусы большинством своим из низших каст, которым был блокирован путь наверх в социальных лифтах кастового индуистского общества, и из социологических соображений принявшие ислам.

Ислам и этнос

Профессор Дугин заявил, что в этой теме об этническом начале в исламе мы сталкиваемся с двумя точками зрения, которые представлены двумя очень яркими теоретиками:

Гейдар Джемаль говорит, что в салафизме ислам и этнос несовместимы, наоборот, ислам уничтожает все формы идентичности, кроме новой уммы, объединенной трансцендентной верой;

Хож-Ахмед Нухаев утверждает прямо противоположные вещи о том, что внеэтнический ислам не корректен, что ислам это и есть этнос. Исламские догмы должны быть применимы к этнической структуре, без этого они утратят свое семантическое поле.

Рассмотрев объективное влияние этнического фактора на рецепцию Корана, не только различные апологии нюансов и дифференциалов в суннизме, но и шиизм, предельными к которому обладают вполне конкретные этносы и вполне конкретные культуры. Например, иранская. И чем более радикален шиизм, тем более он этничен, резюмировал докладчик, отметив при этом, что этнический, дифференцированный ислам за счет того что он локально центрирован, может интегрироваться в какие-то иные модели, в том числе и имперского толка, существуя в рамках закрытого органичного общества. Противоположная же модель, джемалевского или салафитского толка претендует на создание социополитической культурной системы, исключая другие социальные модели или включающей их на остаточном основании. Это глобальный наступательный социально-политический проект. Между ними существует жесткая оппозиция: либо то, либо другое, что позволяет сделать нам определенные выводы на прагматическом уровне относительно того с каким исламом мы можем взаимодействовать, а с каким нет.

Заканчивая свой доклад, профессор Дугин, подытожил — надо укреплять связи евразийства с теми ветвями ислама, которые находятся в максимальной оппозиции атлантизму (принцип общего врага) и которые созвучны изысканной и полицентричной парадоксальной идеологии неоевразийства (шиизм и суфизм).

Сразу же после доклада профессора Дугина состоялось прямое включение главного редактора портала «Геополитика.ру» и журнала «Геополитика» Леонида Савина из Ливии, который, представляя

Международное Евразийское Движение, посетил международную конференцию «Руки прочь от Ливии».

Кратко рассказав о конференции, в которой приняли участие представители политических партий и неправительственных организаций из 17 стран мира, Леонид Савин подтвердил сообщение о том, что действительно была создана международная контактная группа, участники которой намерены информировать международное сообщество, проводить мобилизацию международного общественного мнения в целях распространения правдивой информации о событиях в Ливии и отработки механизмов прекращения агрессии НАТО. Леонид Владимирович перешел к обзору событий происходящих непосредственно в самой Ливии.

Начав с утверждения, что первоначальный план западных держав в отношении Ливии провалился, после чего НАТО приняла тактику, апробированную на Югославии, когда атакам подвергаются не только воинские части на фронте, но и все элементы государственной инфраструктуры — предприятия, системы коммуникаций и снабжения, оказывается давление на гражданское население. Отметив при этом, что уже в первые дни на ливийцев были сброшены бомбы с обеднённым ураном, находящиеся на вооружении у США и применявшиеся ранее в Югославии и Ираке. Также докладчик отмечает и развернувшуюся по отношению к Ливии информационную войну, приводя в качестве примера катарский телеканал Аль-Джазира, американский канал CNN, BBC, которые ведут круглосуточную трансляцию, где в новостях и специальных передачах критикуются официальные ливийские власти и высказывается если не прямая, то косвенная поддержка мятежникам. Официальные ливийские СМИ явно отстают от противника в информационном противоборстве, — резюмировал Леонид Савин.

Войска Каддафи быстро подавили бы мятеж, уверил докладчик, если бы не поддержка мятежников, оказываемая авиацией НАТО с воздуха. По сути, основная транспортная магистраль в Ливии — это дорога вдоль побережья, на которой любая военная техника видна, как на ладони, что позволило авиации НАТО уничтожить часть тяжелой техники правительственных войск. Однако и мятежники не могут использовать эту трассу для наступления, так как попадают под огонь гаубиц. Через песчаные дюны по бездорожью не пройти,

и, сделав одну неудачную попытку, «оппозиционеры» больше таких попыток не повторяют.

Своевременным решением ливийских властей было отключение Интернета по всей стране, так как в социальных сетях уже были попытки манипуляции общественным мнением. Мобильная связь также под контролем властей, сообщил главред портала «Геополитика.ру».

Невозможно отрицать присутствие элементов Аль-Каиды в Ливии. Первый город, пострадавший от исламских экстремистов, — Аз — Завия, всего в 40 км от Триполи на запад. Жители Триполи и местные очевидцы рассказывали, что боевики терроризировали город около месяца, при этом по соседству в десятке километров была нормальная жизнь. Полиция и войска, поначалу деморализованные, впоследствии сумели выбить боевиков-террористов. Сейчас Аль-Каида контролирует несколько городов восточнее Бенгази и уже заявила о создании там «халифата». По мнению местных жителей, часть боевиков Аль-Каиды просочилась из Нигера и Чада.

Завершая прямое включение, Леонид Владимирович особо отметил отношение ливийцев к русским. Хотя Россия и не заблокировала Резолюцию СБ ООН 1973, имевшую разрушительные последствия для Ливии, в целом ливийцы очень тепло относятся к русским. Это видно и в самой столице, и за ее пределами, и в среде гражданских, и среди военных — в том числе на многочисленных блокпостах.

Используя современные коммуникативные средства удаленной связи, аналитик портала «Геополитика.ру» Владислав Гулевич во время прямого включения из Украины представил доклад «Геополитическое прочтение наследия Исмала Гаспринского».

Исмаил Гаспринский (1851-1914) является наиболее масштабной среди крымских татар интеллектуальной фигурой, и во многом, символической. Главные геополитические тезисы И. Гаспринского, изложенные им в произведениях «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения» и «Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания», заключались в следующем:

Россия — это христианско-исламская держава и именно как христианско-исламская она получит решительное право голоса при развязывании политических проблем в православной Европе и магометанской Азии;

Европоцентричная политика Санкт-Петербурга не позволяет Рос-

сии реализовывать весь свой потенциал;

Русский народ по складу своего характера, традициям и свойственному глубинному миролюбию к иноверцам гораздо ближе к Востоку, чем к Западу;

Тюрки-мусульмане имеют гораздо больше шансов сохранить свой национальный облик в составе России, чем под влиянием европейских государств;

В интересах российских тюрок стремиться к «нравственному обрусению» («Объединяйтесь в языке, делах и мыслях»);

Союзнические отношения двумя традиционными антагонистами, Россией и Турцией, выгодны обеим странам (слушая советы из Европы и воюя с Турцией за доступ к Босфору и Дарданеллам, Россия «оказалась от них дальше, чем сто лет тому»);

Сегодня Крым, как важный стратегический плацдарм в Черноморском бассейне, находится на пересечении интересов международных «тяжеловесов» — США, ЕС и России. Европейцы и американцы делают ставку, прежде всего, на крымских татар, которые испытывают внешнее воздействие со стороны Вашингтона, Брюсселя и ряда исламских государств, в т.ч. радикальной Саудовской Аравии. В Крыму уже засветились такие экстремистские структуры как

Рабочие моменты семинара

Джамаат Таблиг, Ат –Такфир-валь-Хиджра. Хизб-ут Тахрир вообще действует легально, и именно в Крыму находится её региональная штаб-квартира по работе со странами СНГ. Идёт процесс исламизации славянского населения полуострова.

Крымская проблематика, ввиду географической близости полуострова к Кавказскому региону, способна оказать непосредственное воздействие на т.н. «черкесский вопрос» в России и реализацию идеи Великой Черкессии. Западные лоббисты великочеркесской концепции настаивают на вхождении в состав этого образования территорий причерноморских шапсугов — узкой прибрежной полосы от Новороссийска до Абхазии и Грузии, что приведёт к блокированию всего черноморского побережья Кавказа прозападными псевдогосударственными образованиями. Поэтому геополитический рецепт И. Гаспринского по единению славян и тюрок, России и Турции становится особенно актуальным.

Всех присутствовавших на семинаре вернул в русло теоретизирования старший научный сотрудник ИВИ РАН А.В. Муравьёв, который представил доклад «Христианские корни ислама».

Начав свой доклад со знакомства Древней Руси с Исламом, докладчик сообщил, что в древнерусские времена Ислам никакого единства в русском менталитете не представлял и был некой дымкой. С религиозной точки зрения Ислам в древней Руси рассматривался в византийской оптике, т.е. отношение к нему было как к христианской ереси. Ситуация изменилась начиная с XVII века, когда на Кавказе, где было распространено язычество и христианство, активно насаждается Ислам, как подчеркнул кандидат исторических наук А. Муравьёв, не без помощи заграничных эмиссаров и представителей иностранных спецслужб.

Также докладчик отметил, что развитие Ислама — это экспансия, очень быстрая, проходящая под религиозными лозунгами, при этом никогда не исключавшая из своих задач торговый и экономический фактор. Рассматривая политический аспект Ислама, докладчик отметил несколько важных характеристик: противопоставление Корана существующим социально-религиозным организациям общества, расширение уммы и коранический универсализм.

Кроме того, задавшись вопросом, почему Иоанн Дамаскин в спи-

ске ересей на сотом месте упоминает Ислам, Алексей Муравьев рассказал распространенную в христианском мире легенду о том, что Мухаммед очень много почерпнул от некоего инока по имени Сергий, который научил его христианству, и оно уже в превращенной форме нашло воплощение в Исламе.

Говоря об Исламе, мы, как правило, взаимодействуем с четырьмя феноменами внутри самого Ислама, а именно:

- Коранический, семитский, арабский Ислам;
- Персидский, промежуточный Ислам;
- Туранский Ислам;
- Изолированный Ислам;

Завершая свой доклад, Алексей Муравьев сделал вывод, что христианские корни в Исламе, как ни странно, и дали те эффекты, которые делают сотрудничество коранического, универсалистского Ислама с христианством таким проблематичным. Поэтому для русского пространства было бы наиболее желательно соблюдать большее количество культурных фильтров между точкой исконного Ислама и нами.

По завершению доклада состоялись прения, докладчику были заданы вопросы:

Валерий Коровин: Возможно ли в связи с этой трансформацией версий Ислама, которую Вы разложили на четыре типа, говорить о том, что существует четыре трактовки коранических текстов?

Алексей Муравьев: Я думаю, что так напрямую это связать не удастся, так как в исламской традиции не существует единой трактовки. Способы толкования Корана зависят от школ, сложившихся в средневековом Исламе. Проблемы, стоящие перед исламскими учеными, которые сейчас пытаются искусственно создать некую единую традицию Ислама, это невозможность свести воедино все школы толкований. Возвращаясь к Вашему вопросу, стоило бы рассмотреть влияние типов Ислама на эти школы.

Александр Дугин: У меня есть одно замечание, которое я хотел бы высказать. Когда я занимался антропологическими проблемами, я пришел к выводу, что христология, которая заложена в Коране, это абсолютное продолжение несторианской эсхатологии вплоть до китизма, где, по сути, речь идет о ранней иудео-христианской ереси, согласно которой Христос представлялся ангелом, пророком, но не

богом. Явно мы имеем дело с мощным влиянием какой-то семитской, иудео-христианской секты на Мухаммеда. Изучение этого влияния имеет большую исследовательскую перспективу, потому что тюркский Ислам (шире евразийский Ислам) оказался под влиянием несториан, среди тех же татаро-монгол несториан было огромное количество. Гипотеза заключается в следующем: не предшествует ли проработка несторианской антропологии последующей возможности принятия иранской версии Ислама?

Алексей Муравьев: Я думаю, Александр Гельевич, что это тема довольно обширная. Как известно, эмиссары эвванитские, или даже шире — иудео-христианского мира, проповедовали среди племени курайш, выходцем из которого был Мухаммед. Это еще не основание сводить все эти факты воедино, но, тем не менее, повод задуматься. Тем более что в Исламе присутствует иудео-христианское непринятие сложной христологии и заметно тяготение к простой бинарности.

Александр Дугин: Очень любопытно, что в арабском мире очень популярно Евангелие от Фомы, один из ключевых текстов манихейцев, содержащий упрощенную христологию и избегающий полноты христианской догматики, это как раз то, о чем Вы, Алексей, говорили. Возможно это не какая-то современная стратегия мусульман, а нечто имеющее древние корни.

Алексей Муравьев: О Коране есть много работ, в том числе и наших коранологов, в которых говорится о том, что Коран содержит довольно много апокритического материала подобного рода. Но изучение этого вопроса осложняется тем, что религиозные традиции Ислама с большим трудом воспринимают саму возможность научного изучения Корана и ситуации возникновения Ислама.

Александр Дугин: Мы тоже кое-что заимствовали, например, на праздник Введение во храм Пресвятой Богородицы читаем просто историю Хизра, т.е. про старца который совершает все как коранический Хизр.

Алексей Муравьев: Взаимодействие на таком очень глубоком уровне, подключая исконный религиозный паттерн, — это весьма серьезно. В этом, как мне кажется, двигаясь от абстрактной религиозной идеи, отвергающей любой национальный характер, продвигаясь все дальше на Восток, Ислам приобретает культурные формы,

глубокие смыслы, которые его обогащают. Хотя ваххабитский дискурс однозначно дает понять, что Ислам в национальных формах это искажение Ислама. Поэтому когда ваххабиты появились на Кавказе, их риторика строилась на том, что вы тут не понятно чем занимались, а настоящий Ислам это тот, которому нас научили, скажем, в Египте.

Александр Дугин: При этом они взрывали мазары, суфийские могилы. В первую очередь на Кавказе, и конкретно в Чечне, от террора страдали традиционные формы Ислама, разрушались тарикы, священные деревья, могилы.

Михаил Тюренок: То есть получается, что чеченское общество не полностью традиционно и та молодежь, которая вступила в салафитские ряды выступила практически против стариков?

Александр Дугин: Только благодаря этому фундаментальному расколу внутри чеченского общества мы имеем Чечню в составе Российской Федерации. Ахмад Кадыров был как раз представителем того чеченского Ислама, который вошел в фундаментальный конфликт с Удуговым, Басаевым, завербованными салафитскими моделями. Все дело в том, что речь идет о двух религиозных типах, совершенно несовместимых между собой. Хож-Ахмед Нухаев, который был одним из теоретиков и лидеров чеченского сопротивления в первую волну, занимал пост начальника военной разведки в правительстве Дудаева, являясь представителем традиционного Ислама, вошел во внутренний конфликт с салафитами, но он не пошел по пути Ахмада Кадырова, а занял свою собственную позицию. Этот дуализм между традиционным Исламом и салафизмом в случае чеченской компани был главным фактором того, что раскол произошел внутри тех, кто сражался против федеральных сил. Говорят, что Басаев умудрялся совмещать свою деятельность в вирде с борьбой против суфизма как такового. На самом деле это такая глубокая часть чеченской идентичности, что без вирда чеченца нет. Мне даже кажется, что эти ваххабиты очень поверхностные; да, им поступает финансовая помощь из Саудовской Аравии, но «просто чеченец» и «не суфий» — это немыслимая вещь. Номинально их призвали к этой модели и они принялись отстаивать эти позиции, тот же Доку Умаров проповедовал салафизм, чистый Ислам, но, копни его поглубже, мало ли что там обнаружиться. Я вообще не верю в серьезное существование сала-

физма на Северном Кавказе. Если с ними поговорить, внимательней присмотреться наверняка окажется что этнический или суфийский Ислам в них доминирует. Но сейчас финансирование всей инфраструктуры идет из ультрарадикальных суннитских фундаменталистских кругов.

Алексей Муравьев: В действительности, первоначальный, исконный и чистый Ислам, который сейчас пытаются возродить идеологи из Саудовской Аравии, это Ислам неустоявшийся и, по сути, анти-традиционалистский.

После затянувшихся прений семинар продолжился. По удаленной связи выступил теолог-религиовед Мансур-Мачей Яхимчик, который представил доклад на тему: «Геополитика Аль-Каиды». Выразив благодарность за приглашение к участию в семинаре, докладчик предложил, прежде чем перейти к рассмотрению геополитики Аль-Каиды, вначале рассмотреть три геополитические модели.

Начав с классической модели геополитики, отцом-основателем которой был Хэлфорд Макиндер, а в последствие продолжил и развил Збигнев Бжезинский, докладчик дал определения понятиям геополитики, стратегии и геостратегии, отослав к работе Бжезинского «План игры». Задача геополитики — это оптимизация политических решений в контексте географии. Задача стратегии — оптимизация военных решений в контексте политики. Геостратегия это объединение геополитики и стратегии, ее задача максимизация коэффициента полезных действий и перенос геополитики и стратегии из области теории в область практики.

Позже в работе «Великая шахматная доска» З. Бжезинский, в контексте древних Империй, так определил три основные задачи для геостратегии США: первая задача — управлять конфликтами между вассалами, вторая — удерживать безопасность вассалов в зависимости от имперского центра, третья — не допустить объединения варваров против Империи.

В рамках классической модели геополитики была разработана геостратегия «Анаконда» — захват силами Моря всех портов вокруг Мирового Острова, т.е. взятие Евразии в кольцо, для того, чтобы оттуда организовать вторжение в центр с целью контроля Хартлэнда.

По мнению Мансура-Мачея Яхимчика, вторжение США и НАТО в Афганистан и Ирак говорят о том, что эта геостратегия до сих пор актуальна.

В качестве следующей модели геополитики докладчик предложил теорию «Промежуточного региона» канадского профессора Димитриса Кицикиса, в которой он предлагает квадратичную модель структурирования мира:

Западная зона или Западный полуостров мирового острова включает в себя не только Европу, но и США, Австралию и Новую Зеландию, т.е. страны, которые основаны на схожих ценностях и которые составляют основу западной цивилизации.

Восточная зона или Восточный полуостров мирового острова, к которой Кицикис относит Китай, Индию, Японию и др. страны юго-восточной Азии.

Африканский полуостров мирового острова, т.е. то, что принято называть цивилизацией черной Африки.

Стоит отметить, что все три зоны довольно устойчивы на протяжении длительного исторического периода, т.е. свыше двух с половиной тысяч лет.

В центре мирового острова, в модели профессора Кицикиса, находится промежуточный регион, который охватывает всю Северную

Интеллектуальные семинары в МГУ

Африку, весь Ближний Восток, территории Афганистана и Пакистана, а также всю территорию бывшего Советского Союза. Яхимчик отметил, что этот регион или, в других терминах, «Центральная Цивилизация», включает в себя Цивилизации Ислама и Православия.

Докладчик акцентировал внимание на том, что и первая и вторая модели геополитики являются двумерными: первая — дуализм Суши и Моря, во второй главную роль играют история и география.

В качестве третьей модели геополитики к рассмотрению была предложена модель, разработанная чеченским мыслителем Кож-Ахмедом Нухаевым. Яхимчик отметил, что в этой модели к дуализму первой модели добавляется третий компонент — Горы. Между Горами и Сушей существует естественная основа для сотрудничества и союза, в отличие от третьего угла треугольника Моря, которое находится в естественном конфликте и с Сушей и с Горами. На этом фоне Нухаев разработал проект исламского трайбализма.

Рассмотрение геополитики Аль-Каиды Мансур-Мачей Яхимчик начал с исторической справки и воссоздания исторического контекста, в котором разворачивались события, а именно: Аль-Каида возникла в контексте советского вторжения в Афганистан в 1979 году. А непосредственно сам по себе 1979 год представляется важным еще по двум другим причинам, а именно: Исламская революция в Иране, в ходе которой возникло первое исламское государство в мусульманском мире, и захват центральной мечети Аль-Харам в Мекке с требованиями уступок от власти. Можно сказать, что 1979 год это зарождение современного исламизма в его самой радикальной форме, в форме всемирного джихада во имя всемирного исламского государства.

Докладчик подтвердил сложившееся мнение о структуре Аль-Каиды как об организации построенной по сетевому принципу, т.е. из автономных ячеек и индивидов, объединенных исключительно идеологией исламизма, которая основана на двух принципах: всемирный джихад и создание всемирного исламского государства.

Мансур-Мачей Яхимчик отметил, что идеология исламизма базируется, прежде всего, на работах Маулана Маудуди, который всемирный джихад обосновывает тем, что джахилийя в современном мире это не только западная цивилизация, но также и мусульманская цивилизация, основанная на государствах в исламском мире, кото-

рые смешивают законы придуманные человеком с законами, которые Аллах открыл мусульманам в Коране и Суне. Учения Маудуди в последствии было развито идеологами братьев-мусульман, в частности Хасаном аль-Банна, а также другими алимами, участвовавшими в джихаде в Афганистане против Советской интервенции и впоследствии основателями идеологии, учений Аль-Каиды.

Анализ действия Аль-Каиды на фоне модели Макиндера-Бжезинского докладчик определил как защиту от действий геостратегии «Анаконда». В модели профессора Кицикиса действия Аль-Каиды носят защитный характер, как попытка защитить от расчленения Центральный регион. В модели Нухаева действия Аль-Каиды приобретают иной характер, а именно форму поддержки талибов и пуштунов, т.е. горцев, поддержки кашмирцев (тоже горцев) против Индии. Яхимчик напомнил слушателям, что талибы (горцы) находясь у власти в Афганистане, первыми признали независимость Чеченской Республики Ичкерия (тоже горцы).

Но по отношению к учению Нухаева об исламском трайболизме, исламизм с идеями исламского государства это ложная идеология, защитой от которой служит возврат к первой Умме пророка Мухаммеда, к родоплеменному строю.

Завершил свой доклад Мансур-Мачей Яхимчик словами, что именно трайбалистская социальная среда, обусловленная брачными и кровными узами, предопределяющими этническую природу всех родов и составленных из них народов, является той почвой, на которой Ислам приносит именно те плоды — истину, добро, красота, справедливость, порядок, — которые в совокупности и определяют коранический смысл понятия «мир», тождественный понятиям «естественный порядок» и «исламский порядок».

Нынешний семинар был богат на онлайн-доклады. Ведущий аналитик Санкт-Петербургского центра изучения современного Ближнего Востока, доц. ФМО СПбГУ А. Сотниченко по skype представил свой доклад «Геополитика Турции».

Дополнив классическую модель геополитики мыслями П.Н. Савицкого о том, что Евразия в старом смысле подразделяется уже не на Европу и Азию, а на срединный континент (Heartland) или собственно Евразию, и два периферических мира (Rimland): Азиатский (Китай, Индия, Иран) и Европейский, — докладчик также упомянул

о той роли, что отводил Rimland'у Н. Спикмен. После чего Александр Сотниченко рассмотрел уникальное географическое положение Турции — протяженность морских границ значительно превышает протяженность сухопутных, которые, в свою очередь, надежно защищены горами на северо-востоке и востоке, а также пустыней на юго-востоке. Докладчик определил это месторасположение как важнейшую точку окраины Евразии, мост между всеми тремя составляющими континента. Согласно теории уникальности роли Римланда в противостоянии Моря и Суши, Турция является, таким образом, ключевым региональным пространством геополитической модели мира, важнейшей контактной зоной Евразии. Рассматривая исторический контекст, докладчик заверил, что Османская империя постепенно теряла статус независимого мирового центра, одного из ведущих акторов международных отношений многополярного мира Колумбовой эпохи, и приобретала статус уникального территориального образования, связывающего пространства Европы, Азии и России.

Позже, в условиях глобального мира, государство занимающее этот своеобразный трансквилизационный мост, уже не может, подобно Османской или Византийской империям, являться самостоятельным геополитическим актором, и его ориентация заключается в умелом лавировании между меняющимися интересами глобальных акторов. Геополитическая ориентация современной Турции как центральной контактной зоны Евразии главным образом зависит от степени влияния на нее евразийских и атлантистских сил, пытающихся воспользоваться выгодами ее положения, заверил докладчик.

Основатель Республики Турция Мустафа Кемаль Ататюрк предлагает новую внешнеполитическую линию, отвечающую геополитическому положению страны. В 1920 — 1945 гг. Турция умело лавирует между интересами Великобритании, Франции, СССР, Германии, США, не принимая сторону ни одного из глобальных акторов. В дальнейшем ориентация только на одну сторону глобального конфликта США превращает Турцию в третьестепенную страну НАТО, обрекает на зависимое положение в регионе, конфликт с соседями. В конце 90-х гг. XX в. Турция вступает в заключительную стадию тяжелого системного кризиса, схожего с современным состоянием многих арабских государств, в которых происходят революции.

Светская либерально-националистическая политическая элита страны, ориентированная на США и Европу, окончательно растратила популярность.

В 2002 г. в Турции произошла смена элит и создание новой идеологии, отвечающей всем требованиям современного миропорядка. Отказ от узкого исламизма, прямой антиамериканской, антиизраильской риторики провозглашение главной целью внешней политики вступление в ЕС.

Мармар Ахмет Давутоглу в своей книге «Стратегическая глубина» излагает принципиально новую концепцию внешнеполитической стратегии Турции, которая ставится в зависимость от ее срединного, ключевого геополитического положения в Евразии, т.е. Анкаре необходимо строить свою политику в зависимости от баланса сил в мире, не поддерживать ни одного гегемона, лавировать между интересами США, ЕС, России, государств Ближнего Востока, играть на выгодах своего геополитического положения для распространения влияния Турции в регионе и мире. Журналисты называли эту концепцию «неосманизмом», считая, что нынешнее правительство идет по пути восстановления Османской империи.

В завершении своего доклада Александр Сотниченко задался вопросом, как России следует реагировать на усиление позиций Турции в регионе, и насколько такая политика соответствует интересам нашей страны? В качестве ответа, докладчик предложил внимательно изучать историю Турции, ход политического и экономического реформирования этой страны, и только после этого строить параллели с нашим развитием. По мнению докладчика, в России сейчас наблюдаются схожие процессы, что и в Турции в XX в.: прозападная светская либеральная элита, которая не пользуется большим авторитетом в обществе, но при этом оппозиционные политические структуры размыты и не оформлены институционально. Возможно, положительный опыт соседей может пригодиться для формирования политической линии, основанной на особых ценностях русской цивилизации и специфике евразийского пространства.

Завершая семинар, профессор Дугин сказал о том, что тема «Геополитика Ислама» была рассмотрена с разных точек зрения, проведя параллели между геополитическими, концептуальными, метафизическими, теологическими аспектами исламской традиции, выявля-

ется необходимость в комплексных, возможно даже постмодернистских междисциплинарных методологиях. Пусть приблизительно, пусть, подчас, эмпирически или эвристически, эти методологии устанавливали бы систему соответствий между теми или иными концептами с культурно-цивилизационными, политико-стратегическими императивами.

В докладах, прозвучавших с разных точек зрения, эти аспекты связаны, мы видим какое значение теология имеет для террористов, для этносепаратистов, для крымских татар и т. д. Куда бы мы ни бросили наш взгляд в современном мире, анализ любой проблематики, даже небольшого этнического конфликта требует привлечения огромного объема знаний из этносоциологии, геополитики, теологии, метафизики и люди, которые этими конфликтами занимаются, сплошь и рядом обладают колоссальным недостатком понимания всей сложности и всей полноты этой системы. Не стоит удивляться, что в таком случае мы становимся объектом манипуляции.

Я думаю, что ученым, экспертам, специалистам по социологии международных отношений, всем участникам нашего семинара Центра Консервативных Исследований необходимо работать в этом направлении, потому что со всех точек зрения, даже если некоторые аспекты могут показаться слишком абстрактными и отвлеченными, на самом деле они являются ключом к решению очень многих проблем.

Несмотря на то, что мы с моральной точки зрения осуждаем все формы терроризма, но исследовать его в разных идеологических предпосылках является чрезвычайно важным и полезным, просто необходимым и продуктивным с научной точки зрения.

А. Г. Дугин

Д. п. н., Директор Центра Консервативных Исследований
при социологическом факультете, зав. кафедрой Социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

ГЕОПОЛИТИКА ИСЛАМА (ТЕЗИСЫ)

Часть 1

Геополитико-цивилизационный анализ Ислама

1. Территории Ислама занимают в геополитическом районировании планеты *промежуточную зону Rimland*. Это означает, что с точки зрения великой войны континентов, ислам как геополитическое целое (позже рассмотрим, есть ли такое целое или до какой степени оно есть) принципиально *двойственен*. То есть он может быть как *евразийским*, так и *атлантистским*. Удивительно, но такой простейший геополитический анализ, который мы давно предлагаем сделать всем, сами исламские геополитики не делают. Поэтому *исламских геополитиков нет*. Если бы исламские геополитики появились, то сразу в дуальном ключе: *исламо-атлантисты и исламо-евразийцы*.

2. Исламская зона имеет три идентичности: смешан-

Профессор А. Г. Дугин

ную Rimland as Rimland, Rimland как зона контроля Seapower и Rimland как зона контроля Landpower.

3. Цивилизационно можно сказать, что евразийскими в Исламе являются следующие черты: пустынное кочевничество древних бедуинов, тюркизм (от степного евразийского прошлого) и (частично) иранизм (Персия как сухопутная империя). Евразийскими являются также кланово-боевой афганизм и полиэтнический пакистанизм (плюс Бангладэш). Геополитическая идентичность тихоокеанского и дальневосточного Ислама слишком удалена от основного театра геополитических игр, чтобы сейчас рассматриваться.

4. Цивилизационно атлантистскими являются в Исламе следующие черты: финикизм (карфагенизм), ориентация на торговый строй, наивный буквализм, исламский модернизм, евроислам.

Часть 2

Классические дихотомии евразийского отношения к Исламу

1. Недавно Ален Сораль написал книгу «Понять империю». Книга очень неплохая. Сораль, наряду с де Бенуа, самый интересный и пассионарный интеллектуал Франции. Его мысли о религии заняты, но чрезвычайно упрощены. На их фоне наши мысли намного весомее, а реконструкции намного основательнее. Только по этому контрасту (а не потому, что мы так уж настаиваем на этих соответствиях) позволим себе воспроизвести традиционную для неоевразийства типологию геополитики и форм Ислама.

2. В религиозном стиле Ислама есть ряд, безусловно, евразийских черт. Это — *шиизм и суфизм*. Эти два явления представляют собой полицентрическую систему толкования исламской доктрины, соответствующую многополярности евразийской философии.

3. Если вспомнить наш разговор о десекуляризации, можно сказать, что шиизм и суфизм находятся *на противоположном полюсе от наивности*. Они наиболее *философские*. Особенно интересны крайние шииты — исмаилиты (федайны).

4. Атлантистскими мы, как правило, называем такие течения как *салафизм, ваххабизм и «чистый Ислам»*, а также другие фор-

мы исламского фундаментализма, за счет того, что они служили американцам инструментом антисоветской борьбы при двухполярном мире, а ранее англичанам для антиосманской консолидации арабов.

5. Примерно так же думают наши друзья в Европе (включая мусульман — таких как Клаудио Мутти).

6. Однако: после вторжения США в Афганистан талибы оказались лицом к лицу с чистыми атлантистами и воюют с ними. Антиамериканизм среди фундаменталистов (включая салафитов и ваххабитов) очень силен. Абсурдно держаться (с нашей стороны) догм и сближений, если они *опровергаются реальностью*. Делая reality check, мы стоим на грани того, чтобы пересмотреть наше отношение к радикальному суннитскому Исламу (в положительном ключе).

7. Может быть, и есть *инструментализация* этого направления со стороны атлантизма (как иначе объяснить участие Аль-Каиды в событиях в Ливии и многое другое?) Есть также *основания* видеть в ваххабитах *проамериканскую* силу, дестабилизирующую ситуацию на Северном Кавказе. Но мы не можем отрицать очевидного: *представители этого направления борются с оружием в руках против атлантизма*. Это значит многое. Это значит, мы должны отнестись к ним внимательнее.

Часть 3

Геополитика шиизма/геополитика суннизма

1. События в арабских странах показывают *географию шиизма*. Эта география может быть осмыслена геополитически. Хомейнистская модель не ограничивалась Ираном. Она распространялась на Ирак, частично, Сирию, Бахрейн и Ливан. Шииты есть в Палестине. Этот шиитский мир ориентирован *эсхатологически* и сегодня крайне *антиатлантистски*. То есть шиизм в нынешнем состоянии (а если верить азербайджанцу Гамиду Хересчи, то речь идет о суправивенции исмаилизма, что представляет собой очаровательную гипотезу) есть полюс евразийской сухопутной геополитики. И поэтому все исламские силы и страны, симпатизирующие

Ирану, должны быть нами автоматически *горячо поддержаны*. Каддафи имел тесные связи с Тегераном. В отличие от Мубарака или Бен Али, потому иранцы приветствовали их свержение.

2. Тут можно сделать предположение: нет ли *структурных связей* между шиизмом и суфизмом в исламском (арабском) мире? Сходство есть в смысле неприязни к ним салафитов. Сходство есть в нюансированности мистических экзегез. Если у этого сходства есть геополитическое выражение, это могло бы стать интересным выводом. Каддафи, например, организовал в свое время конгресс суфиев в Триполи.

3. Суннизм и радикальный суннизм имеют центром Саудовскую Аравию (пустыню Нагжд, родину Аль-Ваххаба). Это вторая половина арабско-ближневосточного мира. Вот здесь явный дуализм с шиитским полюсом. Эта оппозиция должна быть как-то геополитически осмыслена: если шиизм точно евразийский, то, скорее всего, здесь антишиизм означает *антиевразийство*. Но этот тезис надо более тщательно проверить. Мы берем эту аффирмацию пока с вопросительным знаком.

4. Турецкий Ислам стоит строго отделять от арабского. Это тоже суннизм, но преимущественно суфийский и особый *тюркский*. Быть может, стоит говорить именно о *тюркском Исламе*, который в целом является евразийским по своим цивилизационным ориентациям. А ргорос, разговоры о конфликте суннитской Турции и шиитского Ирана (Маргелов у Шевченко) совершенно безосновательны. Сегодня как никогда отношения между этими странами гармонизированы.

Часть 4

Ислам и этнос

1. Вопрос об *этническом* начале в Исламе стоит остро. Здесь есть разные позиции. От радикального *антиэтнизма* Джемаля (Ислам уничтожает все формы идентичности, кроме новой уммы, объединенной трансцендентной верой) до *гиперэтнизма* Нухаева, который не просто настаивает на признании правомочности реально этнического Ислама в регионе Северного Кавказа (Чечня), но

и предлагает (как мы видели) *этническую герменевтику Ислама в целом*.

2. Не входя в дискуссии, констатируем следующее: *этнический фактор объективно влияет на рецепцию Корана*. Нельзя исключать, и даже более чем вероятно, что *именно этнизм предопределяет принадлежность к шиизму и конституирует культуру суфизма*. Конечно, шиизм — общеисламский универсальный выбор, но предилекцией к нему обладают вполне конкретные этносы и вполне конкретные культуры. Например, иранская. И чем более радикальный шиизм (от 12 к 7), тем более он этничен.

3. *Этнос — это то, что стоит на стороне евразийских интеграционных моделей империи*. Этнос есть основа традиционной империи. Этнос означает плюральность локальных групп и соцветие культурных отличий. Эти черты присущи нашей экстатической империи. Этнос — это конкретный животворный *сакральный организм*. Этнизация религиозных теорий сама по себе черта евразийская, способствующая построению полицентричной *теллурукратической общности*.

4. В этом смысле *этнический Ислам ближе к евразийству, чем выхолощенный и универалистский*.

5. Поэтому этнизация Ислама должна быть принята нами позитивно.

6. Это чистая теория. Конечно, разные силы в Исламе сражались против русских исторически. Имамат Шамиля был организован на основе тарикатов и имел этническую подоплеку. Иными словами, все выделенные моменты автоматически не означают полной гармонизации империи и этносов. Но *империя не уничтожает этносы, а сохраняет их*. Универсализм — в том числе и теологический — уничтожает этносы. В этом смысле салафизм последовательно антиэтничен.

Вывод: надо укреплять связи евразийства с теми ветвями Ислама, которые: 1) находятся в максимальной оппозиции атлантизму (принцип общего врага) и 2) созвучны изысканной и полицентричной парадоксальной идеологии неоевразийства (шиизм и суфизм).

Л. В. Савин

Главный редактор портала «Геополитика.ру» и журнала «Геополитика»

АТАКИ ГРАЖДАНСКИХ ОБЪЕКТОВ ЛИВИИ ДЕЗИНФОРМАЦИЯ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ЛИВИИ СО СТОРОНЫ МИРОВЫХ СМИ (РЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЙ)

Мы присутствуем на международной конференции в столице Ливии, на которую съехались делегаты из стран Африки, Европы и Ближнего Востока. Конференция "Руки прочь от Ливии" проходит в Триполи в отеле "Баб аль-Бахр". Ее организаторами выступают Национальная организация ливийской молодежи и фонд "Stop the War" при содействии экономического, социального и культурного Совета Африканского союза, Арабско-африканского союза молодежи, Африканского молодежного форума за мир и Африканского союза молодежи. В конференции приняли участие представители политических партий и неправительственных организаций из 17 стран мира. В ходе встречи была создана международная контактная группа, участники которой намерены информировать международное сообщество, проводить мобилизацию международного общественного

Л. В. Савин

мнения в целях распространения правдивой информации о событиях в Ливии и отработки механизмов прекращения агрессии НАТО.

Официальная церемония открытия международной конференции состоялась 17 апреля, а накануне делегаты смогли ознакомиться с обстановкой в столице, в частности мы посетили Зеленую площадь, где каждый день проходят митинги в поддержку Каддафи, резиденцию лидера ливийской революции, подвергавшуюся бомбардировкам и ранее, в 1986 году, и теперь. Резиденция хранит следы разрушительных авиаударов. Имели мы возможность побывать и в других местах, где остались следы бомбёжек. Информация о том, что силы НАТО «ошибочно» бомбят своих союзников из рядов мятежников лишь подтвердила то, о чем ранее сообщали ливийские официальные источники — что ракетно-бомбовые удары НАТО наносятся и по мирным жителям. Первоначальный план западных держав в отношении Ливии провалился, после чего НАТО приняла тактику, апробированную на Югославии, когда атакам подвергаются не только воинские части на фронте, но и все элементы государственной инфраструктуры — предприятия, системы коммуникаций и снабжения, оказывается давление на гражданское население. Если эта тактика продолжится, могут пострадать выстроенные в Ливии резервуары с водой и искусственные каналы, представляющие собой уникальную систему водоснабжения.

Уже в первые дни на ливийцев были сброшены бомбы с обеднённым ураном, находящиеся на вооружении у США и применявшиеся ранее в Югославии и Ираке. Как показывают исследования, проведенные в Сербии и Боснии, элементы таких боеприпасов, находящиеся до сих пор на территории этих стран, привели к повышению радиоактивного загрязнения. ООН в свое время подтвердила этот факт.

Системы ПВО Ливии размещены в разных частях Триполи. Их работу можно было наблюдать или слышать по вечерам, когда начинались авианалеты НАТО (одно из зенитных орудий находилось прямо под окнами отеля, где проходила конференция). Население также вооружено стрелковым оружием и патрулирует наряду с военными улицы столицы и других городов. Если НАТО действительно решится на интервенцию сухопутными силами, войска альянса понесут значительные потери. По крайней мере, желание ливийцев биться с врагом беспощадно сомнений не вызывает.

Даже в той части Ливии, где практически все население поддерживает Каддафи, идет круглосуточная информационная война — катарский телеканал Аль-Джазира, американский канал CNN, а также BBC ведут круглосуточную трансляцию, где в новостях и специальных передачах критикуются официальные ливийские власти и высказывается если не прямая, то косвенная поддержка мятежникам. Официальные ливийские СМИ явно отстают от противника в информационном противостоянии.

В северной части тунисско-ливийской границы, на территории Туниса (пропускной пункт Рас Ажедир), расположены густонаселенные лагеря для беженцев, над которыми развеваются монархические флаги мятежников, хотя этот участок границы всегда был под контролем Каддафи (мятежники контролировали ранее только участок Дехибат-Вазим, в 200 км южнее). Зачем это понадобилось властям Туниса, неясно. По имеющейся информации, у Туниса с Каддафи сохраняются довольно хорошие отношения.

По данным из местных источников (которые, однако, трудно проверить), первые танкеры с нефтью, отправленные из района, захваченного мятежниками, были наполнены в Катаре для того, чтобы

НАТОвские бомбардировки не сломили дух ливийцев.

создать видимость дееспособности «оппозиции». У мятежников немало бронетехники, захваченной на разграбленных складах, но обращаться с ней они не умеют. Неспособны мятежники и наладить нормальную жизнь в контролируемых ими районах — поставка электричества, воды и продуктов питания прервана, отмечаются случаи мародерства.

Существует видеосъемка с кадрами жестокого умерщвления обезоруженных солдат правительственной армии (обезглавливание, сожжение живьем).

Войска Каддафи быстро подавили бы мятеж, если бы не поддержка его авиацией НАТО с воздуха. По сути, основная транспортная магистраль в Ливии — это дорога вдоль побережья, на которой любая военная техника видна, как на ладони, что позволило авиации НАТО уничтожить часть тяжелой техники правительственных войск. Однако и мятежники не могут использовать эту трассу для наступления, так как попадают под огонь гаубиц. Через песчаные дюны по бездорожью не пройти, и, сделав одну неудачную попытку, «оппозиционеры» больше таких попыток не повторяют.

Своевременным решением ливийских властей было отключение Интернета по всей стране, так как в социальных сетях уже были попытки манипуляции общественным мнением. Мобильная связь также под контролем властей.

Невозможно отрицать присутствие элементов Аль-Каиды в Ливии. Первый город, пострадавший от исламских экстремистов, — Аз-Завия, всего в 40 км от Триполи на запад. Жители Триполи и местные очевидцы рассказывали, что боевики терроризировали город около месяца, при этом по соседству в десятке километров была нормальная жизнь. Полиция и войска, поначалу деморализованные, впоследствии сумели выбить боевиков-террористов. В городе видны следы разрушений — дыры от пуль, серьезные повреждения стен зданий от снарядов. На подобную информацию наложена цензура — вести видео- и фотосъемку в Аз-Завии запрещено, как и на всем участке от границы с Тунисом до Триполи. Сейчас Аль-Каида контролирует несколько городов восточнее Бенгази и уже заявила о создании там «халифата». По мнению местных жителей, часть боевиков Аль-Каиды просочилась из Нигера и Чада.

Что касается периферийных областей Ливии, то в целом на ко-

нец апреля законные власти Джамахирии контролировали почти все участки границы с Египтом, Суданом, Нигером и Чадом. Две последние страны крайне не заинтересованы в падении режима Каддафи, так как стабильность там во многом зависит от ситуации в Ливии (это и рабочие места в Ливии, которая является самой развитой страной региона, и сложившаяся система региональной безопасности).

По мнению представителей МИД Ливии, спусковым крючком конфликта внутри страны явился заговор группы людей, входивших во властные структуры. Бегство из страны нескольких высокопоставленных чиновников и разрешение им пользоваться своими банковскими счетами на Западе — косвенное тому подтверждение.

На конференции "Руки прочь от Ливии" была принята декларация. Решения так называемой "Лондонской конференции в поддержку ливийского народа" были признаны не имеющими никакой силы. Незаконным был признан и пресловутый «Переходный национальный совет». Помощь, предлагаемая Евросоюзом и НАТО, в том числе гуманитарная, была охарактеризована как имеющая подозрительные цели (возможное прикрытие для поставки оружия мятежникам).

Напоследок стоит отметить отношение ливийцев к русским. Хотя Россия и не заблокировала Резолюцию СБ ООН 1973, имевшую разрушительные последствия для Ливии, в целом ливийцы очень тепло

В поддержку М. Каддафи.

относятся к русским. Это видно и в самой столице, и за ее пределами, и в среде гражданских, и среди военных — в том числе на многочисленных блокпостах. Хочется надеяться, что позиция официальной России по отношению к Ливии не испортит этого доброго отношения.

МАНСУР-МАЧЕЙ ЯХИМЧИК

Теолог-религиовед, В.А. (Охон), М.А. (Охон), Краковский университет
(религиоведение), Академия Папы Римского в Кракове (философия),
Oxford (Теология)

ГЕОПОЛИТИКА АЛЬ-КАИДЫ (ДОКЛАД)

Предлагаю обратить внимание на три модели геополитики которые можно применить для того, чтобы попытаться ответить на вопрос, что же такое геополитика Аль-Каиды.

Классическая модель геополитики, разработанная Макиндером, считающимся одним из отцов-основателей геополитики и геостратегии, в последствие развитая Бжезинским, который в своей работе «План игры» определил понятие геополитики, стратегии и геостратегии следующим образом:

- задача геополитики это оптимизация политических решений в контексте географии.
- задача стратегии это оптимизация военных решений в контексте политики.

Геостратегия — это объединение геополитики и стратегии, ее задача — максимизация коэффициента полезных действий и перенос геополитики и стратегии из области теории в область практики. В

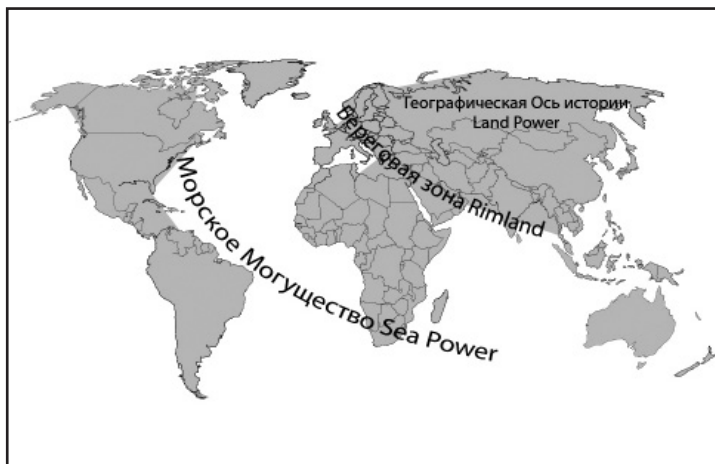

Мансур-Мачей Яхимчик

работе «Великая шахматная доска» Бжезинский, сравнивая текущее положение дел США с Империями древности, так определил три основные цели геостратегии: первая задача — управлять конфликтами между вассалами, вторая — удерживать безопасность вассалов в зависимости от имперского центра, третья — не допустить объединения варваров против Империи.

Бжезинский, как один из архитекторов Холодной войны, полностью поддерживал высказывание Макиндера о том, что тот, кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Хартлэнд. Тот, кто контролирует Хартлэнд, тот контролирует мировой Остров. Тот, кто контролирует мировой Остров, тот контролирует мир. Исходя из этой стратегии, была разработана геостратегия «Анаконда» — захват силами Моря всех портов вокруг Мирового Острова, т.е. взятие Евразии в кольцо, для того, что бы оттуда организовать вторжение в центр с целью контроля Хартлэнда. Эта геостратегия использовалась силами США и НАТО во время холодной войны вплоть до распада Советского Союза. При этом стоит отметить, что в 2000-м году вторжение в Афганистан, позже в Ирак, со стороны атлантистских сил говорит о том, что эта геостратегия все еще актуальна.

Также для понимания геополитики Аль-Каиды необходимо обратить внимание на специалиста по международным отношениям и

Классическая геополитическая модель Х. Макиндера

истории Балкан, профессора Оттавского университета, действительного члена Канадской академии Димитриса Кицикиса, который является издателем журнала «Промежуточный Регион». В своей книге «Османская Империя» он представил далекий от традиционного взгляд на Османскую империю как на государство, ставшее своим не только для турок-мусульман, но и для населявших его христианских народов, и являвшееся в эпоху своего расцвета важнейшей частью «Промежуточного региона» между Востоком и Западом. В своей теории «Промежуточного региона» профессор Кицикис предлагает квадратичную модель структурирования мира:

Западная зона или западный полуостров мирового острова, включает в себя не только Европу, но и США, Австралию и Новую Зеландию, т.е. страны которые основаны на схожих ценностях и которые составляют основу западной цивилизации.

Восточная зона или восточный полуостров мирового острова, к которой Кицикис относит Китай, Индию, Японию и др. страны юго-восточной Азии.

Африканский полуостров мирового острова, т.е. то, что принято называть цивилизацией черной Африки.

Стоит отметить, что все три зоны довольно устойчивы на протяжении длительного исторического периода, т.е. свыше двух с половиной тысяч лет.

В центре мирового острова в модели профессора Кицикиса, находится промежуточный регион, который охватывает всю Северную Африку, весь Ближний Восток, территории Афганистана и Пакистана, а так же всю территорию бывшего Советского Союза. Нужно отметить, что этот регион или, в других терминах, «Центральная Цивилизация», включает в себя Цивилизации Ислама и Православия. Осью этой Центральной Цивилизации исторически являлась территория Византии, затем Османской Империи. За контроль над этой территорией на протяжении двух тысяч лет шла борьба со всех сторон, и со стороны Запада и со стороны Востока. От Александра Македонского контроль перешел к западным древлянам, потом к Византии, после чего перешел к османским туркам. В XIX-XX веках контроль над центральной территорией довольно успешно оспаривала Россия.

Данная модель Кицикиса взята за основу в работе Самуила Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Если посмотреть немного по-другому на эту модель, то Запад — это цивилизация белого человека, Восток — цивилизация желтой расы, Юг — цивилизация черной расы, а промежуточный центр — исторически сложившийся на много позднее первых трех цивилизационных зон в процессе модернизации и вестернизации территорий бывшей Византии и позже Османской Империи. В процессе балканизации промежуточного региона все отколовшиеся части были взяты под контроль Запада.

В первой модели Макиндера-Бжезинского, которая является в некотором смысле двумерной моделью, силы Моря сталкиваются в плоскости с силами Суши. Модель Кицикиса также является двумерной, где главную роль в рамках выделенных им четырех зон играют история и география.

Третья геополитическая модель разработана чеченским мыслителем Кож-Ахмедом Нухаевым, который в 1997 году ушел со всех правительственных и политических постов и занялся переосмыслением и геополитики и Ислама с тем, чтобы выдвинуть свой план мирного урегулирования российско-чеченского конфликта. А также для создания плана возрождения чистого коранического Ислама и Уммы в том виде, в котором ее создавал пророк Мухаммед. Геополитическая модель Нухаева, в отличие от упомянутых выше, в некотором смысле трехмерная: в дуализм Море-Суша он вводит понятие Горы. Между Горами и Сушей существует естественная основа для сотрудничества и союза, в отличие от третьего угла треугольника Моря, которое находится в естественном конфликте и с Сушей и с Горами. Как в геополитическом, так и в историческом и в метафизическом плане Горы и Суша должны сотрудничать для защиты своих территорий от угроз идущих с Моря. На этом фоне Нухаев разработал проект исламского трайбализма.

После того как были рассмотрены три геополитические модели перейдем к геополитике Аль-Каиды. Аль-Каида возникла в контексте советского вторжения в Афганистан в 1979 году, который важен еще по двум другим причинам, а именно: Исламской революции в Иране, в ходе которой возникло первое исламское государство в мусульманском мире, и захвату центральной мечети Аль-Харам в Мекке с требованиями уступок от власти. Можно сказать, что 1979 год

это зарождение современного исламизма в его самой радикальной форме, в форме всемирного джихада во имя всемирного исламского государства.

Аль-Каида это не столько центрально организованная иерархическая организация, сколько сеть, network, из автономных ячеек и индивидов, объединенных исключительно идеологией исламизма, которая основана на двух принципах: всемирный джихад и создание всемирного исламского государства.

Идеология исламизма, на которой построена Аль-Каида, черпает свои основания в работах и учениях пакистанского мыслителя, философа и политика Маулана Маудуди, который в сотнях своих работ обосновывал тему мусульманского мира, свое видение и необходимость всемирного джихада как императи-

Кож-Ахмед Нухаев

ва, руководящего правильным и истинным наставлением для каждого искренне верующего мусульманина. В учениях Маудуди джихадий в современном мире это не только западная цивилизация, но так же и мусульманская цивилизация, основанная на государствах в исламском мире, которые смешивают законы придуманные человеком с законами, которые Аллах открыл мусульманам в Коране и Суне. Исходя из этого, всемирный джихад должен быть направлен не только против светских государств Запада, но и против светских государств Ближнего Востока и Северной Африки ради создания настоящего исламского государства, в котором все мусульманское население подчиняется только законам Аллаха и руководство которого не имеет никакой законодательной власти и является исключительно административным. По мнению Маулана Маудуди, создание хоть одного такого государства должно повлечь за собой реакцию домино, т.е. такое государство должно сначала подчинить себе и ислами-

зировать своих соседей либо обращая их в Ислам, либо заставляя их согласиться на уплату налога на жизнь, признавая тем самым верховенство Аллаха и исламского руководства. Постепенно влияние исламского государства должно распространиться на весь мир. В учениях Маудуди это рассматривается не как некая новая форма колониализма, империализма или терроризма, а как логический вывод, сделанный из предпосылки, что творец Вселенной, который открыл свои законы человечеству в священных писаниях, знает лучше, чем кто-нибудь другой, по каким законам человек должен жить для достижения своей цели — вечной жизни в раю. Раз эти законы лучшие, то прямая задача мусульман распространить их на все человечество.

Это учение Маудуди развито идеологами братьев-мусульман, в частности Хасаном аль-Банна, а также другими алимами, участвовавшими в джихаде в Афганистане против Советской интервенции и впоследствии основателями идеологии учений Аль-Каиды.

Если проанализировать все действия Аль-Каиды на фоне модели Макиндера-Бжезинского, можно увидеть, что это защита от геостратегии «Анаконды». Если проанализировать их действия на фоне модели Кицикиса, то это тоже реакция, защита от попытки расчленения Центральной зоны. На фоне модели Нухаева эти действия выглядят уже иначе, а именно: Аль-Каида поддерживает талибов и

Ныне покойный Усама бен Ладен

пуштунов, т.е. горцев, и не случайно Аль-Каеда снабжает моджахедами кашмирцев, тоже горцев, против Индии. На фоне этой модели Афганистан под управлением талибов был первой страной, которая признала Чеченскую Республику Ичкерия независимым государством, т.е. в котором пуштунская и талибанская идеология увидела своих союзников.

Однако учения Нухаева по исламскому трайбализму идут совершенно в ином направлении: он показывает, что исламизм со своей идеологией исламского государства это ложная идеология, основанная на новшествах и модернизме, единственный способ защиты от которой является возврат к первой Умме пророка Мухаммеда, к родоплеменному строю. Несложно предсказать, что этот образец возрожденной Уммы свою мобилизационную, миротворческую, жизнеутверждающую силу проявит в первую очередь по отношению к курдам, палестинцам, берберам, пуштунам, кашмирцам, косовским албанцам, кипрским туркам и многим другим этносам на Ближнем Востоке, в Средней Азии и в самой России, которые под воздействием исламистской пропаганды убеждены, что без «своего» «исламского государства» они обречены либо на рабство в чужом государстве, либо на хаос, анархию и войну всех со всеми, по афганскому сценарию, предшествовавшему установлению талибанского режима.

Именно трайбалистская социальная среда, обусловленная брачными и кровными узами, предопределяющими этническую природу всех родов и составленных из них народов, является той почвой, на которой Ислам приносит именно те плоды — истину, добро, красоту, справедливость, порядок, — которые в совокупности и определяют коранический смысл понятия «мир», тождественный понятиям «естественный порядок» и «исламский порядок».

А. В. МУРАВЬЁВ

К. и. н., старший научный сотрудник ИВИ РАН

ХРИСТИАНСКИЕ КОРНИ ИСЛАМА (ДОКЛАД)

Рассмотрим взаимоотношения российского социального и политического пространства с Исламом. Каким образом культурно происходила эта встреча, и какой она может быть в будущем, учитывая произошедшие радикальные изменения условий этой встречи. Обозначим, что русское, российское, социальное и политическое пространство рассматривается с православной точки зрения, т.е. Россия, которая опознает себя как русская, национальная и православная.

В России Ислам, вне зависимости от разновидности, всегда имел этническую форму. В древнерусские времена Ислам никакого единства в русском менталитете не представлял и был некой дымкой. С религиозной точки зрения Ислам в древней Руси рассматривался в византийской оптике, т.е. отношение к нему было как к христианской ереси. В современном сознании православных, напротив, прочно вселилась уверенность, что Ислам никакого отношения к христианству не имеет. Также говоря о культурной встрече древней Руси и Ислама, необходимо упомянуть путешественников, известнейшим из

А. В. Муравьев

которых был Афанасий Никитин. Мало кто отмечает, что Афанасий Никитин, пребывая в исламском мире, именуется словом *ходжа*, т.е. человек, который совершил паломничество к святым местам в Мекку.

Все дальнейшие представления об Исламе были крайне туманны. Ситуация меняется довольно сильно начиная с XVII века. Происходит постепенное становление двух факторов, которые приносят в русскую политику несколько важных проблем:

1. Во время всеобщего передела геополитического поля происходит становление мощного кавказского Ислама. Ученые и историки фиксируют, что еще в начале XVII века на территории Кавказа, а именно среди черкесов, карачаевцев, адыгов и других, очень сильное влияние имело христианство и местное язычество, но под влиянием спецслужб Турции и Ирана начинается насаждение на этих территориях Ислама. Одновременно с этим происходит обострение отношений кавказских обществ с Российской Империей, которые, нужно это отметить, были инспирированы зарубежными эмиссарами.

2. Наряду с этими событиями разворачивалось противостояние западных государств, прежде всего Великобритании и Франции, с Османской Портой. Тогда Западу удалось вбить клин между Турцией и Россией, поднять мощное арабское сопротивление против турецкого государства. Все это привело к тому, что Порта пала. В ходе передела бывших османских территорий возникли предпосылки для интеграции арабского мира, т.е. возврата к тем начальным условиям, когда на южных арабских землях зародился Ислам и начал оттуда экспортироваться, в том числе и с завоеваниями, по всему Ближнему Востоку и, прежде всего, в Египет и Месопотамию.

Развитие раннего Ислама — главным образом, экспансия, очень быстрая, проходящая под религиозными лозунгами, при этом никогда не исключавшая из своих задач торговый и экономический факторы. Т.е. исконный арабский Ислам изначально имел харизматический религиозный компонент наряду с экономическим компонентом. Динамику этих процессов демонстрирует развитие событий в захваченных турками византийских и иранских городах, где на место традиционных структур устанавливались арабские экономиче-

ские структуры, на место автохтонных купцов приходили арабские торговцы.

Ислам как феномен смог состояться благодаря идеям панарабизма, Аль-Арабия, и необходимо отразить тот исконный контекст, в котором все происходило и как это развивалось после. Контекст этот, прежде всего, коранический и имеет несколько очень важных характеристик. Религиозный аспект вынесем за скобки и рассмотрим политический, поскольку речь идет об Исламе и политике.

1. Коран себя противопоставляет нескольким существующим моделям социально-религиозной организации общества. Это иудаизм, христианство, язычество.

2. Расширение Уммы, т.е. расширение границ Ислама от племенного мира Аравии до своих максимальных границ, которые очень быстро ограничились. Важным является то, что распространение Ислама вплоть до тихоокеанского региона никак не связано с первоначальным импульсом и обязано, скорее всего, появлению таких эпифеноменов, как иранский Ислам и, впоследствии, туранский Ислам, пришедший на родину тюрков, где коранический контекст не имел арабских корней.

3. Коранический универсализм. Коран написан на арабском языке, который выражает божественную сущность напрямую и поэтому является священным у мусульман. Здесь, пожалуй, будет

Ближний Восток

уместным сравнение с отношением древнерусских книжников к церковнославянскому языку, который они все же воспринимали как язык человеческий. Арабский же почитается мусульманами как язык, полученный от бога. Не смотря на это, ни в Коране, ни в ранних исламских документах не акцентируется внимание на этническом факторе, который сильно проседает под влиянием универсалистских тенденций.

Возникает вопрос, что повлияло на становление первоначального исконного семитского Ислама, так как он напрямую не выводится из племенного южно-арабского мира. Ответ на этот вопрос даст так же ответ и на еще один вопрос: почему Иоанн Дамаскин в списке ересей на сотом месте упоминает Ислам? Распространенная в христианском мире легенда гласит, что Мухаммед очень много почерпнул от некоего инока по имени Сергей, который научил его христианству, и оно уже в превращенной форме воплощенное в Исламе дало тот харизматический и при этом универсалистский элемент. Возникновение авраамической религии вытеснило изначальную южно-арабскую религию.

Как правило, мы имеем дело с четырьмя типами, феноменами Ислама:

1. Коранический, семитский, арабский Ислам, имеющий универсалистский, экспансионистский характер, содержащий в себе ярко выраженную торгово-экономическую линию. Культура коранического Ислама, прежде всего, культура арамео-язычного христианства, на которую наложились определенные племенные социокультурные факторы.

2. Персидский Ислам, имеющий промежуточный характер. Не стоит забывать, что с VIII и вплоть до XII века персидский язык не был языком Ислама, в Иране использовался арабский язык. Появление первой литературы на фарси произвело культурную революцию в Иране, который собственно и создал культуру Ислама.

3. Третий феномен возник при переходе Ислама от Ирана к тюркским народам, которые были частично буддийскими, частично языческими и т. д. Но принимали Ислам уже прошедший иранский фильтр и во многом лишенный тех характеристик, которые делают его проблематичным для христиан. Арабский коранический Ислам рассматривал христианство как нечто отрицательное,

искажающее истинный смысл.

4. Изолированные виды Ислама Северной Африки, Центральной Африки, Индонезии, которые представляют собой совершенно особое развитие на племенной, национальной основе, схожие по своему типу общностей.

Вывод: христианские корни в Исламе, как ни странно, и дали те эффекты, которые делают сотрудничество коранического, универалистского Ислама с христианством таким проблематичным. Поэтому для русского пространства было бы наиболее желательно соблюдать большее количество культурных фильтров между точкой исконного Ислама и нами.

А. А. СОТНИЧЕНКО

К. и. н., ведущий аналитик Санкт-Петербургского центра изучения современного Ближнего Востока, доц. ФМО СПбГУ

ГЕОПОЛИТИКА ТУРЦИИ (ДОКЛАД)

С точки зрения классиков геополитической мысли¹, континент Евразия разделяется на две основные части — центральные земли (Heartland) и земли прибрежные, окраинные (Rimland). Русский геополитик П.Н. Савицкий, независимо от западных исследователей, писал, что «Евразия в старом смысле подразделяется уже не на Европу и Азию, а на срединный континент (Heartland) или собственно Евразию, и два периферических мира (Rimland): Азиатский (Китай, Индия, Иран) и Европейский, граничащий с Евразией примерно по линии: реки Неман — Западный Буш — Сан — Устье Дуная. Эта последняя граница является и водоразделом двух колониционных волн, идущих одна на Восток, а другая на Запад и сталкивающихся на берегах Берингова моря»².

Х. Макиндер, один из основоположников геополитики, также разделял гигантское пространство Евразии на Хартланд (Россия-Евразия)

А. А. Сотниченко

¹ См. работы Х. Макиндера, А. Мэхэна, П.Н. Савицкого, К. Хаусхофера.

² Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 41.

и «государства внутреннего полумесяца», то есть привычные нам Азию и Европу, или Римланд в геополитической терминологии¹. Его последователь, один из идеологов американской внешней политики XX в., Н. Спикмен считал важнейшей зоной мирового пространства именно Римланд — окраинные земли Евразии, контроль над которыми является целью Великого противостояния Суши и Моря².

Полуостров Малая Азия (Анатолия), занимаемый Турцией, располагается как раз на стыке Европы и Азии, а сам, в свою очередь, представляет собой отдельный замкнутый географический регион. Уникальность его геополитического положения трудно переоценить: протяженность морских границ значительно превышает протяженность сухопутных, которые, в свою очередь, надежно защищены горами на северо-востоке и востоке, а также пустыней на юго-востоке. В рамках пространства Малой Азии находятся и Проливы, играющие роль ключа к южным воротам Евразии для морских империй. С другой стороны, Босфор и Дарданеллы открывают Евразии морской путь в Европу, Азию и Африку. Такое положение полуострова Анатолии дает нам право определить его в качестве важнейшей точки окраин Евразии, моста между всеми тремя составляющими континента. Согласно теории уникальности роли Римланда в противостоянии Моря и Суши, Малая Азия является, таким образом, ключевым региональным пространством геополитической модели мира, важнейшей контактной зоной Евразии.

Разумеется, законы глобальной геополитики становятся актуальными только в связи с превращением мира в единую систему, что произошло на рубеже XIX — XX вв. Османская империя и цивилизация постепенно теряла статус независимого мирового центра, одного из ведущих акторов международных отношений многополярного мира Колумбовой эпохи³, и приобретала статус уникального территориального образования, связывающего пространства Европы, Азии и России. Уже в конце XVIII в. султан Селим III ха-

¹ Макиндер Х.Д. Географическая ось истории.// Дугин А.Г. Основы Геополитики. М. 1997. С. 504.

² Spykman N. The Geography of Peace. N.Y. 1944. P. 23.

³ Термин Макиндера, обозначающий период географических открытий, завершившийся на рубеже XIX и XX вв. с открытием и освоением абсолютного большинства территорий планеты, Mackinder H. Democratic Ideas and Reality. N.Y., 1919..

рактизовал положение империи словами: «Страна погибает, еще немного, и уже нельзя будет ее спасти»¹. Империя не погибла, но смогла продолжить свое существование до новой исторической эпохи, изменившей взгляды на политические и экономические отношения между странами. Она не могла противопоставить растущим колониальным экономикам великих держав и их современным армиям ни свою собственную модель развития, ни военную силу. Традиционная система взаимоотношений между народами, религиями и социальными прослойками едва сохраняла способность поддерживать угасающий дух империи и с трудом подвергалась реформированию. Государство с центром на берегах Босфора было спасено только его уникальной территорией, которая с наступлением Постколумбовой эпохи² обрела принципиально новое значение контактной зоны.

Политическая ориентация контактной зоны определяется ее геополитическим положением. В условиях глобального мира государство, занимающее этот своеобразный трансквилизационный мост, уже не может, подобно Османской или Византийской империям, являться самодостаточным геополитическим актором. Его идеологическая ориентация должна заключаться в умелом лавировании между меняющимися интересами глобальных акторов. Турция заведомо предрасположена к западной, атлантистской ориентации³. Геополитическая ориентация современной Турции как центральной контактной зоны Евразии главным образом зависит от степени влияния на нее евразийских и атлантистских сил, пытающихся воспользоваться выгодами ее положения. Таким образом, выявляется противостояние: контактная зона vs. глобальные акторы, в котором последние пытаются полностью навязать «евразийскому мосту» свою волю, а контактная зона — сохранить независимость, играя на интересах противоположных сторон.

¹ Цит. по Шеремет В.И. Война и Бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996. С. 15.

² Термин Макиндера, в Постколумбову эпоху мир становится единой геополитической и экономической системой, функционирующей за счет острого соперничества между основными акторами международных отношений за пространство и ресурсы. Mackinder H. *Democratic Ideas and Reality*. N.Y., 1919.

³ Meining D.W. *Heartland and Rimland in Eurasian History*. // *The Western Political Quarterly* Vol. 9, No.3, Sep., 1956. P. 553-569.

На любой контактной зоне ориентация только на одну сторону геополитического соперничества сказывается негативно. Османская империя с начала XIX в. попадает в зависимость от европейских держав и служит форпостом их экспансии в сторону России, в результате чего попадает в полуколониальную зависимость и стагнирует. Выступив на стороне одной из сторон — Германии в Первую мировую войну терпит поражение. Основатель Республики Турция Мустафа Кемаль Ататюрк предлагает новую внешнеполитическую линию, отвечающую геополитическому положению страны. В 1920—1945 гг. Турция умело лавирует между интересами Великобритании, Франции, СССР, Германии, США, не принимая сторону ни одного из глобальных акторов. В результате такой политики ей удается остаться нейтральной, а торговля стратегическими ресурсами одновременно с Великобританией и Германией приносит существенные дивиденды. В дальнейшем ориентация только на одну сторону глобального конфликта США превращает Турцию в третьестепенную страну НАТО, обрекает на зависимое положение в регионе, конфликт с соседями и, как следствие, экономический коллапс конца 90-х гг. XX в.

Османская империя представляла собой классический пример континентальной империи, наследника Византии и Халифата. В XIX в. традиционная идеология подвергается ревизии со стороны Запада, проводятся половинчатые попытки модернизации, завершившиеся крахом государства. Республиканская Турция выбирает светский национализм в качестве базовой идеологии Модерна. В результате жесткого реформирования общество раскалывается на элиту — сторонников различных видов секулярного модернизма (националистов, либералов и коммунистов), между которыми идет политическая борьба в XX в., и мусульман — традиционалистов, в 20 — 30 гг. XX в. ностальгировавших по героическим временам Османской Империи и веривших в скорый Конец Света. В республиканский период наиболее активных традиционалистов, поднимавших восстания против светской власти или разрушавших памятники Ататюрку ликвидировали. В подполье остались запрещенные светской властью суфийские ордена, сохранившие свою иерархию и организацию, которые в то время практически не влияли на политическую, и экономическую жизнь общества. В дальнейшем их строгая организация пригодится для встраивания в современную политическую и

экономическую систему. Возрождение традиционных политических и социальных воззрений в Турции происходит с кризисом той версии Модерна, которая была представлена в этой стране.

Фактически, после восстановления турецкой государственности в 1923 г., серии радикальных светских реформ под лозунгами независимости, в 50-е гг. XX в. часть элиты повела страну по пути одностороннего тесного сотрудничества с США, что было отходом от концепции нейтралитета первых лет Республики. С одной стороны, это направление было предопределено модернистской, секулярной идеологией национализма, с другой — противоречило геополитическому положению страны. В связи с этим, на протяжении второй половины XX в. развитие Турции проходило достаточно проблемно: экономика была слабой, коррумпированной, общество продолжало оставаться расколотым.

В конце 90-х гг. XX в. Турция вступает в заключительную стадию тяжелого системного кризиса, схожего с современным состоянием многих арабских государств, в которых происходят революции. Светская либерально-националистическая политическая элита страны, ориентированная на США и Европу, окончательно растратила популярность. Экономика разваливалась в прямом смысле: инфляция составляла 50-70% в год, внешний долг вырос до 100 млрд \$. В то же время, турецкие предприятия оказались конкурентоспособными на рынках постсоветского пространства, соседних арабских стран и Ирана, связи с которыми ограничивались светской элитой. Юго-восток страны оказался охваченным боевыми действиями против курдских националистов, не согласных с концепцией турецкого национального государства. В обществе нарастали исламские настроения, что обуславливалось как общей тенденцией развития Ближнего Востока, так и сравнительно более высоким уровнем рождаемости в традиционных семьях Турции по сравнению со светскими¹. В то же время, исламские политические институты насильственно не допускались к управлению страной, ограничивалось также их проникновение в экономику и СМИ.

Эта ситуация неожиданно для всех разрешилась на выборах в 2002 г., когда все политические тяжеловесы 80 — 90-х гг. XX в. не смогли преодолеть специально установленный против курдской

¹ <http://www.sneps.net/RD/uploads/1-Islamismfertilitypaper.pdf>

Демократической Народной партии высокий 10% барьер, и в парламент прошли только две партии. Оппозиционной силой стала воссозданная Народно-Республиканская партия (НРП), предлагавшая опираться на заветы Ататюрка, а правящей — партия Справедливости и Развития (ПСР) (33%), идеология которой представляла собой уникальный сплав правого евразийства, умеренного исламского традиционализма и ориентации на США и ЕС. Впоследствии партия добивалась успеха на выборах Президента в 2003 г., парламентских выборах 2007 г. (44%) и надеется улучшить свои результаты на выборах в июне 2011 г.

В 2002 г. в Турции произошло настоящее преодоление Модерна, смена элит и создание новой идеологии, отвечающей всем требованиям современного миропорядка. ПСР отказалась от узкого исламизма, прямой антиамериканской, антиизраильской риторики своих предшественниц, провозгласила главной целью внешней политики вступление в ЕС, не занимается грубой ревизией истории республиканского периода. Схожие процессы проходят на Дальнем Востоке, где под красным флагом и с портретами Мао проводится интеграция Китая в мировую экономическую систему отнюдь не на вторых ролях. К власти пришли совершенно новые люди, как правило, тесно связанные с суфийскими братствами, а также созданными на их базе социальными и экономическими структурами. Это импонирует традиционно настроенному большинству, дает надежду на рост социальной динамики.

Наибольшим достижением Турции последних 10 лет без сомнения можно назвать экономические показатели. В стране почти полностью отсутствуют запасы нефти и газа, цена на бензин самая высокая в Европе, однако динамика экономического роста просто поражает воображение. В 2010 г. ВВП достиг 1 трлн \$, увеличившись по сравнению с 2001 г. в 5 раз. Экспорт возрос более чем в 3 раза и достиг 114 млрд. \$, причем, в первую очередь Турция экспортирует не сырье, а продукцию своих промышленных предприятий. Происходит развитие ранее отсталых районов, прежде всего, Юго-восточной и Восточной Анатолии, население становится все более платежеспособным.

Этих показателей Турция достигла в немалой степени благодаря

смене своей внешнеполитической позиции. Ранее идеология либерального национализма предполагала наличие враждебных режимов по границам Турции. Олицетворением положения страны стала популярная фраза «Турция с трех сторон окружена морями и с четырех врагами». Со всеми соседями у Турции были территориальные, политические и идеологические противоречия, в немалой степени обусловленные ее прозападной ориентацией. В XXI в. Анкара входит с новой внешнеполитической доктриной «ноль проблем с соседями», которая предполагает укрепление отношений с приграничными государствами вне зависимости от их политики. Например, если в 90-е гг. XX в. Турция являлась одним из спонсоров сепаратизма на Кавказе, постоянным критиком России, наш торговый баланс в 1999 г. не превышал 1 млрд \$, сейчас эти показатели увеличились в 30 раз, отменены визы, и Турция признана стратегическим партнером России.

Автором этой внешнеполитической линии является профессор университета Мармара Ахмет Давутоглу. Его авторству принадлежит выпущенная в 2011 г. Книга «Стратегическая глубина»¹, в которой излагается принципиально новая концепция внешнеполитической стратегии Турции, которая ставится в зависимость от ее срединного, ключевого геополитического положения в Евразии. В настоящее время Ахмет Давутоглу представляет Турцию на международной арене являясь министром иностранных дел. С точки зрения министра, Анкаре необходимо строить свою политику в зависимости от баланса сил в мире, не поддерживать ни одного гегемона, лавировать между интересами США, ЕС, России, государств Ближнего Востока, играть на выгодах своего геополитического положения для распространения влияния Турции в регионе и мире. Журналисты назвали эту концепцию «неоосманизмом», считая, что нынешнее правительство идет по пути восстановления Османской империи.

Несколько лет последовательной реализации принципов новой внешней политики дали свои результаты. Авторитет Турции в мире и на постосманском пространстве значительно вырос. Большая победа была одержана в арабском мире. Если в годы Первой мировой войны арабы приложили немало усилий для развала Османской империи и до последнего времени авторитет Турции был невысок, сейчас, благодаря политике Анкары, премьер-министр Турции стал «человеком

¹ Davutoglu A. Stratejik derinlik. İstanbul, 2001.

2010 года» в арабском мире. На Балканах, Кавказе и в Центральной Азии Турция проводит активную экономическую и политическую линию. Не смотря на лозунги о первостепенности решения задачи вступления в ЕС, решение этого вопроса отдалилось на неопределенную перспективу. Фактически, Турция становится настоящим политическим и экономическим лидером Ближнего Востока.

Как России следует реагировать на усиление позиций Турции в регионе? Насколько политика ПСР соответствует интересам нашей страны? Разумеется, все преобразования в Турции ведутся в первую очередь для реализации национальных интересов Анкары. Россия отнюдь не является единственным приоритетным партнером, напротив, Турция старается диверсифицировать газовые и нефтяные потоки, стремясь уйти от односторонней зависимости от России. Довольно вяло идет развитие военного сотрудничества между нашими странами. Торговый баланс пока в нашу пользу, однако Россия поставляет в Турцию в основном сырье, а взамен получает промышленную продукцию, технологии и сервис. Существуют серьезные противоречия между нашими странами на Кавказе, конкуренция за рынки стран Европы и Ближнего Востока. Однако, цели у нас схожие — сохранение независимости и суверенитета перед лицом глобализации, построение многополярного мира, в котором наши страны смогли бы занять достойное место влиятельных акторов международных отношений.

Следует внимательно изучать историю Турции, ход политического и экономического реформирования этой страны, строить параллели с нашим развитием. Представляет особый интерес вопрос о политических взаимоотношениях между светской националистической элитой XX в. и традиционалистами, которым удалось стать самым динамично развивающимся социальным элементом турецкого общества и прийти к власти мирным путем. В России сейчас наблюдаются схожие процессы, что и в Турции в XX в.: прозападная светская либеральная элита не пользуется большим авторитетом в обществе, однако, оппозиционные политические структуры размыты и не оформлены институционально. Возможно, положительный опыт соседей может пригодиться для формирования политической линии, основанной на особых ценностях русской цивилизации и специфике евразийского пространства.

В. А. ГУЛЕВИЧ

Аналитик портала «Геополитика.ру»

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ НАСЛЕДИЯ ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО (ДОКЛАД)

Исмаил Гаспринский (1851-1914) является наиболее масштабной среди крымских татар интеллектуальной фигурой, и во многом, символической. Его отец, офицер русской службы, который в 1854 г. был утверждён в дворянском достоинстве, определил сына в военное учебное заведение в Воронеже, а затем в Москве, однако сам И. Гаспринский решил посвятить себя научной деятельности. О нём говорят как о крымско-татарском просветителе и публицисте, но почему-то лишают его заслуженного звания крымско-татарского геополитика.

Главные геополитические тезисы И. Гаспринского, изложенные им в произведениях «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения» и «Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания», заключались в следующем:

- Россия — это христианско-исламская держава и именно как христианско-исламская она получит реше-

В. А. Гулевич

тельное право голоса при развязывании политических проблем в православной Европе и магометанской Азии;

- европоцентричная политика Санкт-Петербурга не позволяет России реализовывать весь свой потенциал;

- русский народ по складу своего характера, традициям и свойственному глубинному миролюбию к иноверцам гораздо ближе к Востоку, чем к Западу;

- турки-мусульмане имеют гораздо больше шансов сохранить свой национальный облик в составе России, чем под влиянием европейских государств;

- в интересах российских тюрок стремиться к «нравственному обрусению» («Объединяйтесь в языке, делах и мыслях»);

- союзнические отношения двух традиционных антагонистов, России и Турции, выгодны обеим странам (слушая советы из Европы и воюя с Турцией за доступ к Босфору и Дарданеллам, Россия «оказалась от них дальше, чем сто лет тому»).

И. Гаспринский полагал, что без обширных пространств мусульманской Средней Азии Россия будет представлять собой неполноценный геополитический организм. Поэтому вхождение в состав Российской империи среднеазиатских территорий должно было стать завершающим штрихом в укреплении политического симбиоза русских с тюрками: «...пока русские границы, как наследие татар, не дойдут до исторических, естественных пределов их поселений, они не могут быть прочны. Граница, черта, разделяющая Туркмению и Среднюю Азию на две части — русскую и нерусскую,—может быть, политически необходима в настоящее время, но она неестественна, пока не обхватит все татарские племена Азии».

Касаясь отдельно вопроса турецко-российских отношений, И. Гаспринский утверждал, что Запад всегда стремился к взаимному ослаблению Турции и России, а курс на сближение двух стран способен перепутать «карты, которыми привыкли играть в Европе». Откровенно протурецкие взгляды И. Гаспринского не мешали ему выступать за укрепление союзнических отношений России с Турцией, и его «протурецкость» не противоречила его «пророссийскости». Напротив, органичное наложение двух образов — христианско-мусульманской России и мусульманско-христианской Турции давали в итоге полнокровный геополитический макет славяно-тюркского господства.

Сегодня Крым, как важный стратегический плацдарм в Черноморском бассейне, находится на пересечении интересов международных «тяжеловесов» — США, ЕС и России. Европейцы и американцы делают ставку, прежде всего, на крымских татар, которые уже представлены в Организации непризнанных народов и наций со штаб-квартирой в Гааге, т.е. теоретически имеют право на собственную государственность. Крымско-татарская община испытывает внешнее воздействие со стороны Вашингтона, Брюсселя и ряда исламских государств, в т.ч. радикальной Саудовской Аравии. В Крыму уже засветились такие экстремистские структуры как Джамаат Таблиг, Ат-Такфир-валь-Хиджра. Хизб-ут-Тахрир вообще действует легально, и именно в Крыму находится её региональная штаб-квартира по работе со странами СНГ. Идёт процесс исламизации славянского населения полуострова.

По сути, крымчаки находятся в автономном информационном «плавании», курс которого определяется внешними силами. К примеру, имели место встречи представителей меджлиса крымско-татарского народа с членом правления Центра стратегических и международных исследований при университете Джона Хопкинса Збигневом Бжезинским, старшим научным сотрудником Международного центра поддержки учёных им. Вудро Вильсона Уильямом Грин Миллером, иными высокопоставленными западными функционерами. С августа 2010 в Симферополе действует региональное бюро МРИ — Международного республиканского института (International Republican Institute). Тогда же Крым посетил директор Департамента стран Евразии МРИ Стив Никс, который сообщил, что посольство США на Украине уже ознакомлено «с приоритетными направлениями деятельности нашего института на Украине, в числе которых активное сотрудничество с крымско-татарским народом». Среди других организаций — Международная кризисная группа, Фонд им. Петра Григоренко, Фонд Украина США, Международный комитет по Крыму, Национальный демократический институт. Последний реализует совместные проекты с аналитическими центрами Министерства обороны Румынии «Кароль-1» и «Кароль-2» — средоточием румынской геополитической мысли, в поле зрения которых держится черноморский регион, дельта Дуная, проблемы безопасности Румынии в целом и вопросы повышения эффективности применения румынских вооружённых сил на случай военных конфликтов.

Крымская проблематика, ввиду географической близости полуострова к Кавказскому региону, способна оказать непосредственное воздействие на т.н. «черкесский вопрос» в России и реализацию идеи Великой Черкессии. Во-первых, Крым от гипотетической Великой Черкессии отделяет всего лишь узкий Керченский пролив. Во-вторых, западные лоббисты великочеркесской концепции настаивают на вхождении в состав этого образования территорий причерноморских шапсугов — узкой прибрежной полосы от Новороссийска до Абхазии и Грузии, что приведёт к блокированию всего черноморского побережья Кавказа прозападными псевдогосударственными образованиями. Грузия, имеющая выход к морю, — американский клиент, устремлённый в НАТО. Болгария, Румыния и Турция — уже члены НАТО.

Организация непризнанных народов уже присматривается к абхазам. Поскольку морские границы Грузии для российского флота закрыты, а Великая Черкессия, призванная «частоколом» отгородить от России черноморское побережье, пока ещё виртуальная конструкция, остаётся Абхазия — чуть ли не единственный клочок прибрежной полосы, откуда русские могли бы выходить в море. Если всё удастся, России придётся плескаться в «солёной луже» Азовского моря, выход из которого очень легко перекрыть с территории Крыма.

Крым и проект Великой Черкессии — это ступеньки на пути к овладению всем Кавказским регионом, который перешейком отделяет Черноморский бассейн от Каспия — очередной цели атлантистской стратегии. В случае успеха пострадает не только Россия, но и Турция окажется в положении «без войны проигравшего». Поэтому геополитический рецепт И. Гаспринского по единению славян и тюрок, России и Турции становится особенно актуальным, особенно в свете последних размолвок между Анкарой и Вашингтоном, результатом которых стало исключение Анкарой России из списка стран, представляющих угрозу национальной безопасности Турецкой Республики.

Сегодня именем И. Гаспринского в Крыму жонглируют в своих интересах крымско-татарские и украинские русофобы. Недалеко от могилы И. Гаспринского в «Зынджырлы-медресе» захоронен фашистский пособник Мустафа Кырымал, как равнозначная историческая личность, бранные останки которого импортировали из

Германии. Дошло до того, что некоторые украинствующие субъекты предлагают видеть в И. Гаспринском интеллектуального предтечу идей единения крымских татар и независимой Украины в их борьбе против России, ставя его в один ряд с Номаном Челебиджиханом и Джафером Сейдаметом, политическими партнёрами националистической Украинской Народной Республики! Фигура И. Гаспринского не совсем удобна для антирусского крыла крымско-татарского движения. В то же время оно не может отказаться от столь масштабного деятеля крымско-татарского возрождения и пытается обыграть его образ в выгодном для себя русле. Крымско-татарская молодёжь И. Гаспринского и М. Кырымала считает равнозначными историческими персонажами и по их политическим взглядам, и по их вкладу в дело возрождения крымско-татарского народа, хотя речь идёт о примитивном историческом подлоге.

Карта «Великой Черкессии» Центра изучения фактов геноцида и разрешения конфликтных ситуаций Государственного университета Нью-Джерси-Ратджерс (США).

Семинар № 4

Баланс американской гегемонии: reality check

ПОНЯТЬ АМЕРИКАНСКУЮ ИМПЕРИЮ

КОНЦЕПЦИЯ ПОСТОЯННОГО КОНФЛИКТА Р. ПЕТЕРСА

ВОЙНА И SMART POWER В ГЕОПОЛИТИКЕ США

АНГЛОСФЕРА И РУССКИЙ МИР: ФИЛОЛОГИЯ И ВОЙНА

ОБЗОР

11 мая 2011 г. Центр Консервативных Исследований и Кафедра социологии международных отношений в рамках серии еженедельных интеллектуальных семинаров провели очередное заседание на тему «Баланс американской гегемонии: reality check по ту сторону глобалистских, либеральных и антиамериканских мифов».

С основным докладом «Понять американскую Империю» выступил профессор А.Г. Дугин, заявивший в начале своего выступления, что система международных отношений стала глобальной в новом смысле, поэтому требуется осуществить апгрейд того, что принято понимать под американской гегемонией и американской глобальной Империей.

В первой части своего доклада Александр Гельевич предложил обратить внимание на основные концепции американского империализма, которые можно проследить от доктрины Монро до 14 пунктов Вудро Вильсона. При этом можно отметить, что геополитика американской истории идет рука об руку с идеологической эволюцией основных базовых принципов либерализма. Не смотря на то, что США сегодня испытывают трудности, однако, отмена общей установки на логику мессианского либерализма является нереалистичной.

Американская идея осмысливается как Империя. Это работы таких авторов как: Майкл Хардт, Антонио Негри «Империя», Клаудио Мутти «Империиум», Ален Сораль «Понять Империю» и т. д. Задавшись вопросом: имеем ли мы дело с Империей, профессор Дугин предложил, прежде чем подойти к тематике американской империи и ее пониманию, сначала понять Империю как таковую. Для изучения различных интерпретаций имперского принципа Александр Гельевич взял в качестве реперных точек перечисленные выше работы.

Заявив, что Империя это константа и обобщающий порядок, профессор Дугин, вслед за Негри и Хардтом, утверждает, что американская Империя — это империя особого типа, которая изначально строилась на очень специфическом сетевом принципе, в отличие от жестко-центростремительных империй — Римской, Византийской, Русской... Американская Империя — это децентрализованная, талассократическая империя по преимуществу, отсюда ее свойства. Александр Гельевич напомнил присутствующим, что есть империи сухопутные, а есть морские, сухопутные характеризуются жесткой централизацией и гиперпорядком, морские же предполагают сетевое, клубное распространение. Если включить геополитический дуализм, то мы имеем дело с глобальным Карфагеном, в терминологии Мути и де Бенуа.

Профессор Дугин предложил изучить это явление как глобальный порядок, который в то же время в значительной степени отвергает или опрокидывает сухопутное, теллуократическое представление о сущности и структуре порядка. При этом докладчик обратил внимание на чрезвычайно конструктивное и творческое направление мысли Негри и Хардта, что либеральная Империя сама несет в себе принцип самоликвидации, так как принцип

Заседание ЦКИ в рамках серии еженедельных интеллектуальных семинаров

свободы и индивидуализации подтачивает основы порядка как такового. Эта самоликвидация проявляет себя в двух формах — во-первых, в проекции либеральных принципов на не-западный мир, где индивидуум призрачен, а реальное разрушение социальных связей ведет не к индивидууму, и уж точно не к упорядоченному индивидууму англосаксонского (западно-европейского образца); а во-вторых, свобода индивидуума в самом западном мире и даже англосаксонском легко может перейти к ли-ли (*liberalisme libertaire*), то есть к дивидуализации индивидуума и постмодернистскому горизонту ризомы и шизомасс.

Александр Гельевич отметил, что критика американской Империи делится на две категории: левацкую — говорящую о том, что пусть эта Империя будет, она создаст предпосылки для глобальной пролетарской революции (есть подозрения, что неоконсы являются сторонниками такого гиперлевацкого троцкистского заговора внутри американского истеблишмента), другая категория критики раздается из стана коммунистов, скажем так, сталинского типа, а также со стороны национально-патриотических движений, высказывающих свои сомнения в необходимости наличия такой Империи.

Профессор Дугин предложил обратить внимание на этносоциологический генезис США. Американская Империя строилась на особом типе, этнической доминантой которого были англо-саксы (саксы — одно из германских племен). Германские корни наложили свой отпечаток на язык, на психологию, на антропологию. Но кто такие германцы с этносоциологической точки зрения? Это специфический тип народов, этносов, культуры, которые обладают колоссальной степенью индивидуальной самоорганизации. Поэтому когда у англо-саксов появилась возможность создать свое государство на независимой и пустой территории (за исключением населявших Северную Америку индейцев), и они построили уникальную модель, демократию, основанную на принципе того, что из индивидуального порядка создан общий порядок, который образуется сам по себе, а не навязывается сверху.

Американский порядок основан на абсолютизации методологического индивидуализма. И в англосаксонских странах, да и в Европе в целом это работает, так как структура англосаксонского (то есть германского в своем типе) индивидуума

достаточно упорядочена для того, чтобы быть опорой порядка. Разрушая социальность как холизм, англосаксонский либерализм не разрушает общество, воссоздаваемое атомизированными индивидуумами как их проекцией. Это и есть парадигма нынешней Империи, основанная на индивидууме, на индивидуальной свободе, порядок которой есть индивидуализированная воля к власти.

Структура американской империи такова, что она не противостоит хаосу, а продуцирует его. Это вытекает из природы того порядка, который несет в себе Империя.

Очень важный элемент, серьезную подсказку привносит в анализ современной американской Империи такой автор как Стивен Манн, один из теоретиков использования хаоса, который, наряду с Ральфом Петерсом и другими фигурами, определяет жесткое силовое военно-стратегическое мышление американской военной элиты. Итак, Стивен Манн, задавшись вопросом, что же такое демократия и почему мы должны распространить ее в мире, отвечает на него так: демократия — это саморазвивающийся вирус, т.е. демократия — это и цель, и средство, и оружие. В глобальном мире распространение демократии весьма эффективно. Стивен Манн описывает эти процессы следующим образом: когда демократия проецируется на общества с довольно сильным индивидуальным началом, она порождает систему, где торговые ценности и принцип индивидуального предпринимательства становятся мотором позитивного развития общества, напоминающий американский западный тип. В таких случаях, подключая эти общества к глобальным процессам, мы их полностью интегрируем, говорит Стивен Манн, — если демократия проецируется на общества со слабым индивидуальным началом, нерасчленимое на индивидуумов, тогда такие общества рушатся, т.е. демократия рушит социальную когезию, связи, которые обеспечивают холизм подобного рода социальных структур. Другими словами, та же самая демократия начинает выступать как совсем иная стихия, исходя из чего Стивен Манн утверждает, что не нужно менять стратегию или тактику, нужно просто продвигать демократию и в разных обществах это будет давать всегда положительный результат. Демократия является такой формой порядка, который с одной стороны противостоит хаосу, но с другой — сам эмулирует хаос, т.е. демократия — это одновременно форма и созидания и геноцида.

В таком понимании специфики Империи мы сталкиваемся с возможностью не противопоставлять хаос и порядок. В классическом понимании Империя — это принцип логического, диурнического, интеллектуального упорядочивающего начала — с одной стороны, и хаоса, распада, частного — с другой стороны, т.е. порядок против хаоса. В то же время принцип сетевой Империи является совершенно иным: здесь проецируется такой порядок, который не противостоит хаосу. При этом Империя, генерируя хаос, тщательно заботится о том, чтобы кроме самой Империи никакого порядка не было. Она идет против локального порядка как такового, ей не достаточно иметь лояльную колониальную администрацию. И это принципиально, подчеркнул профессор Дугин, что революции в арабском мире — это поворотный пункт в становлении Империи. Империя начинает ликвидировать свои колониальные конструкторы и приступает к демонтажу локальных сателлитных порядков.

Также Александр Гельевич напомнил о создателе платежной системы VISA Ди Хоке, предложившем прообраз глобального общества, в котором хаос и порядок не противопоставляются друг другу, а сосуществуют в новой системе, которую он назвал н«хаорд» (от chaos-хаос и ordo-порядок).

Система «хаорда» оказала серьезное влияние на концепцию власти и управления. Американская демократия требует эффективности «здесь и сейчас», это концепция очень короткой дистанции, все должно происходить быстро, времени в такой системе все меньше и меньше (при этом возникают описанные Полем Вирильо дромократические синдромы — убыстрение процессов). Если конкретное решение эффективно сейчас (it works), если это работает, то это уже само по себе является позитивным моментом. Ни каких долгих целей, потому что в основе лежит индивидум и его малая мера, т.е. получение эффективности при своей жизни. Мы видим дромократические процессы, сведение всего дискурса, всего нарратива до уровня индивидуального. При этом власть становится делокализованной, элиты меняют ориентацию с вертикальной на горизонтальную. Отныне власть находится не в центре, а вне центра, она отныне эксцентрична и реализуется через контроль за начальными условиями, а это и есть определение хаоса — чувствительность системы к начальным условиям. Финальная фаза

динамической системы конституируется заведомо и управляется аттрактором. Аттрактор является странным при этом новая мировая система, по своей сути система хаотическая, сосредоточенная на конфигурации странного аттрактора.

Любые попытки реструктурировать глобальную модель международных отношений на старой (традиционной или модернистской) модели будут провалены, так как можно бороться с хаосом (во имя порядка), с порядком во имя другого порядка или с порядком во имя хаоса. Но как бороться с хаордом? Как задеть эксцентричную по определению власть, лежащую всегда по касательной? По сути «хаорд» не подлежит критике или альтернативизации, поскольку он несет собственное отрицание в самом себе. Утверждаем ли мы хаорд или отрицаем его, обе операции усиливают его власть.

Эта модель управления, представляющая собой нелинейную политическую систему (хаос, с точки зрения физики, это не отсутствие порядка, а более сложный порядок), где центр принятия решений переносится с холистского уровня на уровень индивидуальный. Изменилась геометрия власти, которая стала динамичной, краткосрочной, эксцентричной и самозамкнутой, подобно ленте Мёбиуса.

Переосмысляя американскую Империю, мы обнаруживаем, что она иначе структурирована. В связи с этим профессор Дугин обозначил два вызова, с которыми она может столкнуться:

Внешний вызов — это перерастяжка американского влияния в глобальном мире, когда вместо управляемого США хаоса, хаос с периферии станет хаосом в чистом виде, т.е. хаотическая Империя может спродуцировать неуправляемый хаос. Все дело в том, что никакой порядок перед «хаордом» не устоит, а вот хаос, причем неспровоцированный, может устоять.

Внутренний вызов заключается в том, что тенденция расчленения социальных систем до уровня индивидуума, которая великолепно работает на германском этносоциологическом субстрате, может перейти определенную грань и расчленение социальных систем пойдет дальше индивидуума, на субиндивидуальный и трансиндивидуальный уровень, что может подорвать основы этой действующей системы.

Более детальное изучение сущности новой нелинейной американской стратегии требует от нас фундаментального переосмысления антиамериканизма и его геометрии, так как невозможно противостоять системам хаоса логикой и формулами, принадлежащими миру порядка. Отослав к *potestas directa* и *potestas indirecta* Карла Шмитта, которые в пропорциях одновременно существуют в любом типе общества, профессор Дугин обратил внимание на то, что при переходе к системе имперского хаоса или к нелинейной Империи происходит серьезное смещение баланса в сторону *potestas indirecta*, т.е. власть практически становится косвенной. Поэтому американская Империя является эксцентричной Империей, в поисках центра власти и локализации ее диспозитива мы движемся внутри и вовне ленты Мёбиуса, не находя ничего, так как решения принимает общая парадигма. Поэтому мы не можем противопоставить ей классические модели, потому что можно сорвать проект, но можно ли сорвать отсутствие проекта? Прямую доминацию, прямую власть можно свергнуть или против нее можно восстать, но можно ли восстать против отсутствия власти? Мы целимся в точку, но этой точки нет, на ее месте пустота, это геометрия постмодернистских построек с отсутствующим центром.

Для того, чтобы наш антиамериканизм, противостояние глобальной американской Империи был действенен мы должны осознать, изучить ее новейшую структуру, природа которой лежит в глубине самого американского общества. Нужно понимать, что глобальному Карфагену мы не можем противопоставить инструментарий теллурократической Империи; биться с морскими силами мы должны в Море, тем более что Сушу мы уже потеряли. В качестве проекта профессор Дугин предложил рассмотреть Ковчег, который являет собой часть суши, избежавшей Потопа, и который сражается с всемирным Потопом, когда Суши больше нет. Ведь то, что происходит сейчас это переход от противостояния Суши и Моря к моменту, когда Суши больше нет, и осталось только одно — сразиться с Морем в его собственной стихии. Кстати говоря, Ковчег, в отличие от Дома, должен освоить правила морской навигации. Не случайно ковчег изображен на первой странице программы евразийского движения.

Мы должны строить альтернативу не стране, не идеологии, не ценностной системе, не классу, но: тренду, бифуркационным скачкам, хаотическим процессам. Мы имеем дело с фрактальной системой международных отношений, и если она нас не устраивает, нам надо мыслить альтернативу с опорой на фракталы, суперструны или теорию катастроф. Глобальная Империя комплексна и процессы в ней нелинейны. Новый антиамериканизм должен быть постмодернистским, нелинейным и комплексным. Он должен быть эффективным. Возможно, он должен быть локальным: не строить нормативных проектов, не защищать старый порядок, использовать окна возможностей, какие только представляются. Еще, возможно, он должен быть целиком деструктивным и, уж как минимум, целиком деконструктивным.

После доклада состоялось обсуждение:

Отвечая на первый вопрос, профессор Дугин заметил, что в американской социальной системе существуют и теллурократические и талассократические элементы. Макиндер в своей работе «Географическая ось истории» относил Америку к чистой теллуократии. В то время как адмирал Мэхэн, наоборот, к талассократии. Баланс и того и другого был, но сейчас, апостериори, после того как мы видим всю историю XX века мы, безусловно, говорим, что баланс между теллуократическим и талассократическим, существовавший некогда в одной пропорции, стал абсолютно талассократическим. На сегодняшний день в Америке сторонники теллуократии, такие как Бьюкенен, Рон Пол и другие консерваторы являются чистыми маргиналами, периферийщиками. Сейчас в республиканской партии заправляют более веселые неоконсы.

Что касается второй части вопроса: нет ли у этой Империи скрытого центра, в своем докладе профессор А. Дугин как раз призывал отказаться от гипотезы, что за стремлением создать демократический мир стоит тайная иерархическая структура. Его доклад можно сформулировать двумя тезисами: первый — конспирология должна быть вынесена за скобки, второй — я верю

в демократию, демократия — это серьезно. Демократия есть, и американцы являются демократами на самом деле. Мы согласимся с этим, но оставим за собой возможность интерпретаций.

Вопрос: Как объяснить тот момент, что англо-саксы построили Британскую Империю, как центростремительную, а Американскую Империю как сетевую?

Профессор Дугин: Германские этносы создавали разные системы, лучше всего им удавалось построить центростремительные империи на территории, где проживали другие народы. Например, исконное население британских островов это кельты и пикты, но империя возникла только после того, как их завоевали германцы (саксы). Или, к примеру, викинги, варяги, создали Киевскую Русь, населённую славянами. А также Франция, заселенная франками, или Пруссия, заселенная балтами. А в Америке Империя устанавливалась практически ни над кем, индейцев они не интегрировали в это общество, которое изначально строилось на чистом конструктивизме индивидуального германского толка. В Англии и других исторических системах, где германцы сталкивались с большим количеством негерманского типа, возникали институты, иерархии, которым нужно подчиняться. Германское начало полностью реализовано в Америке, это полностью подтверждается этносоциологически, но вступает в имиджевое противоречие с работами Голливуда, который транслирует иные образы.

Вопрос: Вы упомянули о тех консерваторах, сторонниках старого типа Империи. Была ли какая-то точка невозврата, переход к новому сетевому типу Империи?

Ответ: Если мы посмотрим на американскую историю 200-летней давности: от доктрины Монро до Обамы, мы видим только одно: от баланса теллуократии и талассократии к чистой талассократии, и переходный момент, пожалуй, доктрина Вудро Вильсона. Начиная с XIX века, делая многократно этот выбор, Америка всегда выбирала талассократию.

Вопрос: Вместо Медведева и Путина правите Вы. Скажите, какие шаги по смене курса во внешней политике, в том числе и на постсоветском пространстве, Вы бы предприняли?

Ответ: У нас в Евразийском движении есть идеалистический,

чисто абстрактный, набросок правильной, на наш взгляд, политики. Во-первых, интеграция постсоветского пространства по экономической модели Назарбаева, создание единого наднационального государства, что предлагал Лукашенко, воссоздание на этой новой постмодернистской почве СССР. Во-вторых, создание классической геополитической дуги Париж-Берлин-Москва-Токио, т.е. интеграция континентального Хартленда совместно с континентальной Европой. Поддержка антиамериканских режимов по всему миру. Сближение с Латинской Америкой, с исламским миром со всеми без исключения. Индия и Китай — наши союзники, т.е. вложиться в то, чтобы сорвать хаорд. Причем вложиться фанатически, а не от ресурсов. Нужно антиамериканизм обозначить как серьезную религиозную задачу и все что направлено против этого, должно быть задействовано, даже если для этого нет ресурсов или если придется рисковать. Сначала нужно обозначить что мы должны сделать, а потом думать где для этого взять ресурсы. Это идея диурнической воли: нам нужно уничтожить Америку. Я бы стал проводить такую политику. Но все то, о чем говорилось в докладе, я бы учел. Мы должны это проводить эффективно, биться не с фантомами, а с реалиями, и в первую очередь реформировал бы спецслужбы. Им дал бы задание изучать американскую систему, а от всего остального общества американскую систему закрыл бы. Особые отделы спецэлитных подразделений занимались бы бизнесом, изучали новые технологии, но оставались бы при этом своими.

Вопрос: Скажите пожалуйста, хаорд это постмодернистская трансформация порядка или же какая-то иная форма порядка?

Ответ: Это трансформация порядка в очень особую гибридную форму. Это специфический гибрид, если использовать социологию Бруно Латура, между порядком и беспорядком. Между порядком и хаосом могут быть разные формы синтеза. Классическая Империя — это тоже форма синтеза, где сверху порядок, а снизу хаос, но хаос родимый, естественный, этноцентрический. Собственно говоря, речь идет о пропорциях. Американская Империя — это специфический хаорд.

Следующим выступил аспирант кафедры социологии

международных отношений Александр Бовдунов с докладом «Концепция постоянного конфликта Ральфа Петерса».

Начав свое выступление с краткой биографии подполковника армии Соединенных Штатов в отставке Ральфа Петерса, из которой можно подчеркнуть, что, состоя в штате канцелярии Замначальника Штаба разведки, он являлся ответственным за разработку способов ведения будущих войн и занимался исключительно проблемами тактики. Во время Холодной войны Петерс как офицер военной разведки США работал 10 лет в Германии, после специализировался по Советскому Союзу. Кроме того, военный эксперт, магистр по международным отношениям, возглавляя отдел Евразии посетил с деловыми поездками более 50 стран. Александр Бовдунов отметил, что последние события в арабском мире напрямую связаны с концепциями Петерса и идут ровно в русле его представлений о политике США в этом регионе и мире в целом.

Перейдя к рассмотрению самой концепции «Постоянный конфликт», докладчик напомнил, что впервые свой геополитический анализ Ральф Петерс опубликовал в военном журнале «Параметры», где он характеризует ситуацию после завершения Холодной Войны как нарастающую нестабильность. То есть глобализация создает новую всемирную аристократию, миллиарды тех, кому нет места в этой системе, не могут найти себя иначе как в рамках новой тенденции — трайбализации, являющейся антитезой глобализации.

Результатом глобализационных процессов станет поляризация мира, закрепление его разделения на выигравшее меньшинство и проигравшее большинство. Петерс поясняет, что будущие войны и конфликты будут определяться неспособностью национальных правительств стать эффективными системами распределения и контроля за ресурсами. В итоге классовые войны будут сочетаться с межкультурными конфликтами. В условиях все возрастающего потока информации, ее общедоступности и скорости коммуникационных процессов некоторые общества, такие как Россия, Сербия, страны Черной Африки и Ближнего Востока, не демонстрирующие достаточной гибкости в ее усвоении и способности разделять различные качества информации неминуемо проигрывают. Петерс так же отмечает, что место в глобальной иерархии сегодня определяется тем, как культура работает с

информацией, а еще точнее как она адаптируется к состоянию Постмодерна и информационного общества, где главная задача — управление информацией. «Общества, которые боятся и потому не могут управлять свободным потоком информации, не будут конкурентоспособны. Они могут владеть технологией для просмотра видео, а мы будем писать сценарии, продюсировать их и собирать авторские гонорары. Наша креативность разрушительна».

Современные глобализационные процессы, вопреки либеральным мифам, способствуют доминации одних культур и хаотизации и деградации культур других. Петерс откровенен и называет демократию «ловко-либеральной формой империализма», отмечая при этом, что «те люди, в любой стране и регионе, которые не могут понять новый мир, или извлечь прибыль из его неопределённости, примириться с его динамикой, будут становиться яростными». В этих словах мы видим подтверждение тех предположений, что высказал профессор Дугин в своем докладе. Стоит отметить, что Александр Бовдунов не раз обращал внимание слушателей на откровенность Ральфа Петерса, который предпочитает называть вещи своими именами, а не доносить свои мысли в завуалированной форме.

В одном из таких откровенных высказываний эксперт в области национальной и глобальной безопасности, разведки, военных стратегий и тактики, не стесняясь утверждает, что одним из определяющих противоречий будущего станет конфликт между хозяевами информации и её жертвами, где главным оружием США выступит американская масс-культура, бренды, за которым в случае необходимости последует и военное вмешательство. Фильмы, наиболее презируемые интеллектуальной элитой, — показывающие крайнюю жестокость и самый откровенный секс, есть наше самое популярное культурное оружие, покупаемое или тиражируемое пиратским способом повсюду. Мы используем технологии, чтобы расширить наше богатство, власть и возможности. Удел остальных — поп-культура. Если религия это опиум для народа, то видео — его крак-кокаин, — заявляет Ральф Петерс.

Также заслуживающим внимания, по мнению Александра Бовдунова, являются высказывания Ральфа Петерса относительно того, какие войны будут в будущем: «Новые войны, которые будут вести США — войны на истощение, на износ, «wars of attrition» —

непрерывная война на полное уничтожение противника. Для того чтобы выиграть всеобщую постмодернистскую войну, необходимо отказаться от максимы «если вы ломаете что-то, то это принадлежит вам», вы несете за это ответственность — отказ от ответственности за то, что происходит на территориях, где ведется война». Эти слова Ральфа Петерса невольно вызывают в памяти концепцию управляемого хаоса Стивена Манна. Кстати, и Ральф Петерс говорит об американской миссии по всеобщей демократизации, заявляя при этом, что США должны нести демократию, подключая всех к глобальной информационной демократической сети не особо задумываясь о последствиях этого для других стран.

Из всех мировых лидеров главным врагом США Ральф Петерс, специализировавшийся долгое время на России, считает Владимира Путина, говоря при этом, что он считает его наиболее эффективным национальным лидером, принадлежащим к традициям агрессивного русского национализма. Путин восстанавливает имперскую мощь России, а потому должен быть ликвидирован.

Заканчивая свой доклад Александр Бовдунов подытожил: теоретические положения Петерса по поводу конфликтного состояния будущего мира, о демократизации, о необходимости устранения имперски ориентированных лидеров, о перекройке границ, о нарушении национального суверенитета звучат довольно зловеще. В этих условиях нам, русским надо бы отнестись внимательнее к Ральфу Петерсу, учитывая, что для него в собственных художественных романах России как государства после 2020 года не существует.

По завершении выступления докладчик ответил на вопросы:

Вопрос: Александр, скажите, а сам Ральф Петерс публикуется как публицист?

Ответ: Публикуется. Также он часто выступает и ведет программу на FoxNews, это республиканский канал. Петерс своей агрессией в чем-то схож с неоконсами, но сам себя позиционирует как независимый консерватор.

Вопрос: Затрагивает ли Ральф Петерс в своих работах тему частных военных корпораций?

Ответ: Петерс очень плодотворный автор, в своих работах он особо, отдельно их не выделяет, каких-то сюжетов этому не посвящает. В последних работах он уже отошел от чисто военного анализа и дает глобальный стратегический анализ планетарного масштаба.

Следующий доклад «Война и smart power в геополитике США» представил главный редактор портала «Геополитика.ру» и журнала «Геополитика» Леонид Савин.

Продолжая тематику конфликтов, докладчик отметил, что природу и свойства конфликтов в США изучают достаточно давно и глубоко — от философских умозрительных конструкций до математического моделирования. После чего были рассмотрены, с разбором терминологий, основные концепции и доктрины ведения войны, начиная с 1945 года, разработанные американскими стратегами, учеными, социологами и военными. В докладе содержался достаточно внушительный список подобного рода концепций, и мы настоятельно рекомендуем ознакомиться с ним в полной версии доклада Леонида Савина.

Также докладчик представил подготовленную геополитиком Колином Грейем характеристику тринадцати методов ведения войны по-американски:

- *Аполитичный*
- *Не имеющий стратегии*
- *Неисторичный*
- *Оптимистический, направленный на разрешение проблемы*
- *Бросающий вызов в культурном отношении*
- *Технологически зависимый*
- *Сосредоточенный на огневой силе*
- *Крупномасштабный*
- *Агрессивный, наступательный*
- *Регулярный в своих основах*
- *Нетерпеливый*
- *Превосходный по логистике*
- *Высокочувствительный к случайностям*

После чего Леонид Савин перешел к рассмотрению серии стратегий национальной безопасности и обороны, отметив, что

сочетание активной обороны и глубокой атаки, которое было принято на вооружение вначале 80-х гг., через некоторое время сформировало стратегию, принятую Пентагоном во второй половине 90-х гг., и получила название «превентивной обороны». Авторы определяют ее как «оборонная стратегия США в XXI в., ориентированная на опасности, которые при недостаточном внимании к ним могут перерасти в реальные угрозы выживания США. Эти опасности пока не являются угрозами, которые нужно сдерживать, или с ними необходимо бороться, пока они (опасности) могут быть предотвращены». Так же докладчик упомянул о наделавшей в свое время много шума военной доктрине, которую разработал Пол Вулфовиц. В ней говорится о том, что основная цель — предотвратить атаку на США, откуда бы она ни исходила. Второй по значимости целью является усиление и развитие системы оборонительных союзов и соглашений по обороне, которые объединят демократические нации по всему миру для борьбы против агрессии, усилят кооперацию и обеспечат безопасность с наименьшими рисками для всех союзников. Ключевой чертой нашей новой оборонной стратегии является стремление к коллективной борьбе с угрозами. Третья цель — предотвращение появления враждебной нашим интересам региональной державы и разработка инструментов для борьбы с возможным возрождением глобальной угрозы для США и наших союзников». Сам текст говорит нам о гегемонистском настрое руководства США.

Утверждая, что появление новых стратегий не отменяет предыдущие, а дополняет их, Леонид Савин рассказал о Дональде Рамсфельде, предложившем две глобальные стратегии, в которых делался упор на мобильность, а также о его предложениях по реструктуризации военной машины США.

После того как докладчик рассказал аудитории о тех переменах, которые уже коснулись вооруженных сил США, а также о процессах, что находятся в стадии реализации, он перешел к описанию новых концепций. В частности речь пошла о стратегии 3D.

3D — это заглавные буквы слов *defense*, *diplomacy*, *development* — оборона, дипломатия, развитие. Впервые во всеуслышание о ней заявил Барак Обама 26 января 2009 г. в интервью *Al-Arabia*. Как отмечают эксперты, 3D стратегия была ранее протестирована в

районе африканского рога, где были развернуты войска AFRICOM. Американские военные при этом являются частью гуманитарной программы, помогая создавать институты управления.

В мае 2010 г. вышла новая версия стратегии национальной безопасности США. Ее основные положения сводятся к тому, что внешняя политика Соединенных Штатов должна быть перестроена с учетом присутствия в мире множества эволюционирующих угроз, включая войну в киберпространстве, эпидемические заболевания, этнические конфликты и неравенство.

После серьезного анализа военных концепций и стратегий национальной обороны Леонид Савин предложил к рассмотрению таких понятий как власть и сила (power), которые активно применяются в военной стратегии. Бывший Госсекретарь США Ричард Эрмитаж сформулировал основные принципы современных разновидностей power. «Power — это возможность влиять на поведение других для получения желаемого результата».

Hard power дает возможность странам использовать метод кнута и пряника для того, чтобы получить желаемый результат.

Soft power дает возможность привлекать людей на свою сторону без применения насилия. Для soft power фундаментальной основой является легитимность.

Smart power не является ни hard ни soft, а представляет собой комбинацию обеих.

А также предложенная Ричардом Эрмитажем совместно с профессором Гарвардского университета Джозефом Наем, формула будущей стратегии Америки: «smart power означает развитие интегрированной стратегии, ресурсной базы и инструментария для достижения целей США, которые предусмотрены и hard и soft power». Во внешней политике США рекомендуется больше использовать hard power, так что бы ее действия были прямолинейны, а основы ее могущества — видимы для внешних акторов. В 2007 г. под руководством Ная и Эрмитажа комиссия экспертов подготовила доклад по smart power, предназначенный для нового президента США, независимо от того, кто победит на выборах, — кандидат от республиканцев или демократов. В докладе было указано, что для достижения могущества в области smart power, США должны

сконцентрироваться на пяти ключевых пунктах:

1. Альянсы, партнерство и институции: необходима перестройка основ, которая будет учитывать глобальные изменения;
2. Глобальное развитие: выработка унифицированного подхода, начиная с общественного здравоохранения;
3. Общественная дипломатия: повышение качества доступа к международному знанию и процессу обучения;
4. Экономическая интеграция: увеличение выгоды от торговли для всех людей;
5. Технологии и инновации: они должны быть направлены на вопросы изменения климата и энергетической безопасности.

Завершая свой доклад, Леонид Савин добавил, что НАТО традиционно использует сочетание *soft* и *hard power*. *Hard* — при развертывании необходимых сил по выполнению коллективных обязательств по обороне, а *soft* — чтобы установить соответствующий уровень сотрудничества с соседними государствами для избежания конфликта.

Подводя итог семинару, профессор Дугин сказал, что концепции новых войн лежат в сфере междисциплинарных исследований. В концепции постмодернистских войн, миметического оружия, сетевых войн, постгуманистических войн решающими факторами становятся вещи, которые находятся на периферии, происходит смещение приоритетов, а это свойство хаотических процессов. Хаотическая система в физике — это система чувствительная к начальным условиям, т.е. условия, в которых возникает конфликт, определяют его исход.

Те контрстратегии, что мы разрабатываем должны быть основаны на междисциплинарном подходе. Нам нужно включить в себя искусство тангенциальных воздействий, здесь актуализируется тематика культуры, информации, философских концептов. Если мы расширяем сферу понятия «оружие»: миметическое оружие, постмодернистское оружие, — то концепт тоже может быть оружием (преконцептуальное оружие или тангенциальное воздействие).

Нам нужно обратить внимание на разработку междисциплинарного оружия, на этом поприще мы могли бы быть конкурентоспособными, так как русские, шире славянские народы, на выдумки хитры.

А. Г. Дугин

Д. п. н., Директор Центра Консервативных Исследований
при социологическом факультете, зав. кафедрой Социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

ПОНЯТЬ АМЕРИКАНСКУЮ ИМПЕРИЮ ПО ТУ СТОРОНУ ГЛОБАЛИСТСКИХ, ЛИБЕРАЛЬНЫХ, АНТИАМЕРИКАНСКИХ МИФОВ (ТЕЗИСЫ)

Часть 1

Классический вектор американского империализма

Manifest Destiny является классической моделью американского империализма, который может быть прослежен от доктрины Монро до 14 пунктов Вудро Вильсона. Путь от «Мэй флауер» до PNAC — это прямая линия специфического империализма. Геополитика американской истории идет рука об руку с идеологической эволюцией основных базовых принципов либерализма. Либерал-мес-

Профессор А. Г. Дугин

сианство — свобода и ее аватары как глобальная ось американской истории.

Сегодня (PНАС или нет) мы имеем дело с кульминационным моментом. Конечно, США испытывают трудности, но общая установка на логику мессианского либерализма не может быть отменена. Это нереалистично. Исторически сегодня момент для США зафиксировать свой триумф. Проблема «американское» и «универсальное» (как универсальное) должна быть решена.

Часть 2 Империя?

Американская идея осмысляется рядом авторов как Империя. Таковы Негри/Хардт, Ален Сораль и т. д. Неоконсы в свою очередь принимают на себя статус носителей Империи. Вопрос: имеем ли мы дело с Империей? Империя — это порядок, универсальный сценарий и модель организации власти. Имеем ли мы его в современной американской гегемонии?

Вопрос не простой. Смысл его в следующем: являются ли США носителями полноценной версии мирового порядка, который мог бы быть универсальным (не смотря на те претензии, которые мы могли бы ему предъявить — это в данном случае вообще не имеет значения) или не являются.

И да, и нет.

Да, поскольку либеральное мессианство предполагает определенную ценностно-властную систему, включая экономику как ее концентрированное выражение.

Нет, поскольку мы замечаем на практике, что либеральное мессианство входит в соприкосновение с социальными формами, никак не подлежащими переводу в либерал-мессианскую структуру в обществах незападного типа, где оно либо отвергается, либо трансформируется до неузнаваемости. И в этом случае возникает не порядок, но хаос.

Измерим масштабность этого хаоса. Можно воспринять его как переход к либеральному порядку. Так звучит оптимистическая версия американского либерального империализма. Но этот оптимизм,

популярный в 90-е годы прошлого века, сегодня практически сошел на нет даже у его самых ярких апологетов (Фукуяма). Практически все, кроме самых плоских пропагандистов НМП, склоняются к тому, что хаос (по крайней мере, в половине политического пространства мира, а демографически и того больше), как минимум по масштабности, равновелик порядку. И очень силен.

Это значит, что Империя имеет дело с довольно солидно представленной на планетарном уровне Не-Империей. Эта Не-Империя представляет собой не какую-то четкую идеолого-политическую и социально-экономическую инициативу (как в двухполярном мире), но именно не-порядок, сбой программы.

Интересно, что в нашем случае структура Империи такова, что не противостоит хаосу, а продуцирует его. Каким образом? Как может порядок провоцировать хаос? В нашем случае может. Это вытекает из природы того порядка, который несет в себе Империя. Тут Негри и Хардт отчасти правы. Американский порядок основан на абсолютизации методологического индивидуализма (Л.Дюмон). И в англосаксонских странах (частично, в Европе в целом), *it works*. Это работает, так как структура англосаксонского (то есть германского в своем типе) индивидуума достаточно упорядочена для того, чтобы быть опорой порядка. Разрушая социальность как холизм, англосаксонский либерализм не разрушает общество, воссоздаваемое атомизированными индивидуумами как их проекцией. Это и есть парадигмы нынешней Империи. Нынешняя Империя есть Империя, основанная на индивидууме. Это Империя индивидуальной свободы. Ее порядок есть индивидуализированная воля к власти.

А в чем правы Негри и Хардт? В том, что либеральная Империя сама несет в себе принцип самоликвидации, так как принцип свободы и индивидуализации подтачивает основы порядка как такового. Эта самоликвидация проявляется себя в двух формах: во-первых, в проекции либеральных принципов на не-западный мир, где индивидуум призрачен, а реальное разрушение социальной когезии ведет не к индивидууму, и уж точно не к упорядоченному индивидууму англосаксонского (западноевропейского) образца, а во-вторых, свобода индивидуума в самом западном мире (и даже англосаксонском) легко может перейти к ли-ли (*liberalisme libertaire*), то есть к дивидуализации индивидуума и постмодернистскому горизонту ризомы

и шизомасс. В обоих случаях — welcome to chaos. То есть Империя сегодня такова, что сама продуцирует хаос, эмулирует хаос.

Часть 3

Хаорд

Поэтому мы имеем дело с очень интересной ситуацией: в новой ситуации Империя (как универсальный порядок) не противостоит хаосу (как беспорядку скорее всего, локальному, но, возможно, локально-тотальному), но генерирует его. Это концепт *Risiko-Gesellschaft* (общество риска) У.Бека и Э.Гидденса.

При этом Империя, генерируя хаос, тщательно заботится о том, чтобы кроме самой Империи никакого порядка не было. Остатки не либерал-мессианского (американского) порядка безжалостно истребляются. Поэтому Империя предполагает особый хаотический порядок, тот самый хаорд (о котором писал создатель платежной системы Виза).

Хаорд или хаосмос Делеза и американская Империя — не противоположности. Это одно и то же. Обама есть воплощение хаорда. Он лауреат Нобелевской премии мира, но ведет три агрессивные завоевательные войны. Черный хаот мягкого империализма.

Американская Империя строится на старой логике — центр (метрополия) и колонии/сателлиты. Сателлит предполагает фрагмент порядка (локального), во главе которого стоит лояльное метрополии руководство (марионетки, сатрапы). Это классическая Империя. Нынешняя Империя не такова. Она идет против локального порядка как такового, ей недостаточно иметь лояльную колониальную администрацию. И это принципиально. Революции в арабском мире — поворотный пункт в становлении Империи. Империя начинает ликвидировать свои колониальные конструкты и приступает к демонтажу локальных сателлитных порядков. Каковы эти порядки? Они не хаотичны, недостаточно хаотичны. Они проамериканские, но не глубоко. А надо глубоко, по крайней мере, глубже. Это концепт «углубления демократии» или «демократия вглубь». Речь идет о корневой имплементации хаорда.

Хаорд есть параноидальная модель гибкой эффективности с обратной связью. Принцип *it works* становится глобальной Obsession.

ей. Чтобы «оно работало», можно поступиться всем, в том числе и индивидуумом. И теперь уже совсем не важно, кто и что такое это «оно», которое должно «работать». Лишь бы работало.

Хаорд предполагает не победы, но перманентизацию войн. Войны хаоса должны быть локальными, спонтанными и непрерывными. Прекращаясь в одном месте, они вспыхивают в другом. Вся планета является внутренним полем, а значит, все войны становятся гражданскими.

Часть 4

Новая концепция власти

Новый концепт планетарной власти Империи — это власть без-субъектная. Власть есть, а властителей нет. Это лента Мебиуса вос-стания элит (К.Лэш); в поисках центра власти и локализации ее диспозитива мы движемся внутри и вовне этой ленты, не находя ни-чего. *The power is out there*, перефразируя слоган *X-files*. Власть ста-новится делокализованной, элиты меняют ориентацию с вертикаль-ной на горизонтальную. Власть находится не в центре, а вне цен-тра, она отныне эксцентрична. Вспомним *Potestas directa* и *potestas indirecta* К.Шмитта. Сегодня вся власть становится *indirecta*. Вся власть становится касательной. Она реализуется через контроль за начальными условиями, а это и есть определение хаоса — чувстви-тельность системы к начальным условиям. Финальная фаза динами-ческой системы конституируется заведомо и управляется аттракто-ром. Аттрактор является странным.

Новая мировая система есть система хаотическая, сосредоточен-ная на конфигурации странного аттрактора. Любые попытки ре-структурировать глобальную модель МО на старой (традиционной или модернистской) модели будет провалена. Можно бороться с хаосом (во имя порядка), с порядком во имя другого порядка или с порядком во имя хаоса. Но как бороться с хаордом? Как задеть экс-центричную по определению власть, лежащую всегда по касатель-ной? Принцип власти в Империи не в его скрытности, но в его отсутствии.

Хаорд не подлежит критике или альтернативизации, поскольку он несет собственное отрицание в самом себе. Утверждаем ли мы хаорд или отрицаем его, обе операции усиливают его власть.

Хаорд представляет себя не как принуждение или норматив, но как сервис, который можно выбрать. А можно ли его не выбирать? Можно, но это не модно. А то, что не модно, то никому не интересно и не нужно. Значит, этот сервис нельзя не выбрать.

Американская гегемония сегодня представляет себя как безальтернативное удобство везде наличествующего планетарного сервиса. Бомбежки Триполи надо воспринимать как обеспечение услуг клиенту.

Часть 5

Нелинейная Америка и геометрия нового антиамериканизма

Новый антиамериканизм должен учитывать эволюцию структуры Империи. Вот почему прежде всего необходимо (вслед за Аленом Соралем) «Понять Империю».

Для того чтобы антиамериканизм сработал (would work), мы должны прежде понять новую геометрию господства и структуру хаорда. Имея дело с хаосмосом, и в том числе с «осмосом», проникновением «веществ» сквозь непроницаемые ранее границы обществ, например, информации и ее лучей, мы оказываемся в контексте новой топологии. Нравится ли нам эта топология или нет, не имеет значения. Имеет значение, понимаем ли мы ее или нет.

В США есть многие, кто искренне скажут — такая Америка есть нечто чудовищное, и нам самим она совсем не нравится. Забыли вас спросить. Искренность как раз не имеет никакого значения. Америка не может не быть глобальной. Все остальное давно проехали, тот, кто этого не понимает, может отдыхать (или это сознательная дезинформация). Мы имеем дело только с глобальной Америкой как с планетарным обществом риска. Даже если сегодня это все еще не совсем так, завтра точно так будет. Завтра практически наступило.

Новый американизм (Империя) требует нового антиамериканизма. Его геометрия не ясна. Мы должны строить альтернативу не стране, не идеологии, не ценностной системе, не классу, но тренду,

бифуркационным скачкам, хаотическим процессам. Мы имеем дело с фрактальной системой МО, и если она нас не устраивает, нам надо мыслить альтернативу с опорой на фракталы, суперструны или теорию катастроф. Глобальная Империя комплексна и процессы в ней нелинейны. Нелинейная Америка.

Новый антиамериканизм должен быть постмодернистским, нелинейным и комплексным. Он должен быть эффективным. Возможно, он должен быть локальным: не строить нормативных проектов, не защищать старый порядок и старые порядки, использовать окна возможностей, какие только представляются. Еще, возможно, он должен быть целиком деструктивным и, уж как минимум, целиком деконструктивным.

Он должен быть модным.

А. Л. Бовдунов

Аспирант кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

КОНЦЕПЦИЯ ПОСТОЯННОГО КОНФЛИКТА РАЛЬФА ПЕТЕРСА (ДОКЛАД)

Подполковник армии Соединенных Штатов в отставке Ральф Петерс в ходе своей военной карьеры состоял в штате канцелярии Замначальника Штаба разведки и являлся ответственным за разработку способов ведения будущих войн. Перед тем, как стать начальником отдела Евразии, он занимался исключительно проблемами тактики. Выпускник колледжа при Командовании американских ВС и Генштабе, этот военный эксперт имеет степень магистра по международным отношениям. За время своей службы Петерс посетил в профессиональных и в личных целях более 50 стран, включая Россию, Украину, Грузию, Осетию, Абхазию, Армению, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Латвию, Литву, Эстонию, Хорватию, Сербию, Болгарию, Польшу, Венгрию, Чехию, Пакистан, Бирму, Лаос, Таиланд и Мексику, а также страны Андского нагорья. Во время Холодной войны Петерс как офицер военной разведки США работал

А. Л. Бовдунов

10 лет в Германии, после специализировался по Советскому Союзу. В отставку он вышел в 1998 году. Петерс известен не только как эксперт в области национальной и глобальной безопасности, разведки, военных стратегии и тактики, но еще и как автор художественной литературы на военную тематику, как правило, это романы-антиутопии, отражающие, хотя и в другой форме, как и его научные работы, представления Петерса о ближайшем будущем.

Точка зрения этого военного эксперта тем более интересна, что напрямую пересекается с предложенным профессором Дугиным осмыслением современной американской гегемонии как гегемонии хаорда. Более того, последние события в арабском мире напрямую связаны с концепциями Петерса и идут ровно в русле его представлений о политике США в этом регионе и мире в целом. Статья «Постоянный конфликт», наиболее рельефно отражающая основу подхода Петерса к анализу современного геополитического момента вышла в 1997 году в военном журнале «Параметры». В России она была переведена в начале 2000-х годов, отталкиваясь от этой уже известной русской аудитории работы, разберем основные представления автора.

Петерс характеризует ситуацию после завершения Холодной Войны как нарастающую нестабильность. Мир становится все более конфликтным, никакого конца истории не предвидится. Более того, наряду с процессами глобализации, развивается и процесс глобальной трайбализации. В статье «Возвращение племен», вышедшей в журнале *Weekly Standard*¹, он показывает, что хотя глобализация создает новую всемирную аристократию, миллиарды тех, кому нет места в этой системе, не могут найти себя иначе как в рамках новой тенденции, являющейся антитезой глобализации — трайбализацию, проявляющейся во всплывании этнических и религиозных моментов.

Возникает многомиллионный класс «воинов»-террористов², партизан, участников добровольческих и подпольных формирований, наемников, действующих вне организованных систем национальных армий, который бросает вызов, как национальным государствам, так

¹ Peters R. Return of the Tribes. The resistance to globalization runs deep // *Weekly Standard* SEP 4, 2006, VOL. 11, NO. 47.

² Peters R. The New Warrior Class // *PARAMETERS*, US Army War College Quarterly — Summer 1994.

и американскому доминированию в мире. Мир становится все более опасным и нестабильным.

Результатом глобализационных процессов станет поляризация мира, закрепление его разделения на выигравшее меньшинство и проигравшее большинство. К последнему он относит как все страны «бедного Юга», так и значительную часть населения «богатого Севера», где будет только возрастать разница в доходах и уровне социального обеспечения между богатыми и бедными¹. В статье «Культура будущего конфликта» Петерс поясняет, что будущие войны и конфликты будут определяться неспособностью национальных правительств стать эффективными системами распределения и контроля за ресурсами. Целые культуры будут проигрывать в конкурентной борьбе. В итоге классовые войны такого масштаба, что не мог вообразить и Карл Маркс, будут сочетаться с межкультурными конфликтами². Они станут неотъемлемой чертой нынешнего столетия, определяя стиль и направленность конфликтов в 21 веке, так же как это делало противостояние идеологий в 20-м.

Дальнейшая информатизация общества ведет не только к положительным, но и к негативным последствиям. Впервые идеи могут распространяться быстрее самых опасных и смертоносных эпидемий, они сами порождают эпидемии нового типа. В условиях все возрастающего потока информации, ее общедоступности и скорости коммуникационных процессов некоторые общества, такие как Россия, Сербия, страны Черной Африки и Ближнего Востока, не демонстрирующие достаточной гибкости в ее усвоении и способности разделять различные качества информации неминуемо проигрывают³.

А поскольку, как отмечает в «Постоянном конфликте» Петерс, место в глобальной иерархии сегодня определяется тем, как культура работает с информацией, а еще точнее как она адаптируется к состоянию Постмодерна и информационного общества, то «сегод-

¹ Петерс Р. Постоянный конфликт [Электронный ресурс] URL: <http://ww-4.narod.ru/warfare/page0013.htm> (дата обращения — 10.05.2011).

² Peters R. Fighting for the Future. Mechanicsburg, Pennsylvania: Stackpole Books, 2001. P.2.

³ Peters R. The Plague of Ideas — historical analysis of the effects of change and innovation. [Электронный ресурс] URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_m0IBR/is_4_30/ai_74522161/ (дата обращения — 10.05.2011).

ня главная задача заключается в управлении информацией. Тот из нас, кто может сортировать, усваивать, синтезировать и применять релевантные знания — достигает профессиональных, финансовых, политических, военных и социальных высот. Мы, победители, есть меньшинство». «Общества, которые боятся и потому не могут управлять свободным потоком информации, не будут конкурентоспособны. Они могут владеть технологией для просмотра видео, а мы будем писать сценарии, продюсировать их и собирать авторские гонорары. Наша креативность разрушительна».

То есть современные глобализационные процессы, вопреки либеральным мифам, способствуют доминации одних культур и хаотизации и деградации других. Петерс откровенен и называет демократию «ловко-либеральной формой империализма»¹. Сопротивление Соединенным Штатам будет все более яростным. «Те люди, в любой стране и регионе, которые не могут понять новый мир, или извлечь прибыль из его неопределённости, примириться с его динамикой, будут становиться яростными. Мы входим в новое Американское столетие, в котором мы будем ещё богаче, ещё культурно беспощадней и ещё могущественнее. Мы будем возбуждать беспрецедентную ненависть»².

«Одним из определяющих противоречий будущего станет конфликт между хозяевами информации и её жертвами», — еще более откровенно раскрывает суть описанного выше процесса Петерс. Главным оружием США здесь будет американская масс-культура, бренды, за которыми в случае необходимости последует и военное вмешательство.

«Суть гения секретного оружия американской культуры состоит именно в том, за что её презирают элиты — в её подлинной народности. Она подчёркивает комфорт и удобство — простоту и генерирует удовольствия для масс. Мы есть мечта Карла Маркса и его кошмар.

Фильмы, наиболее презираемые интеллектуальной элитой, показывающие крайнюю жестокость и самый откровенный секс есть наше самое популярное культурное оружие, покупаемое или тира-

¹ Петерс Р. Постоянный конфликт [Электронный ресурс] URL: <http://ww-4.narod.ru/warfare/page0013.htm> (дата обращения — 10.05.2011).

² Петер Р. Постоянный конфликт [Электронный ресурс] URL: <http://ww-4.narod.ru/warfare/page0013.htm> (дата обращения — 10.05.2011).

жируемое пиратским способом повсюду.

Мы используем технологии, чтобы расширить наше богатство, власть и возможности. Удел остальных — поп-культура. Если религия это опиум для народа, то видео — его крэк-кокаин».

В этом мире постоянного конфликта главным является не поддержание порядка, но силовое подавление конкурентов, место долгосрочных и глобальных стратегий занимает локальный и тактический расчет. С точки зрения Петерса, «мы будем иметь дело не с традиционными войнами типа Real politic, а с конфликтами, порождаемыми коллективными эмоциями, локальными интересами и системными коллапсами».

Ральф Петерс

Главное в вооруженных силах США: «В любой момент нашей последующей жизни множество конфликтов в изменяющихся формах будут происходить по всему миру. Конфликты с применением силы будут преобладать в заголовках новостей, но культурная и экономическая борьба будет жестче и однозначно более решающей. Фактическая роль ВС США будет сводиться к поддержанию мира стабильным для нашей экономики и открытым для нашего культурного наступления. Ради этих целей мы будем убивать столько, сколько нужно».

В своей работе 2008 года *Newer quit the fight* Ральф Петерс отмечает, что новые войны, которые будет вести США — войны на истощение, на износ, «wars of attrition» — непрерывная война на полное уничтожение противника¹. Для того, чтобы выиграть всеобщую постмодернистскую войну, по его мнению, необходимо отказаться

¹ Peters R. *Never Quit the Fight*. Mechanicsburg, Pennsylvania: Stack pole Books, 2008 P.13.

от максимы «если вы ломаете что-то, то это принадлежит вам»¹, вы несете за это ответственность — отказ от ответственности за то, что происходит на территориях, где ведется война.

Однако во всеобщем хаосе, Петерс настаивает на том, что Америка не должна ограничиваться только локальными действиями по поддержанию своего превосходства. Америка обладает миссией², и эта миссия по всеобщей демократизации не должна отодвигаться на второй план, даже если определенный авторитарный режим демонстрирует преданность и верность Америке. США должны нести демократию, подключая всех к глобальной информационной демократической сети, не особо задумываясь о последствиях этого для других стран.

В свете продолжающихся в арабском мире бунтов интересна его статья 2003 года «Наши настоящие враги», где Петерс разбирает ситуацию в Афганистане и Ираке, и утверждает, что настоящими врагами США являются не сами террористы, а правительства мусульманских стран, те, с кем Америка ведет бизнес. С его точки зрения она должна быть против этих «жирных котов», превращающих эти регионы в источник постоянной угрозы и демонстрирующих свою полную неэффективность. «Мы дали арабским жирным котам лицензию убивать, воровать и предавать нас»³, — замечает он, говоря о необходимости устранения диктаторов подобных Мубараку.

Еще одна идея — перекройка мировых границ. Петерс — автор знаменитой карты «Большого Ближнего Востока», которая появилась в его статье «Кровавые границы. Как может лучше выглядеть Ближний Восток», опубликованной в журнале Вооруженных сил США 'Armed Forces Journal' с комментариями самого Ральфа Петерса.

Из всех мировых лидеров главным врагом США Ральф Петерс, специализировавшийся долгое время на России, считает Владимира Путина. В статье «Почему Путин должен пугать нас» он называет

¹ Peters R. Never Quit the Fight. Mechanicsburg, Pennsylvania: Stack pole Books, 2008 P.23.

² Peters R. The American Mission // Parameters, autumn 1999, pp. 2-8.

³ Peters R. Our True Enemies [Электронный ресурс]. URL: http://www.travelbrochuregraphics.com/extra/our_true_enemies.htm (дата обращения — 10.05.2011).

его наиболее эффективным национальным лидером, принадлежащим к традициям агрессивного русского национализма. Путин восстанавливает имперскую мощь России, а потому должен быть ликвидирован¹.

В соединении с теоретическими положениями Петерса по поводу конфликтного состояния будущего мира, его положения о демократизации, о необходимости устранения имперски ориентированных лидеров, о перекройке границ, о нарушении национального суверенитета (это слово он часто берет в кавычки), звучат довольно зловеще. В принципе, можно было бы воспринять их как всего лишь умственную теоретическую конструкцию, порожденную экстравагантным мышлением американского военного и писателя, но осмысление современных международных процессов дает схожую картину мира. В этих условиях нам, русским, надо бы отнестись к нему повнимательнее, учитывая, что в новых художественных романах Ральфа Петерса, России как государства после 2020 года не существует.

¹ Peters R. Why Putin should scare us // USA Today. September 17, 2008.

Л. В. Савин

Главный редактор портала «Геополитика.ру» и журнала «Геополитика»

ВОЙНА И SMART POWER В ГЕОПОЛИТИКЕ США (ДОКЛАД)

Продолжая тематику предыдущего доклада необходимо отметить, что природу и свойства конфликтов в США изучают достаточно давно и глубоко — от философских умозрительных конструкций до математического моделирования. Например, нигде нет так много терминов в отношении войны, как в США. С 1945 г. после завершения Второй мировой войны стратеги, ученые, социологи и военные принялись разрабатывать новые концепции и доктрины. Приведем некоторые из них (за небольшим исключением их авторы — англосаксонского происхождения).

Атомная, Ядерная, Термоядерная война (1945); Холодная война (1950); Война технологий (1970); Милитаризм США (1970); Война без конца (1972); Постоянная война (1974); Хладнокровная война (1981); Сражение Воздух-Суша (1982); Звездные войны (середина 1980-х); Строгая или простая война (1983); Войны разума (1984); Постмодернистская война (1984); Высокотехнологичная, технологичная война (1986);

Л. В. Савин

Техновойна, Совершенная война (1986); Конфликт низкой интенсивности (1986); Воображаемая война (1987); Война времени (1987); Кибервойна (1987); Компьютерная война (1989); Световая война (1990); Высокосовременная война (1991); Война космической эры (1991); Гиперсовременная война (1991); Война эпохи умных машин (1991); Война третьей волны (1993); Сетевая война (1993); Симуляционная война (1993); Новая или Вторая Холодная Война (1993); Инфовойна (1990-1); Война четвертой эпохи. (1994); Война командования и контроля (1995); Новокорковая война (1995); Война шестого поколения (1995); Гиперреальная война (1998); Инфраструктурная война. (1998); Война на основе информации (1998); Сетецентричная война (1999); Подражательная война (1999); Миниатюрная мировая война, Война в заливе I. (1999);

Кибернетическая война (1999); Неограниченная война (1999); Новая война (1999); Асимметричная война (2000); Когнитивная война, Инерционная война (2000); Прибрежная война (2000); Не(пост) героическая война (2000); Зрелищная война, Виртуозная война, Война позднего модерна (2001); Фрактальная война (2001); Ресурсная война (2001); Интернет-война (2001); Постчеловеческая война (2003).

Так как этот перечень был предложен в издании за 2005 г., можно предположить, что за последующие пять лет он значительно обогатился.

Не менее показательны и исследования в отношении методик войны. Например, геополитик Колин Грей в одной из своих монографий дает характеристику тринадцати методов ведения войны по-американски:

- Аполитичный
- Не имеющий стратегии
- Неисторичный
- Оптимистический, направленный на разрешение проблемы
- Бросающий вызов в культурном отношении
- Технологически зависимый
- Сосредоточенный на огневой силе
- Крупномасштабный
- Агрессивный, наступательный
- Регулярный в своих основах

- Нетерпеливый
- Превосходный по логистике
- Высокочувствительный к случайностям¹.

Безусловно, ведение войны напрямую связано со стратегией национальной безопасности и обороны и здесь США также выработали серию стратегий.

Отметим, что сочетание активной обороны и глубокой атаки, которое было принято на вооружение в начале 80-х гг. через некоторое время сформировало стратегию, принятую Пентагоном во второй половине 90-х гг., и названной «превентивной обороной». Это «оборонная стратегия США в XXI в., ориентированная на опасности, которые при недостаточном внимании к ним могут перерасти в реальные угрозы выживания США. Эти опасности пока не являются угрозами, которые нужно сдерживать, или с ними необходимо бороться, пока они (опасности) могут быть предотвращены»². На эту стратегию явно повлияли американские неоконсерваторы, особенно Пол Вулфовиц, разработавший вместе со своим помощником Скутером Либби набор стратегических рекомендаций по внешней и оборонной политике США. Эта доктрина впервые была опубликована в марте 1992 г. в газете *The New York Times*.

В первоначальной версии указывалось, что «наша основная цель — предотвратить появление нового соперника, как на постсоветском пространстве, так и в любом другом месте земного шара, который будет представлять угрозу схожую с той, что представлял для нашей страны СССР. Это положение является основным в новой стратегии обороны. Мы должны постараться предотвратить появления враждебных региональных держав, которые с помощью своих ресурсов могут быть способны получить глобальный контроль в международных отношениях». После жесткой критики со стороны демократов и общественности, этот документ был переработан под личным контролем министра обороны Дика Чейни и Председателя Объединенного Комитета Начальников Штабов Колина Пауэлла. В официальной версии, опубликованной 16 апреля 1992 г. гласилось:

¹ Colin S. Gray, *Irregular Enemies and the Essence of Strategy: Can the American Way of War Adapt?* Carlisle, Pa.: Strategic Studies Institute, March 2006. p. 30.

² Картер Э., Перри У. Превентивная оборона. Новая стратегия безопасности США. — М.: Наука, 2003. с. 29.

«Наша основная цель — предотвратить атаку на нашу страну, откуда бы она не исходила. Второй по значимости целью является усиление и развитие системы оборонительных союзов и соглашений по обороне, которые объединят демократические нации по всему миру для борьбы против агрессии, усилят кооперацию и обеспечат безопасность с наименьшими рисками для всех союзников. Ключевой чертой нашей новой оборонной стратегии является стремление к коллективной борьбе с угрозами. Третья цель — предотвращение появления враждебной нашим интересам региональной державы и разработка инструментов для борьбы с возможным возрождением глобальной угрозы для США и наших союзников». Хотя первоначальный вариант был смягчен и завуалирован под коллективную безопасность, в тексте все же был виден гегемонистский настрой руководства США: «необходимо создать крепкий альянс демократических держав и продолжить строительство демократического общества. Лидерство США будет способствовать установлению и закреплению нового мирового порядка».

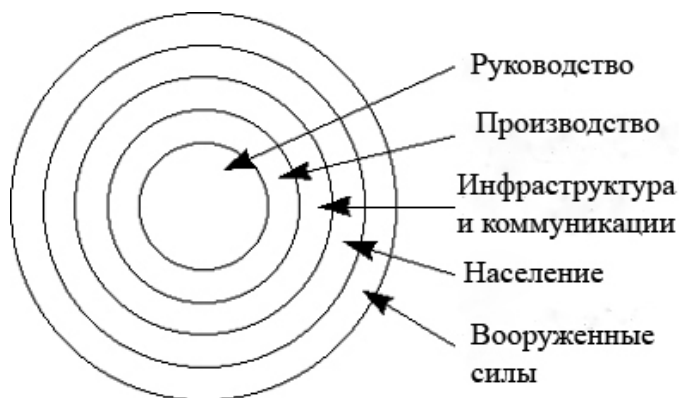
Дональд Рамсфельд, также относящийся к лагерю неоконсерваторов, в свое время предложил две глобальных стратегии. Первая «1-4-2-1», озвученная в 2001 г. строилась на последовательности приоритетов в отношении национальных интересов, обороны и участия США в различных конфликтах, а во второй «10-30-30», предложенной в 2004 г., делался упор на мобильность. Будет вполне справедливым утверждение, что появление новых стратегий не отменяет предыдущие, а дополняет их¹.

Например, в 2001 г. независимый исследовательский центр по стратегическим и бюджетным отчислениям (CSBA) выработал так называемую стратегию длительного мира, которая была созвучна с предложениями Дональда Рамсфельда по реструктуризации военной машины США². Разработанная Стивеном Косиаком, Эндрю Крепиневичем и Майклом Викерсом, она была опубликована в январе 2001 г. Авторы отмечали, что их модель стратегии направлена не на установление Pax Americana, а на достижение преимущества над любым потенциальным противником и управление отношениями в

¹ Подробнее см. Иванов О.П. Военная сила в глобальной политике США. — М.: Восток-Запад, 2008.

² См. <http://www.csbaonline.org>

рамках основного альянса с целью расширения военных возможностей и глобальной стабильности. Они предсказали, что конкуренция между сильными державами, которая сошла на нет после распада СССР, вновь возобновится, и что в Юго-Восточной Азии начнется военный и экономический подъем. Также было отмечено, что новая военная революция будет проходить не по старым сценариям, для чего США необходимо будет переструктурировать как вооруженные силы, так и глобальную базовую инфраструктуру.

Модель пяти колец Урдена

На момент издания этого доклада, по мнению авторов, программа обороны США не предусматривала должную трансформацию. Стратегия ведения двух больших войн (two-Major Theater War), к которой на тот момент готовились США, представлялась необоснованной, так как какая-либо угроза от Ирака была гораздо меньшей, чем в 1991 г., а возможные угрозы от Ирана и Северной Кореи находились в эмбриональном состоянии. Между тем, эта стратегия воплотилась на практике, и ее обычно называют стратегией ведения двух локальных войн. Но на то время авторы, по нашему мнению, предлагали довольно адекватный план мероприятий. Сама трансформация вооруженных сил должна была состоять из шести пунктов, из которых два следует выделить особо:

- Будущее видение войны задаст направление, согласно которому нужно будет осуществлять усилия по преобразованию. Это видение должно сфокусировать вооруженные силы на ключевых

появляющихся проблемах, таких как проектирование власти в местах, к которым нет доступа, контроле над урбанистической демографией, информационном и пространственном контроле, обороне родины. Кроме того, будет большая вероятность в будущем относительно проектирования власти широкого диапазона, сетечентричных сил, систем «Стэлс» и автоматических систем.

- Необходимо здоровое финансирование для технологического прыжка вперед и непрерывное экспериментирование. Чтобы создать портфолио реальных вариантов для трансформации, в оборонной программе в последующие годы несколько миллиардов долларов должны будут пойти на науку и технологии. Среди технологий, которые должны настойчиво продвигаться — это микроспутниковые созвездия, радары, размещенные в космосе с возможностью слежения за движущейся целью, беспилотные системы, включая микророботы и микроБПЛА, экзоскелеты, самолеты системы «Стэлс» следующего поколения, включая улучшение характеристик подвижности для авиации, военно-морских судов и наземных боевых систем, гиперзвук и системы направленной энергии, микроспутники-посредники для космического контроля. Чтобы идентифицировать надлежащую связь новых систем, необходимо провести ряд объединенных трансформационных маневров, принципиально ориентированных на операционный уровень военных действий. Также должен быть создан объединенный Национальный Учебный центр Anti-Access/Area-Denial¹, наряду с Объединенным Учебным центром по Войне в городской среде.

По большому счету, это те перемены, которые уже коснулись вооруженных сил США либо эти процессы находятся в стадии реализации.

В последнее время появились и новые концепции — это стратегия 3D.

Эта новая стратегия была озвучена Бараком Обамой 26 января 2009 г. в интервью Al-Arabia (3D — это заглавные буквы слов defense, diplomacy, development — оборона, дипломатия, развитие), когда он пообещал сотрудничество с арабским миром и поклялся сокрушить

¹ Anti-Access/Area-Denial (A2/AD) — это стратегия «изоляции района военных действий», сторонником и разработчиком которой является, в частности, Томас Барнетт.

Аль-Каиду. В конце февраля 2009 г. в ТВ программе «News Hour with Jim Lehrer» Обама рассказал о применении этой же стратегии 3D по отношению к Афганистану, где США, согласно словам президента, будут комбинировать применение военной силы с усилиями по развитию инфраструктуры страны. Как отмечают эксперты, 3D стратегия была ранее протестирована в районе африканского рога, где были развернуты войска AFRICOM (ранее при администрации Буша AFRICOM был ответственен за Восточноафриканскую Контртеррористическую Инициативу, распространяющуюся на Джибути, Уганду, Танзанию и Эритрею). Американские военные при этом являются частью гуманитарной программы, помогая создавать институты управления, так как, по выражению председателя объединенных штабов Пентагона Питера Пейса, «неуправляемые территории предоставляют широкие возможности для террористов»¹. В контексте этого проекта, вероятно, что Пентагон по субконтракту передаст ряд полномочий частным охранным фирмам — DynCorp, Pacific Engineers и Blackwater, связанных с политическим истеблишментом Соединенных Штатов, что полностью вписывается в логику ведения международных дел Белым домом — интересы корпораций, ВПК и политических групп в США постоянно пересекаются.

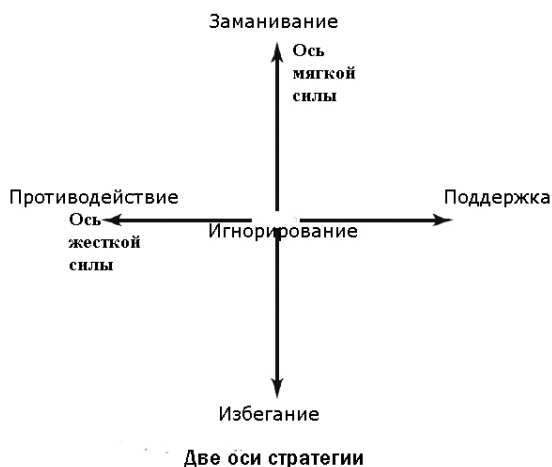
Роберт Гейтс в программной статье «Сбалансированная стратегия», вышедшей в журнале *Foreign Affairs* (январь-февраль 2009 г.), указал на необходимость расставлять приоритеты и рассматривать неизбежные компромиссы и альтернативные затраты.

«Цель нашей стратегии — найти точку равновесия в трех основополагающих областях. Нужно определить золотую середину между стремлением к доминированию в текущих конфликтах и подготовкой к другим непредвиденным обстоятельствам, а также между такими возможностями нашего ведомства, как подавление восстаний и военная помощь другим странам, и поддержание ныне существующего превосходства в традиционных и стратегических вооружениях и технологиях над вооруженными силами других стран. Наконец, нужно установить баланс между сохранением тех культурных особенностей, благодаря которым Вооруженные силы США добиваются

¹ Francis Njubi Nesbitt. Hearts and Minds and Empire. March 20, 2009. http://www.fpiif.org/articles/hearts_and_minds_and_empire

ся успеха, и избавлением от тех, которые мешают нам выполнять необходимую работу», — указал министр¹.

В мае 2010 г. вышла новая версия стратегии национальной безопасности США. Ее основные положения сводятся к тому, что внешняя политика Соединенных Штатов должна быть перестроена с учетом присутствия в мире множества эволюционирующих угроз, включая войну в киберпространстве, эпидемические заболевания, этнические конфликты и неравенство. Документ также содержит предупреждение Ирану и Северной Корее об усилении их международной изоляции в случае дальнейшего нежелания сделать прозрачными свои ядерные программы. В новой стратегии поднимается вопрос о необходимости противостоять доморощенным экстремистам

. Кроме того, главной угрозой для США названы не мифические исламские террористы, а «Аль-Каида».

Также указано, что наиболее серьезные угрозы американцам исходят от возможного распространения ядерного оружия.

В самой военной стратегии применяются такие понятия как власть и сила (power)².

¹ Гейтс Р. Сбалансированная стратегия// Россия в глобальной политике. №2, Март-Апрель 2009.

² Подробнее см. Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. — М.: Евразийское движение, 2011.

Профессор Гарвардского университета Джозеф Най и бывший Госсекретарь США Ричард Эрмитаж сформулировали основные принципы современных разновидностей power. «Power» — это возможность влиять на поведение других для получения желаемого результата». При этом Эрмитаж и Най отмечают, что исторически power зависела от таких критериев, как размер страны и численность ее населения, природные ресурсы, экономическая мощь, военная сила и социальная стабильность. А источник любой power в первую очередь зависит от контекста. Hard power дает возможность странам использовать метод кнута и пряника для того, чтобы получить желаемый результат. Soft power дает возможность привлекать людей на свою сторону без применения насилия. Для soft power фундаментальной основой является легитимность. Smart power не является ни hard ни soft, а представляет собой комбинацию обеих. Эрмитаж и Най определили формулу для будущей стратегии Америки: «smart power означает развитие интегрированной стратегии, ресурсной базы и инструментария для достижения целей США, которые предусмотрены и hard и soft power». Они также констатируют, что во внешней политике США больше использовали hard power, так как ее действия были прямолинейны, а основы ее могущества видимы для внешних акторов.

В 2007 г. под руководством Ная и Эрмитажа работала комиссия экспертов, которая подготовила доклад по smart power. Этот доклад был предназначен для нового президента США, независимо от того, кто победит на выборах, — кандидат от республиканцев или от демократов.

В докладе было указано, что для достижения могущества в области smart power США должны сконцентрироваться на пяти ключевых пунктах:

- Альянсы, партнерство и институции: необходима перестройка основ, которая будет учитывать глобальные изменения;
- Глобальное развитие: выработка унифицированного подхода, начиная с общественного здравоохранения;
- Общественная дипломатия: повышение качества доступа к международному знанию и процессу обучения;
- Экономическая интеграция: увеличение выгоды от торговли для всех людей;

- Технологии и инновации: они должны быть направлены на вопросы изменения климата и энергетической безопасности.

В завершение необходимо добавить, что блок НАТО традиционно используют сочетание soft и hard power. Hard — при развертывании необходимых сил по выполнению коллективных обязательств по обороне, а также планировании и учениях, направленных на развитие структуры, а soft — чтобы установить соответствующий уровень сотрудничества с соседними государствами с целью снижения или избежания возможных причин конфликта.

Обама Б. Мягко стелит, да жестко спать.

В. А. ГУЛЕВИЧ

Аналитик портала «Геополитика.ру»

АНГЛОСФЕРА И РУССКИЙ МИР: ФИЛОЛОГИЯ И ВОЙНА (ДОКЛАД)

Латинскую пословицу «Чья власть, того и религия» можно с лёгкостью переделать в иную — «Чья власть, того и язык». Борьба государств за контроль над пространством осуществляется не только военными методами, но и гуманитарными. «Язык — это война, но другими средствами», — некогда изрёк американский дипломат Стивен Манн. Действительно, степень могущества государства можно определить по ареалу распространения языка, на котором разговаривает его основное население.

Англоязычные страны представляют собой то, что принято называть Англосферой. Автор термина, американский писатель-фантаст Нил Стивенсон не придавал ему геополитического значения. Тем не менее, сегодня Англосфера понимается как совокупность англоязычных стран с тесными историческими связями (США, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, Австралия). Но, главное, Англосфера — это геополитический центр силы,

В. А. Гулевич

определяющий основные параметры современной международной политики.

Не все страны, составляющие Англосферу, тождественны по своему политическому, экономическому или культурологическому весу. Главными узлами Англосферы являются, безусловно, Соединённые Штаты и Великобритания — два самых влиятельных англосаксонских государственных организма или полюса англосаксонского могущества. Мы видим, что один из них расположен на американском континенте, другой — в Европе. Такие географические выгоды позволяют «накрывать» своим влиянием испано — и протугалоговорящую Центральную и Южную Америку и разноглаголивую Европу. Другие развитые англоязычные страны, такие как Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка, служат основными «подпорками» Англосферы. Эти государства — своего рода площадки для проникновения англосаксонских влияний в Океанию и Африку. Тем более что в Океании и Африке немало государств, где английский имеет статус второго или первого официального языка. Масштабы влияния значительны, ведь население Австралии и Океании — это более 38 млн. чел., Африки и обеих Америк — около 2 млрд. чел., Англоязычные государства Африки, Азии, Океании и Карибского бассейна образуют внешнюю границу Англосферы в местах соприкосновения Англосферы с чуждыми ей культурными агломерациями.

Главное преимущество Англосферы и предпосылка для её восхождения на высоты мировой политики — это наличие не вертикальных, а горизонтальных связей между её составляющими. По сути, Англосфера — это сетевое сообщество англоговорящих стран, связанных торговыми, военными и иными соглашениями, и исповедующими общие внешнеполитические принципы¹. Распыленность Англосферы почти по всем континентам (даже в преимущественно испано- и португальязычной Южной Америке насчитывается 800 тыс. носителей английского языка) — залог её способности охватить своим «вниманием» практически всю планету. Цивилизационная взаимозаменяемость стран-членов Англосферы — их очередное достоинство. Даже с исчезновением с карты мира одной из стран Англосферы, пусть и такой влиятельной, как Соединённые Штаты

¹ Дж. Беннет «Вызовы времени англосферы. Почему англоязычные страны сохраняют лидерство в XXI-м веке»

или Великобритания, культурные (не военно-политические) границы Англосферы, если и сужились бы, то весьма незначительно. В качестве влиятельных центров останутся ещё Канада в той же Северной Америке, Ирландия — в той же Европе. Для сравнения: с исчезновением с карты мира Китая, о китайском языке можно было бы забыть, несмотря на многочисленную диаспору «хуацяо» в других странах. Недостаток китайского языка — в его скученности на ограниченном пространстве. Несмотря на то, что его носителями являются более 1 млрд. чел. (практически столько же, сколько и носителей английского языка), китайский был и остаётся языком регионального значения.

Благодаря новейшим технологиям, англоязычные веяния доходят даже до более консервативных арабо-мусульманских стран. С недавних пор арабские лингвисты бьют тревогу из-за появления «лингвистического мутанта» — арабизы (когда арабские слова пишутся латинскими буквами). Арабизы становятся всё популярнее среди “продвинутой” молодёжи, пользующейся современной вычислительной техникой и западными техническими новинками. Печатать арабскими иероглифами для такой молодёжи трудно, и они переходят на арабизы, забывая постепенно правила арабской орфографии.

На европейском континенте ни один из европейских языков не может в полной мере конкурировать с английским по своей популярности и перспективах на будущее. В отличие от Англосферы, Европа представляет собой дефрагментированное в языковом отношении культурное пространство, поделённое между основными европейскими языками — португальским, испанским, немецким и французским. В условиях такой языковой разобщённости английский выступает как лингва франка. Воздействие, оказываемое английским языком на другие языки Европы, поражает своими масштабами. Вспомним хотя бы, как некоторые французы ратовали за отказ от традиционного для французского языка местоимения 2-го лица «Вы» (vous), беря пример с английского, где «ты/Вы» обозначаются одним местоимением — you. Или об инициативе директора одной из немецких частных компаний, который, устав от сплошных англицизмов в речи своих подчинённых, пригрозил им наказаниями, если они не будут общаться на грамотном немецком.

Несколько иная ситуация в латиноамериканских странах. Всего в мире испанским языком владеют более полумиллиарда человек. Он всё больше проникает на территорию Северной Америки, отвоёвывая позиции у своего английского конкурента. Из числа университетских студентов в США испанский изучают 850 000. Кроме того, около 40 млн. жителей США бегло говорят по-испански, а 4 млн. белых американцев англосаксонского происхождения вполне грамотно могут изъясняться на этом языке. К 2050 г. количество латиноамериканских детей, рождённых в Соединённых Штатах, превысит количество детей, родившихся от афро-американцев и американцев англосаксонских кровей, достигнув отметки в 30% от числа всех новорождённых. Сегодня коэффициент рождаемости среди белых американцев составляет 1,5%; среди афро-американцев — 2%, а среди латиноамериканцев — 3,5%¹. Испанский язык имеет возможность со временем перехватить пальму первенства у английского языка в Соединённых Штатах, но этому мешает культурно-политическая пассивность латиноамериканских элит. Ни у одной из южноамериканских стран нет единой государственной политики по продвижению и закреплению испанского языка в иммигрантской среде США. Иммигранты предоставлены самим себе и для сохранения и приумножения языка не получают ни поддержки, ни помощи от своих стран².

Смелее действовал президент Бразилии Лулу да Сильва. В сентябре 2008 г. им был подписан декрет «Об орфографии португальского языка» с целью унифицировать португальское правописание между 8 странами, где этот язык является государственным (Португалия, Бразилия, Ангола, Мозамбик, Кабо-Верде, Гвинея-Биссау, Сан-Томе и Принсипе и Восточный Тимор). Этот декрет является, прежде всего, стратегическим документом, направленным на культурное единение всей лузофонии, как принято называть португалоязычное сообщество, вокруг бразильского центра силы³.

Русский мир тоже сталкивается с напором англосаксонского влияния. Россия, как духовное ядро Русского мира, не имеет «дублёров», которые могли бы выступить в качестве его дополнительного полюса. Заменить Россию просто не кем и не на кого переложить груз ответственности за существование Русского мира.

¹ Alberto Buela “Geocultura: el poder del idioma”.

² Там же.

³ Alberto Buela “Geocultura: el poder del idioma”.

Не будет России, не будет и русского языка как стратегического проекта. «Суверенный» осколок некогда единого Русского мира— Украина больше обеспокоена укреплением позиций украинского языка, но не в качестве официального диалекта русского, а в качестве отдельного языка с государственным статусом. Это делается в ущерб русскому языку, раскалывает и без того расщеплённое пространство Русского мира и дробит его ещё на более мелкие части. Крепкие позиции русского языка в соседней Белоруссии не решают проблему— духовно-политический вес Минска слишком для этого мал. Параллельно с этим наблюдается сокращение сферы употребления русского языка в других республиках СНГ, особенно на Кавказе, Прибалтике и Средней Азии. Туда всё чаще вторгается английский как язык более напористого внешнеполитического партнёра местных элит (США). В то же время Англосфера может похвастаться прочностью позиций английского языка у своих внешних границ— в Индии, Пакистане, Сингапуре, Брунее, Нигерии, Белизе и т. д., чего не скажешь о Русском мире. Англосфера переходит свои традиционные культурные границы и пересекает границы Русского мира. Последний же находится в обороне, с трудом удерживая свои позиции вблизи своих же границ, не помышляя о победоносном шествии через океаны.

Генерал-лейтенант ВС США в отставке Ральф Петерс откровенно говорит, что американские видеофильмы и поп-культура — оружие для Вашингтона и крэк-кокаин для остального мира¹. Ведь нас знакомят не с творчеством Уитакера или Хемингуэя, а с экранизациями примитивных страстей и плотских желаний. Но, главное, американская культура как основная «начинка» Англосферы — это проект стратегический, направленный на конфликтное вытеснение традиционных культур с их обжитых мест. Только усиление позиций других языков, особенно испанского, как наиболее перспективного конкурента, способно ослабить «культурную хватку» Англосферы. Для России же приоритетная задача на ближайшие годы — способствовать возвращению русского языка на постсоветском пространстве к своим прежним позициям в качестве привлекательного культурного проекта. Пока же этого не удаётся достичь даже в братской Украине, не говоря о Грузии, Таджикистане или республиках Прибалтики.

¹ Р. Петерс «Постоянный конфликт».

Научное издание

Левиафан

Выпуск 2

Материалы семинаров
по проблемам геополитики и многополярности

Центр Консервативных Исследований
119992, Россия, Москва, ГСП-2, Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова,
3-й учебный корпус, социологический факультет
Тел./факс: (495) 939 03 73
E-mail: seminar@socio.msu.ru
www.konservatizm.org

Руководитель Центра — профессор Александр Гельевич Дугин
Координатор Центра — Михаил Анатольевич Тюренков

Главный редактор
д. пол. н. А. Г. Д у г и н

Редактор-составитель
В. В. А л т у х о в

Редактор
В. В. А л т у х о в, Н. В. С п е р а н с к а я

Корректор
В. В. А л т у х о в, Н. В. С п е р а н с к а я

Макет
В. В. А л т у х о в

Оформление обложки
С. А. Жигалкин

Подписано в печать 15.09.2011. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 12. Тираж 550 экз.

«Евразийское Движение»
Москва, 2-й Кожуховской проезд, д. 12, стр. 2, офис 5

Отпечатано с готового макета
в ООО «Книга по Требованию»
119285, г. Москва, Мосфильмовская улица, д. 1
Тел.: +7 (495) 639 9195, +7 (495) 221 8980
E-mail: info@letmeprint.ru